

УГРОЗЫ РОССИИ

**Максим Калашников, Андрей Паршев,
Александр Проханов, Виктор Стечкин, Сергей Картунов**

Предчувствие новой «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Москва
«Яуза-Пресс »
2007

Оформление серии художника *С. Груздева*

П 71 Предчувствие новой «холодной войны»: Сборник / М. Калашников, А. Паршев, А. Проханов, В. Стечкин, С. Картунов; ред.-сост. В. Бобров. — М.: Яуза-пресс, 2007. — 384 с. — (Угрозы России).

ISBN 978-5-903339-75-4

События последних месяцев заставили заговорить о новой «холодной войне» между Западом и Россией. Однако горизонты нового военно-политического противостояния во многом представляются опасной перспективой для нынешней ослабленной России.

Настало время наконец разобраться, в чем же состоит феномен «холодной войны»? Способна ли Россия противостоять новым угрозам и если да, то как и какими средствами? Наконец, следует ли расценивать мюнхенскую речь В.В. Путина как поворот во внешней политике России? Накал политических страстей подогревается тем, что ближайшие наши соседи смотрят на огромные пространства России с нескрываемыми территориальными аппетитами. И то, чем им не удалось овладеть в годы однополярного «союзнчества», они стремятся заполнить иными средствами.

Широко известные авторы сборника Максим Калашников, Андрей Паршев, Александр Проханов, Виктор Стечкин, рассматривая различные аспекты проблемы, каждый по-своему отвечают на поставленные вопросы.

ББК 66.4

ISBN 978-5-903339-75-4

© В. Бобров, составление, 2007
© М. Калашников, 2007
© А. Паршев, 2007
© А. Проханов, 2007
© В. Стечкин, 2007
© С. Картунов, 2007
© ООО «Яуза-пресс», 2007

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: ПАРАДОКСЫ И МИФЫ ОДНОЙ СТРАТЕГИИ

(Вместо предисловия)

Вряд ли кто-либо из серьезных — будь то западных или отечественных — политологов скажет, что «холодная война» — это всего лишь один из эпизодов XX века. В огромной степени повлияв на состояние международных отношений, по крайней мере в течение 40 лет, этот феномен не только оставил неизгладимый отпечаток на их внешней стороне, но и глубоко отразился на самой сущности мирового и национального развития этих лет, затронув политические, социально-экономические и даже психологические аспекты жизни многих (может быть, всех) народов и континентов мира.

Важнейшим атрибутом «холодной войны», которая нанесла серьезнейшую и трудноизлечимую травму человеку XX века, была угроза взаимного ядерного уничтожения, то есть самоуничтожения человечества в ядерной войне. Она поставила под сомнение многие ценности, считавшиеся ранее незыблемыми, даже аксиоматичными. Она подвела мир к порогу Апокалипсиса, до основания потрясла человеческое сознание, которое было вынуждено усомниться в возможности самой перспективы дальнейшего существования и развития мировой цивилизации. Ведь с тех пор, как человечество вступило в ядерный век, оно жило в обстановке, когда механизм уничтожения был полностью отлажен и спусковой крючок удерживался на волоске от того, когда он был бы внезапно и стремительно приведен в действие. Разум отказывался верить, что столь многое зависело от столь малого, что весь окружающий человека природный мир, равно

как и сама человеческая цивилизация, дополнившая чудеса эволюции своими собственными чудесами искусства, науки, социальной организации и духовного возвышения, в один миг могли быть ввергнуты в небытие.

Ввиду весьма большого значения «холодной войны» в истории не только XX века, но и во всемирной истории в целом, представляется необходимым осмыслить целый ряд важных вопросов. Многие из них до сих пор либо остаются не вполне ясными, либо подвергаются самым различным толкованиям. Среди них, в частности, следующие:

- Когда началась «холодная война», кто был ее инициатором? Какие задачи он ставил?
- Закончилась ли «холодная война», подведены ли ее итоги, кто стал победителем, а кто побежденным?
- Какие последствия «холодная война» имела для России и для мира в целом?

Не ответив на эти вопросы, вряд ли можно строить реальное партнерство с Западом, справедливую и равноправную, а следовательно, сколько-нибудь стабильную систему международной безопасности XXI века.

Истоки

Прежде всего следует констатировать общепризнанность самого факта «холодной войны». Никто в принципе не оспаривает дату ее начала — 1945 год. Но дальше, — в частности, в вопросе об источниках и инициаторах «холодной войны» — мнения как западных, так и отечественных историков и политологов начинают расходиться, причем порой кардинальным образом.

Советская историография, как известно, безоговорочно возлагала вину за начало «холодной войны» на западные страны, и в первую очередь на США и Ве-

ликобританию, обозначая в качестве исходной исторической даты речь У. Черчилля в Фултоне.

Несмотря на неоспоримость исторического факта фултонского демарша, западная политология всегда стремилась свалить с больной головы на здоровую и связывала начало «холодной войны» с «имперскими амбициями» СССР и личными амбициями И. Сталина.

Ни одну из этих точек зрения нельзя, на мой взгляд, считать абсолютно верной или же исчерпывающей. Например, советская версия в полной мере не отвечала на вопрос о том, что лежало в основе коллапса антигитлеровской коалиции именно в 1945 году. Кроме того, с позиций современного опыта правильнее связывать начало «холодной войны» не с осенью, а с летом 1945 года, в частности с решением Г. Трумэна подвергнуть атомной бомбардировке японские острова. Удары по Хиросиме и Нагасаки психологически были направлены не столько против Японии, сколько против СССР. Да и само «устрашение» Советского Союза относилось уже к разряду новых технологий «холодной войны». Что же касается фултонской речи У. Черчилля, то она лишь официально зафиксировала то, что де-факто уже произошло и происходило.

Не вполне убедительна и западная версия событий. К 1945 году раздел Европы был уже завершен и закреплён в Ялтинских и Потсдамских соглашениях. Продвигаться дальше — будь то в Европе или Азии — СССР не собирался, да и, вероятно, не имел возможности. А потому и говорить о каких-то «амбициях» Советского Союза или И. Сталина в то время по меньшей мере исторически некорректно.

В одном права и советская, и западная версии: «холодная война» выросла из результатов войны «горячей», Второй мировой. И уже по одной этой причине она не могла быть противостоянием «свободного мира» и «тоталитарного коммунизма» (либеральная версия) или классовой борьбой мирового империализма и «оплота мира и социализма» (зеркальная со-

ветская версия). Ни одна из этих упрощенных трактовок не объясняет всей глубины международного противостояния после Ялты и Потсдама. И немудрено: либеральная и коммунистическая идеологии — не антитиподы, а лишь две ветви рационалистической западной философии.

Как справедливо отмечает Н. Нарочницкая, если бы после окончания Великой Отечественной войны Большая Россия смогла бы сбросить с себя коммунистическую лжерелигию и возродиться в качестве Российской империи, «холодная война» все равно состоялась бы. Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл именно в своей ипостаси Великой России, а не Красной империи. В результате войны была воссоединена ранее разорванная, казалось, навеки, преемственность русской истории, а Советский Союз стал восприниматься Западом как геополитический продолжатель Российской империи. Фактическое преемство СССР к Российской империи стало важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама¹.

В этой связи характерно, что особую ненависть СССР стал вызывать у Запада именно в 1945 году (а, скажем, не в 20-е годы, когда режим был откровенно антирусским и предельно коммунистическим), когда сквозь чуждую идеологию, через востребованный в войне государственный инстинкт русского народа проросла историческая Россия.

Доктрина Аллена Даллеса (сформулированная им еще весной 1945 года, то есть задолго до Фултонской речи и даже до окончания Второй мировой войны) подразумевала конечной целью борьбы против СССР гибель русского народа как «самого непокорного народа на земле, окончательное, необратимое угасание его самосознания».

Между прочим, русский народ не был включен в перечень «порабощенных наций» (как заявлялось, порабощенных коммунизмом), неделя которых отмеча-

ется ежегодно. Принятый в 1959 году под номером 86—90 по инициативе американского Украинского конгресса, этот закон в качестве жертв «империалистической политики коммунистической России» перечислял не только народы Восточной Европы и союзных республик СССР, но также и «континентального Китая и Тибета», а с другой стороны — мифических «Идель-Урала, Казакии» и историко-географической области Туркестана².

Русская эмиграция под предводительством таких видных своих представителей, как младшая дочь писателя А.Л. Толстая и авиаконструктор И.И. Сикорский, безуспешно пыталась протестовать против столь демонстративной дискриминации. Более того, Запад, используя большевистский прием («Россия — тюрьма народов»), объявил «поработителями» перечисленных выше наций именно русских. А когда осенью 1991 года (то есть после пресловутой «победы демократии в России») один из конгрессменов предложил отменить этот закон, его инициативу не поддержали. Как не поддержали в США предложение председателя Конгресса русских американцев Петра Будзиловича использовать Неделю поработенных наций для чествования русского народа за то, что путем демократических выборов он отказался от коммунизма³.

Отсюда становится ясно, что «холодная война» не была простым силовым и идеологическим сдерживанием Красной империи, что было бы правомерно с точки зрения официальных деклараций западных держав. Ведь к концу 50-х годов «коммунистический путь» уже не обладал привлекательностью для западного человека. А военное превосходство США, объединивших к тому же под своей эгидой всю Западную Европу, исключало любимую и немыслимую угрозу со стороны СССР. Однако именно в эти годы окончательно оформилась стратегия Запада по отношению к советской России. И это уже не простое геополитическое сдерживание коммунизма по Дж. Кеннану, а концеп-

ция тотального отрицания советского государства как исторического и геополитического феномена и, прежде всего, как преемника русской истории. Если называть вещи своими именами, то вышеупомянутый закон № 86—90 провозглашал расчленение советского государства в качестве цели американской политики. Следовательно, главным аспектом «холодной войны» была не «борьба с коммунизмом», а борьба с «русским империализмом», причем на самой территории исторической России⁴.

Подобного рода планы по существу ничем не отличались от планов нацистской Германии. В своей речи «по проблемам Востока» рейхсканцлер А. Розенберг 20 июля 1941 года, например, заявлял: «Задачи нашей политики должны идти в том направлении, чтобы подхватить в умной и целеустремленной форме стремление к свободе всех этих (российских. — Прим. С.К.) народов и придать им определенные государственные формы, то есть органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и направить их против Москвы, освободив тем самым германскую империю на будущие века от восточной угрозы». При этом территорию СССР (то есть Большой России) предлагалось разделить на четыре «комиссариата» Великой Германии: Прибалтику (куда планировалось включить и Белоруссию), «свободную» Украину, Кавказ и собственно Россию (то есть территорию нынешней РФ за вычетом Кавказа)⁵.

А вот выписка из еще одного любопытного документа, секретного меморандума Имперского министерства Германии по делам оккупированных восточных областей № P77a/44d от 12 апреля 1944 года: «Борьба против большевизма — это только борьба против чуждой нам идеологии, но за ней стоит носитель этого образа мысли — великорусская, а в своем логическом развитии великославянская государственная власть. У Европы нет других возможностей

устранить грозящую ей столетиями опасность, кроме раздела России. В этом конфликте форма государственной власти нашего восточного соседа не имеет практически никакого значения. Если не удастся раздел, то останется лишь вопросом времени, пока все славяне Европы объединятся под руководством Москвы и задушат остальную Европу. Поэтому мало отделить от России кавказские народы и Туркестан, необходимо также, чтобы и славянские народности развивались отдельно, как различные государства, и эта установка Министерства восточных оккупированных территорий должна быть доведена до всех причастных инстанций как руководство к действиям на будущее. Строгое отделение собственно русских от белорусов и казаков провести не просто. На практике возникает много ситуаций, когда будет нелегко определить, к какому роду и племени относятся люди. Как будут разрешаться подобные ситуации, значения не имеет, важно, чтобы выдерживалась общая линия. Мы должны пойти по этому пути настолько далеко, чтобы о самобытности украинца и казака говорили со всей определенностью, как говорят о датчанине или болгарине»⁶.

Еще раньше Геббельс так сформулировал цель войны на Востоке: «Россия будет расчленена на свои составные части. Каждой республике надо осторожно предоставить свободу. Тенденция такова: не допускать больше существования на Востоке гигантской империи. Большевизм останется в прошлом. Тем самым мы выполним нашу подлинную историческую задачу»⁷.

Весьма примечательно, что законность и историческая легитимность исторической России до революции 1917 года никогда не подвергалась сомнению даже ее наиболее жесткими соперниками на международной арене. Впервые это было сделано нацистской Германией, а затем — сразу же после ее разгрома — конгрессом США. В этой связи можно гово-

рить о перемещении антироссийского мирового центра в 1945 году из Берлина в Вашингтон.

Характерно и то, что антисоветская (а на деле антироссийская) эйфория Запада не позволила прекратить «холодную войну» в 50—60-е годы, когда имелись все возможности это сделать. Так, на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции Советский Союз поставил вопрос о подписании общеевропейского договора о коллективной безопасности, что позволило бы устранить разделительные линии в Европе. Западные страны категорически от этого отказались, аргументируя данную позицию тем, что такой договор предназначен, мол, для замены НАТО, создание которого явилось якобы следствием угрозы со стороны СССР. А когда Советский Союз выразил готовность рассмотреть совместно с заинтересованными правительствами вопрос о своем участии в НАТО, что вело бы к тому, что Североатлантический блок переставал быть замкнутой военной группировкой, это было также отвергнуто. Это предложение, как было сказано в идентичных нотах США, Англии и Франции, «противоречит самим принципам, на которых зиждутся оборонительные усилия и безопасность западных наций, связанных между собой тесными узами взаимного доверия... Если бы Советский Союз стал членом Организации, он имел бы возможность использовать свое право вето при принятии любого решения»⁸.

Таким образом, вопреки неоднократным попыткам СССР прекратить конфронтацию западные страны не пожелали этого сделать. Равно как они категорически отказались включить советскую Россию в свои политические, военные и экономические институты (в отличие от Германии, Японии, Италии и других побежденных стран). Позднее, в период разрядки международной напряженности (60—70-е годы), не боясь уже, конечно, коммунизма для себя, Запад приложил усилия для его развенчания на территории исторической

России. Потому что понимал: красная идея объединяла и скрепляла сверхдержаву. А в 80-е годы, то есть в период, когда советское государство, оставаясь идеологически весьма жестким, никак уже не могло быть названо ни тоталитарным, ни тем более «террористическим», Запад неожиданно объявил СССР «империей зла». При этом им поддерживались те деструктивные силы в СССР, которые пытались дискредитировать саму легитимность советского государства. Свою долю ответственности за это несут «поздние» советские коммунисты в лице в первую очередь М. Горбачева, А. Яковлева и Э. Шеварднадзе. Как отмечает советник американского посольства в Москве Т. Грэхем, «гласность и в особенности процесс заполнения белых пятен» в советской истории окончательно делегитимизировали советское государство. Официальные попытки реабилитации жертв сталинского периода быстро привели к дестабилизирующим вопросам о ленинском наследии и значении Великой Октябрьской революции, основополагающем мифе строя. Откровения по поводу сталинской дипломатии в 30-х годах поставили вопрос об ответственности Советского Союза за начало Второй мировой войны, а также о предположении, что можно было бы избежать героических жертв народов Советского Союза в этой войне, если бы Сталин проводил иную политику по отношению к Германии. Короче говоря, политика Горбачева непоправимо дискредитировала легитимный принцип советского строя и бросила серьезную тень на два основополагающих мифа: Октябрьскую революцию и победу Советского Союза во Второй мировой войне»⁹.

Закончилась ли «холодная война»? В широком политическом смысле, вероятно, да. Когда же это произошло?

С моей точки зрения, не в 1991 году, то есть не в момент распада СССР. Такой модели завершения «холодной войны» не было ни в одном из сценариев

ЦРУ. Это, кстати говоря, признает С. Тэлбот. «Всего лишь 10 лет назад, — пишет он в 1996 году, — многие из нас не могли и вообразить, что мы или хотя бы наши дети доживем до того момента, когда Советский Союз откажется от марксизма-ленинизма и мирно распадется на 12 отдельных стран»¹⁰.

Начало конца «холодной войны», вероятно, можно датировать 1985 годом, когда к власти пришло новое поколение руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым. К этому моменту необходимость окончания конфронтации твердо сознавалась всем обществом. Значимыми вехами на этом пути был Рейкьявик, переговоры по ядерно-космическим вооружениям, подписание в 1987 году Договора по ракетам средней и меньшей дальности, переговоры об обычных вооруженных силах в Европе (ОВСЕ) в Вене, одностороннее сокращения тактического ядерного оружия в Европе. Однако важнейшим рубежом между конфронтационным и постконфронтационным периодом истории международных отношений после Второй мировой войны следует считать вывод советских войск из стран Восточной Европы. Последующее падение Берлинской стены закрепило этот беспрецедентный односторонний шаг в символическом отношении, осуществленный, кстати, совершенно добровольно и без какого бы то ни было давления извне.

С другой стороны, можно легко доказать, что «холодная война» не вполне окончена. И один из самых сильных аргументов в пользу такого вывода — сохранение доктрины ядерного сдерживания, которая является органическим элементом сложившейся после Второй мировой войны системы международной безопасности. Ведь какие бы невероятные усилия ни предпринимались на самом высоком политическом уровне с тем, чтобы вырваться за пределы «холодной войны», ситуация взаимного ядерного сдерживания, материализованная в чудовищно разросшихся военных потенциалах, будет с неизбежностью воспроиз-

водить всю совокупность конфронтационных межгосударственных отношений. В доктрине сдерживания имманентно заложена концепция злого врага, идея взаимного запугивания и состязания в наращивании ядерных вооружений. Она как бы абсорбирует в себе, — а вернее, в инструментах своего осуществления — весь груз накопленных за долгие годы «холодной войны» взаимного недоверия, подозрительности, вражды и ложных, зачастую окарикатуренных представлений друг о друге.

Между тем важнейшие американские документы свидетельствуют о том, что доктрина ядерного сдерживания России по-прежнему является органической и неотъемлемой составной частью военно-политического мышления США, которое таким образом не претерпело существенных изменений после объявленного окончания «холодной войны». Например, в ноябре 1997 года Президент США Б. Клинтон подписал секретную директиву, ставшую, скорее всего, ведомой Белого дома, достоянием гласности. В этом документе, определяющем общие цели и задачи, поставленные перед стратегическими ядерными силами, сохраняется возможность нанесения ядерного удара по российским военным и гражданским объектам. Кроме того, расширяется перечень целей на территории Китая, а также содержится указание прекратить планирование мероприятий на случай «затяжной ядерной войны». Новая директива заменяет документ, подписанный президентом Р. Рейганом в 1981 году. Как сообщили американской прессе анонимные представители администрации США, впервые после окончания «холодной войны» в президентском документе «содержится формальное признание того, что ни одна страна не выйдет победителем в крупном ядерном конфликте». В то же время от разработчиков военной политики требуется сохранить «давно существующие возможности для ядерных ударов по военному и гражданскому руководству и ядер-

ным силам России». Особенностью директивы является также то, что теперь допускается применение ядерного оружия в ответ на использование химических и бактериологических средств против американских войск¹¹.

Есть свидетельства и более позднего времени, подтверждающие указанную тенденцию. Но документ Б. Клинтона весьма примечателен именно в рассматриваемом контексте «холодной войны».

Во-первых, США недвусмысленно дали понять, что Россия по-прежнему находится в списке их потенциальных противников. Напомним, что в этот список (то есть перечень государств, на которые нацелены американские ракеты) в 1997 году входили, помимо России, такие страны, как Ирак, Иран, Ливия, Сирия, ЮАР, Пакистан, Индия, Китай, Эфиопия, КНДР, Вьетнам, Куба, Болгария, Мьянма и ряд других. При этом «главными» потенциальными противниками США, как можно понять из изложения директивы, оставались Россия и Китай.

Во-вторых, документ Белого дома подразумевал, что США по-прежнему акцентируют ядерное оружие в качестве важнейшего компонента своей военной доктрины. Они не собираются отказываться от стратегии ядерного сдерживания, предполагающей состояние полной боевой готовности ядерных сил и возможность нанесения ядерного удара первыми.

В-третьих, указание на то, что США будут готовы применить ядерное оружие в отношении стран, способных использовать химическое и бактериологическое оружие против американских войск, можно интерпретировать как значительное снижение «ядерного порога» для применения ядерного оружия. А это, в свою очередь, способно существенно подорвать стратегическую стабильность, особенно в условиях потенциальной кризисной ситуации в том или ином регионе.

Таким образом, единственная «крупная» позитивная подвижка в американской ядерной стратегии —

аж с 1981 года (то есть с года наивысшего разгара «холодной войны») — это отказ от ставки на победу в крупном ядерном конфликте (очевидно, что такой конфликт возможен только с Россией). Известно, однако, что от подобных планов бывший СССР отказался именно в 1981 году! Что же касается сценариев так называемой затяжной ядерной войны, то они существовали, как теперь выяснилось, лишь в американских оперативных планах на протяжении приблизительно тридцати последних лет, в том числе и тех лет, которые даже в официальных американских документах, уже не говоря о многочисленных международных соглашениях, принято считать «постконфронтационным периодом» мировой политики. Отказ от этих планов — вовсе не альтруизм Пентагона в духе «нового мышления», а лишь приведение ядерной стратегии США в соответствие с финансовыми возможностями их военного бюджета.

Особенно интересен тот факт, что новая «ядерная директива» США, подписанная «другом Биллом», стала достоянием гласности аккурат после известных заявлений президента России Б. Ельцина в Стокгольме об одностороннем (подчеркнем — одностороннем!) сокращении российских ядерных боеголовок еще на одну треть в ближайшие годы. Прямо скажем, весьма странное политическое совпадение...

Можно вспомнить, что в 1982 году, когда считалось, что СССР располагает некоторым превосходством в обычных Вооруженных силах (да и то — только в Европе), советское руководство объявило об обязательстве не применять ядерное оружие первыми. Эта мера потребовала серьезных и вполне транспарентных мер в области военного строительства и военных учений советских Вооруженных сил — вопреки заявлениям Запада о «пропагандистском» характере данной инициативы.

В условиях подавляющего и неоспоримого превосходства США в области обычных вооружений над

Россией и всеми другими странами мира, причем превосходства не только количественного, но — что еще важнее — качественного, можно было ожидать предложения США о полном ядерном разоружении. Однако политической воли не хватило даже на декларацию о неприменении ядерного оружия первыми. Вместо этого заявлен чуть подкорректированный вариант ядерной стратегии худших времен «холодной войны». И это несмотря на известные выводы того же Пентагона о том, что высокоточное обычное оружие, которым располагают США, способно решать те же задачи, что и ядерное.

Новая директива лишь подтвердила выводы тех российских и американских специалистов, которые с самого начала говорили об исключительно политическом характере российско-американского соглашения о ненацеливании ракет друг против друга. В техническом же плане ненацеливание ракет на объекты другой стороны не требует переделки современных систем боевого управления стратегическим ядерным оружием и дополнительных затрат времени. К тому же за этой мерой невозможно установить какой-либо контроль. По авторитетному мнению известного американского специалиста Б. Блэйра, возвращение полетного задания «ненацеленным» ракетам потребует не более 10 секунд¹². Этим вовсе не принижается, разумеется, политическое значение деклараций о ненацеливании. Просто не следует думать, что они раз и навсегда выводят стороны за пределы ядерного сдерживания (то есть стратегической доктрины «холодной войны») и создают достаточно прочную основу для партнерства.

Более того, доктрина и реальная ситуация взаимного ядерного сдерживания находятся в вопиющем противоречии с партнерством. Сохранение взаимного ядерного сдерживания в российско-американских отношениях означает, что ядерная угроза по-прежнему персонифицирована. Иными словами, каждая из

сторон рассматривает другую в качестве безусловно-материального носителя этой угрозы. Отсюда — возможность неверных оценок реальных измерений другой стороны, представляющих собой главную причину дестабилизации стратегической обстановки. Взаимное ядерное сдерживание в лучшем случае обеспечивает равную опасность, которая является не чем иным, как эрзацем, суррогатом подлинной безопасности. Даже если ядерная угроза преднамеренной ядерной войны будет сведена к нулю, вместе с ядерным оружием останется и опасность ее возникновения в результате случайности, просчета либо провокации вопреки всем принятым мерам, направленным на предотвращение подобного рода развития событий. Поэтому, строго говоря, даже предельно низкий уровень ядерного баланса несовместим с реальной — будь то международной или национальной — безопасностью. Ведь безопасность по определению является отсутствием опасности. Здравый смысл поэтому говорит, что надо вести речь не о сдерживании с помощью ядерного оружия, а о сдерживании самого ядерного оружия, а на первом этапе — о деперсонификации ядерной угрозы. Это предполагает радикальную трансформацию ядерного сдерживания, отказ от наращивания и совершенствования ядерного оружия, постепенное, но неуклонное уничтожение его запасов, вплоть до полной ликвидации и запрещения его производства.

Ничтожные подвижки в современной ядерной стратегии США, по сравнению со стратегией времен «холодной войны», наглядно демонстрируют сохраняющийся огромный разрыв между декларативной политикой и практическими намерениями США, реализуемыми в конкретном военном планировании в отношении России. Американское военное строительство, как известно, полностью соответствует реальной ядерной стратегии: постоянно повышается боевая устойчивость, скрытность и безопасность ПЛАРБ,

продлеваются сроки эксплуатации боеголовок межконтинентальных баллистических ракет, расширяются боевые возможности воздушного компонента стратегических ядерных сил, включая принятие на вооружение новых стратегических бомбардировщиков «В-2». О серьезности намерений в области модернизации ядерных сил свидетельствуют десятки миллиардов долларов, ежегодно выделяемых на эти цели в бюджет Пентагона. Все эти усилия иногда вызывают законный вопрос: а закончилась ли реально «холодная война»? Или же США продолжают «воевать» с Россией?

Второй признак того, что «холодная война» не вполне закончена, — невиданное геополитическое наступление США, предпринятое ими после того, как «холодная война» была объявлена достоянием прошлого.

Справедливости ради следует признать, что это наступление было спровоцировано грубейшими просчетами советского руководства, не сумевшего обеспечить преемственность геополитических интересов исторической России в конце 80-х — начале 90-х годов. Не подлежит сомнению, что к этому времени вывод советских войск из стран Центральной и Восточной Европы был так или иначе неизбежен, и он отвечал национальным интересам страны. Столь же неминуемы были и распад Организации Варшавского договора (ОВД), и объединение Германии. Другое дело, что в это время сохранялись все предпосылки и возможности решить эти вопросы при должном учете национальных интересов, в частности, юридически оформив обязательства Запада не нарушать в Европе геополитический статус-кво, в том числе и путем расширения НАТО на Восток. И Запад, следует признать с полной определенностью, был тогда к этому готов. Ведь в конце 80-х никому даже в кошмарном сне не виделась возможность вступления в альянс Чехии, Польши и Венгрии, не говоря уже о странах Балтии.

В это время, однако, руководство бывшего СССР

предлагало миру новую, «бесполярную» концепцию геополитики, основанную на всеобщей гармонии и сотрудничестве. Оно пропагандировало идеи «многообразного, но взаимозависимого», «безъядерного и ненасильственного мира», инициативы по одновременному роспуску военно-политических блоков, программу ликвидации ядерного оружия и других средств массового поражения к 2000 году. Одновременно мы активно продвигали программу создания «общеевропейского дома», концепцию «всеобъемлющей системы международной безопасности» с опорой на «обновленную» ООН. Западные политики на словах поддерживали эти инициативы, но на деле участвовать в создании «бесполярной» геополитической модели мира не стали. Через некоторое время стало очевидно, что международные отношения в действительности эволюционируют в сторону многополюсной, полицентрической картины мира.

Дальнейшее фантастическое по масштабам геополитическое отступление, осуществленное новой Россией в 1991—1995 гг. в духе «позднего СССР» без всякого ощутимого принуждения со стороны Запада, было основано на ложном представлении о возможности незамедлительной интеграции новой «неимперской» России в евроатлантическое сообщество, минуя прежние геополитические рубежи — страны Центральной и Восточной Европы, Балтии, Украину, Молдавию, Белоруссию. При этом новое руководство России, выступая за активное развитие связей с Западом, никак не увязывало этот курс с вопросами «победы» или «поражения». Наоборот, считалось, что свержение коммунистического режима даже ценой распада Советского Союза создало абсолютно беспрецедентные условия для партнерства между Западом и Россией.

На Западе же этот курс был воспринят и интерпретирован как свидетельство очевидной слабости, как признание Россией «поражения» в «холодной войне».

Там возникла идея «нового сдерживания» России, в том числе и посредством экспансии НАТО на Восток. Запад, таким образом, проявил жесткий прагматизм и поспешил закрепить уступки России в качестве своих геополитических приобретений. Вместо обещанного вхождения в так называемое цивилизованное сообщество демократических стран Россию стали бесцеремонно вытеснять с морей и других жизненно важных для нее геополитических рубежей. К концу 90-х, казалось бы, навсегда разрушенная Берлинская стена вдруг переместилась к границам «Московского царства». Итог торжествующе подвел бывший посол США в Москве Томас Пикеринг: «Со строго геополитической точки зрения распад Советского Союза явился концом продолжавшегося триста лет стратегического территориального продвижения Санкт-Петербурга и Москвы. Современная Россия отодвинулась на север и восток и стала более отдаленной от Западной Европы и Ближнего Востока, чем это было в XVII веке»¹³. Запоздалые же заявления МИДа РФ о том, что Россия считает зонами своих жизненно важных интересов всю территорию СНГ, были им квалифицированы как «имперские амбиции».

При этом для закрепления расчленения национального тела исторической России был применен испытанный прием — абсолютизация права наций на самоопределение. Кстати говоря, на Западе уже в начале 20-х годов разработали двойной стандарт к применению этого принципа: для себя и для тех, в чьем ослаблении и расчленении он был заинтересован. В применении к западным государствам право на самоопределение, согласно заключениям двух специальных комиссий, сделанных по заказу Лиги наций, противоречит «самой идее государства как единице территориальной и политической» и праву остального народа и государства на единство, более того, «нарушает суверенитет каждого окончательно образовавшегося государства». Однако для стран, «охваченных

революцией», было сделано исключение из этого правила. То есть в отношении России — и только в отношении России — принцип наций на самоопределение должен был действовать в качестве неукоснительной международной нормы¹⁴. Такое толкование данного принципа было искусно внедрено в сознание новоявленных «национальных» лидеров с помощью испытанных технологий «холодной войны» — уже после того, как она якобы закончилась.

Таким образом, если Россия в конце 80-х годов и в самом деле закончила «холодную войну» с Западом (напомним еще раз: вывод войск из Восточной Европы, ликвидация ОВД, объединение Германии, односторонние сокращения тактического ядерного оружия, прекращение ряда военных программ, уже не говоря о «ропуске» СССР, были предприняты Россией исключительно добровольно, без всякого давления извне), то последний эту войну скорее продолжал. И пока Россия упивалась «новым мышлением», Запад сумел интерпретировать Парижскую хартию 1990 года, в которой содержится его обязательство вместе с Россией строить Большую Европу, как геополитическую капитуляцию, как отказ России от идеи исторической преемственности и, следовательно, от исторических и послевоенных основ своей внешней политики, от традиционных сфер влияния.

90-е годы XX века подтвердили, что старые геополитические истины остаются пока в силе. А коль скоро это так, то и «холодную войну» нельзя считать в полной мере законченной.

«Победители» и «побежденные»

Представление о полной и безоговорочной «победе» Запада в «холодной войне» относится к числу основополагающих мифов современного западного

сознания. Этот тезис записан в главных правительственных документах США, включая «Стратегию национальной безопасности». Он используется и для внутреннего потребления — с целью мобилизации американцев на «руководящую роль» в мире. О «победе» США неустанно твердят Г. Киссинджер и З. Бжезинский. В наиболее наглой форме его сформулировал американский Фонд наследия в меморандуме «Америка в безопасном мире»: «Крах советской империи и мирового коммунизма — это победа Америки, подобных которой в мировой истории немного»¹⁵.

Удивительно, впрочем, другое — этот миф, изрядно навредивший российско-американским отношениям, стал также мифом сознания не только известных «конспирологов», склонных во всех наших неудачах усматривать злокозненное вмешательство внешних сил, но и наиболее радикальной части отечественных демократов, которые вовсе не отрицают «поражения» России и не скрывают своей радости по этому поводу, равно как и своего содействия ему. С «поражением» готовы согласиться и некоторые политологи, относящие себя к «политическому центру». Например, М. Делягин категорично писал: «России пора осознать то, что давно понял мир: «холодная война» завершилась победой США. Победа демократических сил России в их внутреннем гражданском противостоянии с тоталитаризмом на внешнеполитической арене означала общенациональное поражение, завершившееся уничтожением побежденного государства — СССР»¹⁶.

С другой стороны, в российской политической элите — причем как демократического, так и коммунистического толка — наметилась тенденция полного отрицания внешнеполитических ошибок, совершенных советским, а затем российским руководством в конце 80-х — начале 90-х годов. Природу этого явления, на мой взгляд, верно вскрыл Е. Кожокин: «Демократам гораздо комфортнее делать вид, что Запад

никогда не вел целенаправленной борьбы против нашей исчезнувшей Родины — СССР, что только собственными усилиями мы разрушили «империю зла». «Коммунистам» не хочется признавать ответственность КПСС за столь неэффективное, нерациональное управление страной, которое и обусловило в конечном счете ее поражение в глобальном противоборстве»¹⁷.

Настала пора дать взвешенную оценку итогов «холодной войны». Ибо неправильные на этот счет представления, всевозможные мифы, с одной стороны, деморализуют наш народ, создают у него чувство уязвленного самолюбия, усугубляют национальный комплекс неполноценности, а с другой стороны — в силу первого обстоятельства, — способны дать агрессивные «выбросы» протестной национальной энергии. И то, и другое — крайне опасно и для России, и для мирового сообщества.

Начнем с того, что если кто и «проиграл» «холодную войну», то уж во всяком случае не Российская Федерация, выделившаяся в 1991 году из состава СССР. Строго говоря, Российская Федерация «воевала» против СССР на стороне Запада. Это уже потом, после распада СССР (когда «Россия вышла из России»), национальная элита, которая «целила в коммунизм, а попала в Россию», видя бесцеремонное поведение Запада, засомневалась в правильности «антисоветской» линии (оказавшейся антироссийской). В конце же 80-х — начале 90-х годов эта элита с визгом и улюлюканьем топтала тело СССР, не понимая, что топчет национальное тело России.

Участия Запада, и прежде всего США, в развале СССР отрицать, разумеется, нельзя. Однако те сложнейшие внутренние, поистине тектонические процессы, которые СССР переживал в 80-е годы, а Россия в 90-е, порождены, несомненно, в основном внутренними, а не внешними причинами. Верх глупости и самонадеянности записывать все эти процессы себе в «победу», как это делают американцы.

Историческая же правда состоит в том, что советская коммунистическая система, накопив внутренние противоречия, распалась, взорвалась изнутри. Можно, конечно, допустить, что Запад более успешно вел идеологическую борьбу (или, если угодно, «психологическую войну»). Вероятно, следует признать и то, что ЦРУ «переиграло» КГБ (во всяком случае, факт сокрушительного поражения советских спецслужб для меня совершенно бесспорен). И все же распад советской системы, коммунистического режима (но не Большой России) — процесс прежде всего внутренних, естественный и неизбежный, поскольку и система, и режим оказались основанными на шатком фундаменте. И уж если кто и одержал над ними победу, так это и в самом деле сама Россия, которая нашла в себе силы сбросить с себя коммунистическую лжерелигию.

Другой вопрос, что историческая трансформация страны от тоталитаризма к свободной и демократической модели развития, от административно-командной системы к рыночной экономике и правовому государству, от закрытого к открытому обществу (трансформация, заметим, которая еще далека от завершения) могла быть проведена и без распада СССР, если бы не целый ряд грубейших стратегических просчетов, допущенных правящей элитой позднего Советского Союза. Большую долю вины здесь несет и национальная элита в целом. В этом — и только в этом — смысле можно и нужно говорить об общенациональном поражении страны. В особенности, если исходить из того, что Российская Федерация — это не бог знает откуда взявшееся государство, а историческая преемница Российской империи и СССР. В этом же смысле можно, вероятно, говорить о смысловом поражении Большой России: ее национальная элита оказалась в результате внутренней трансформации полностью деморализованной и расколотой, неспособной осуществить конструктивное

обновление национальных ценностей и идеалов, создать жизнеспособную стратегию развития страны, выработать такие нейтрализаторы и иммунные идеологические механизмы, которые свели бы на нет негативные разрушительные последствия неизбежного краха коммунистического режима.

Все это, однако, не дает оснований говорить о тотальном «поражении» России в «холодной войне» и безоговорочной «победе» США.

Окончание «холодной войны» вообще невозможно расценивать в категориях «проигрыша» и «выигрыша», поскольку это была война позиционная и идеологическая, она, собственно говоря, не велась за геополитические приобретения. Это было состязание двух идеологий, двух образов жизни, которое на поверхности выглядело как историческое соревнование экономик или гонка вооружений. Но не западный образ жизни — хотя недооценивать его влияния нельзя — и уж тем более не военная машина НАТО — победили в этой войне.

К этому следует добавить, что ни один из документов начала 90-х годов не говорит о «поражении» или «капитуляции» России — будь то Договор ОБСЕ, договоренности по формуле «2+4» или Парижская хартия 1990 г. Напротив, эти документы фиксируют обязательство всех стран ОБСЕ строить единую Большую Европу без разделительных линий на основах абсолютно равноправного партнерства. Более того, с юридической точки зрения вся территория СССР в границах 1975 года, подтвержденных в хельсинкском Заключительном акте, есть зона договорной ответственности и безопасности России, ее военно-стратегическое пространство, унаследованное ею от СССР в силу признанного всем миром правопреемства по всем договорам в области ядерного и обычного вооружения, которые продолжают действовать на этом географическом пространстве. Ни одно государство не может позволить на своем военно-стратегическом

пространстве появления вооруженных сил третьих держав и вступления частей этого пространства в блоки и союзы, враждебные ему.

В то же время следует признать, что Запад истолковал крушение СССР именно как тотальное «поражение» России. Это потребовалось для того, чтобы обосновать «правомерность» замены итогов Второй мировой войны, которую Россия бесспорно выиграла, на итоги «холодной войны», которую она якобы проиграла. Ликование либерализма над коммунизмом при этом странно не соответствовало уже абсолютной безвредности идеи коммунизма для «свободного мира» просто в силу непривлекательности этой идеи в конце XX века. (Об историческом поражении коммунизма З. Бжезинский писал еще в конце 80-х годов, то есть за несколько лет до распада СССР.) Празднование «победы» было связано с тем, что под видом коммунизма, казалось, удалось еще раз похоронить в зародыше потенциальную возможность исторического возрождения России. Для этого она и была объявлена «тоталитарным монстром», который был «побежден» западными демократиями. При этом была применена большевистская интерпретация русской истории: Россия и русское государство «упразднены» безвозвратно в 1917 году, а СССР стал не продолжателем тысячелетнего государства, а соединением совершенно независимых и самостоятельных (неизвестно, правда, откуда взявшихся) наций. Такая трактовка давала Западу возможность в любой момент подвергнуть сомнению единство страны, ибо ей было отказано в историческом прошлом.

При этом характерно, что и сейчас, после «победы демократии», за Россией хотят закрепить титул «ядра империи зла», доказывая, что она коварно поменяла лишь вывеску, но не суть. Иными словами, вектор ненависти к коммунизму, к советской системе (за неимением таковых) теперь уже совершенно откровенно обращается против самой России. Идеологема

«советофобии» вербальным путем меняется на идеологему «русофобии».

Эта незатейливая идеологическая операция лишь укрепляет уверенность в том, что «благородная» борьба Запада с советским коммунизмом была лишь фиговым листком, которым на самом деле прикрывалась подлинная война с исторической Россией. И если крушение «тоталитаризма» хотят истолковать как торжественную «капитуляцию» тысячелетней русской цивилизации перед западными либеральными ценностями, то вся история отношений Запада и России в XX веке была не чем иным, как маскарадом, имитирующим борьбу с большевизмом. А главным смыслом и главной целью политики Запада было на самом деле расчленение территории исторической России. И для ее достижения бессовестно и цинично использовались периоды наибольшей слабости страны, равно как и антинациональная российская элита. Это сделали сначала в 1917 году с помощью большевиков. Потом, когда Россия вернула себе статус великой державы, это пытались сделать в 1941 году с помощью Гитлера. В 1991 году это сделали с помощью технологий «холодной войны» при опоре на российских «демократов».

Если же встать на позицию тотального «поражения» Большой России, то под вопросом окажется и все ее историческое бытие. Причем не только будущее, но и прошлое, которое становится зыбким, недостоверным, сомнительным. И согласившись с «триумфом победителя», Россия перечеркивает во многом уже осуществившуюся судьбу русского народа, обесмысливает прожитую им жизнь, ставит под сомнение смыслы и цели всего прожитого Россией исторического времени, ее национальную идентичность. Русскую историю тем самым как бы «смаывают назад», до полного уничтожения русского исторического времени, ибо именно это, а не только разложение русского исторического пространства, строго говоря,

будет окончательной смысловой победой Запада. Уничтожить же нечто, жившее на Земле, невозможно, не уничтожив память о нем. Вот почему такое огромное место в технологиях «холодной войны» заняла фарсовая десакрализация русской истории, ритуальное ее осмеяние. (Здесь шаг вперед по сравнению с де Кюстином, который в основном пугал.) Оружием этим прекрасно владеет и сам Запад; но подлинной виртуозности достигла здесь советская (и постсоветская) либеральная интеллигенция с ее привычками двойной морали, «фигой в кармане», циничных усмешек и подчеркнутого самоотчуждения от всего, что могло бы быть свято для «этой» страны.

Таким образом, признание «правоты» Запада в «холодной войне» означает вовсе не отказ от коммунизма, а признание неправоты всего русского исторического замысла, русского православного замысла в истории в целом. Русский народ, осуществлявший веками державную работу России, сопротивлявшийся натиску Запада, предстает в этом свете лишь как носитель «имперской гордыни». А это сопротивление — всего лишь как следствие его природного злонравия и беспочвенных «амбиций». Ведь получается, что, выдержав натиск католицизма, отстояв ценой моря крови российские рубежи на севере, юге, западе и востоке, сокрушив Тевтонский орден, Османскую империю, Наполеона, наконец, победив германский фашизм, русский народ в конце концов покорно — и даже с радостью — склонился перед Америкой! И ради чего? Ради сникерсов, джинсов и кока-колы?!

Самое нелепое, самое пагубное, что мог совершить русский народ, — это покаяться, что тысячу лет он шел неправильной дорогой, и объявить собранным вокруг него народам, что теперь он поведет их к «солнцу Запада». Ведь для движения на Запад другие народы не нуждаются в его посредничестве; каждый из них начал самостоятельное движение в ту сторону, которую им указала сама Россия, охваченная угаром

американоцентризма. В самой же России этот американоцентризм принял такие карикатурные, такие нелепые формы, что впервые в своей истории Россия предстала смешной.

Оборотной стороной признания тотального «поражения» в «холодной войне» является самопризнание Россией «империей зла» или — в более «мягком», но и более унижительном варианте — неким уродливым отклонением от «общего мирового пути». И потому — неудачницей мировой истории. Это, в свою очередь, ведет к смысловому подчинению Западу, ценности которого получают статус «общечеловеческих». Отсюда — один шаг для признания себя «лишней страной» (выражение З. Бжезинского) и самоуничтожения.

Есть, впрочем, одна положительная сторона мифа о «поражении». Он способствует росту национального самосознания, а следовательно, возвращению России ее собственной идентичности, казалось бы навеки потерянной и растворенной в советском периоде русской истории. (Растущая, резко выраженная американофобия — негативный побочный продукт этой, несомненно, совершенно здоровой общенациональной реакции на открытое торжество «победителя». К тому же, как это вообще свойственно традиционному русскому сознанию, адресуется она не народу и даже не стране, но конкретной форме проявления данной страны.) И чем сильнее напор «победителя», тем быстрее идет этот процесс. С этой точки зрения американцы совершают величайшее благо для России.

Следует, однако, сразу оговориться, что эта тенденция небезопасна, поскольку она может разбудить крайние формы русского национализма. Очевидные попытки во что бы то ни стало закрепить итоги разрушения российской государственности под предлогом «закономерного» краха «тоталитарного СССР» в конечном счете могут привести к выводу о том, что без прямого и недвусмысленного восстановления исто-

рического правопреемства Российской Федерации — не от 1991-го и не от 1922-го, а от 1917 года — будет невозможно устранить саму основу нынешнего состояния русских как расчлененного народа. И все проекты, основанные на осколках российской государственности, будь то СНГ, Евразийский Союз и иные «конфедерации» и «интеграционные модели», означают признание двух предыдущих разделов Отечества, в косвенной форме закрепляя разделенный и безгосударственный статус огромной части русского народа. А это, в свою очередь, ведет к постановке вопроса о прямом и полном правопреемстве от Российской империи 1917 года в юридической плоскости, ибо только это дает безупречный инструментарий для воссоединения разделенного русского народа и воссоединения его с тяготеющими к нему народами, решения многих территориальных проблем, что ни в коей мере не означает признания многих реальностей сегодняшнего дня, узаконивающих его нынешнее положение. И, в частности, — признания отторгнутых исторических исконных территорий и святынь (Севастополь, Крым, Приднестровье и проч.). Именно такую политику проводила послевоенная Германия — и, в конечном счете, воссоединилась.

Поэтому вряд ли США стоит педалировать тезис о своей «победе» в «холодной войне». Это не в их собственных интересах. В «холодной войне», во всяком случае в долгосрочном плане, и в самом деле нет и не может быть «победителей» и «побежденных». Можно, вероятно, лишь сказать, что ПОКА именно Россия платит самую большую цену за окончание «холодной войны», хотя по всем прикидкам именно она и должна была оказаться в наибольшем выигрыше от этого. Сказанное не означает, однако, что и другая сторона в некотором не очень отдаленном будущем не заплатит за это свою цену. Во всяком случае, если судить по статье С. Хантингтона «Эрозия национального интереса США»¹⁸, это будущее действительно не за го-

рами. Таков злосчастный удел «победителя». Н. Бердяев как-то говорил: «Не горе побежденным, горе победителям». Потому что они упускают тот момент, когда надо остановиться и сказать себе: «Хватит». Они упускают момент самоограничения, им трудно мобилизовать реакцию самоограничения, их охватывает эйфория от «побед», от чувства силы, от игры мускулами. Эстетизация силы — огромный соблазн «победителя». И чем больше американцы сегодня утверждают моноцентричную модель, чем больше они настаивают на ней, чем больше их охватывает азарт «победителя» в «холодной войне», тем более серьезные вызовы встретит Америка в XXI веке. Реакция не только России, но и других стран не заставит себя ждать, и она будет тем более острой и тем менее предсказуемой, чем более бесцеремонно и догматически ведет себя нынешний «победитель».

Завершая разговор о «победителях» и «побежденных», следует сказать, что крушение СССР — это, несомненно, национальная катастрофа. Но катастрофы, как справедливо замечает С. Кургинян, бывают трех типов. Это, во-первых, катастрофы истощения, при которых потенциал цивилизованного сообщества выработан, и в связи с этим возникает цивилизационный фатум — смерть цивилизации. Это, во-вторых, катастрофы сдвига, при которых механизмы влияния общества на элиту и механизмы выдвижения обществом своего управляющего меньшинства становятся неэффективными. И, в-третьих, это катастрофы инверсии, или инверсионные катастрофы, при которых происходит перерождение управляющих систем и их включение в новые шифры и коды при сохранении национальной идентичности¹⁹.

Катастрофа крушения СССР — это катастрофа сдвига и в какой-то степени — инверсии. Но никак не катастрофа истощения. А потому — это устранимая катастрофа. Новая модель национального развития должна учесть весь опыт катастроф, сопровождавших

российскую историю, и содержать эффективные механизмы их предотвращения в будущем. Но это уже отдельная тема.

К вопросу об «имперском синдроме»

Демонизация России в западном сознании — явление не новое. Оно проявилось задолго до маркиза де Кюстина. Как справедливо отмечает Ксения Мяло, здесь прослеживается закономерность: стоит лишь России сбросить одну конкретную оболочку, демонизированную в глазах Запада, как вскоре демонизируется — в символах неизменного мифа — и эта, новая. Так была демонизирована допетровская Русь, но затем демонические черты приобрела уже петровская Россия. Внушающую страх Европе православную монархию сменила Россия большевистская, затем также превратившаяся в «империю зла». Сегодня Западу «угрожает» уже антикоммунистическая Россия, лишившаяся статуса сверхдержавы²⁰. Г. Киссинджер по существу возвращает ей титул «империи зла»²¹, а З. Бжезинский облекает новую «русскую угрозу» в форму грядущего фашизма.

То же самое, хотя и в более мягкой форме, проповедует А. Янов со своей навязчивой темой «веймарской» (то есть предфашистской в его понимании) России. Его исходная посылка состоит в том, что Россия, «проиграв» «холодную войну», находится сейчас якобы в том же положении, что и немцы в 1920 году, испытывавшие тогда острое чувство национального унижения и даже неполноценности. В соответствии с «веймарским правилом», по мнению Янова, Россия, если ее не контролировать со стороны «демократического сообщества», неизбежно, как и Германия 20—30-х годов, превратится в ревизионистскую державу и в конечном счете встанет на путь «нового империализма» (а то и фашизма). «В каждом случае, — пишет Янов, — когда великая имперская автократия, неваж-

но — передовая или отсталая, европейская или азиатская, пыталась в XX веке в одиночку, на свой страх и риск трансформироваться в современную демократию, дело заканчивалось одним и тем же — тоталитарной диктатурой. Всегда. Без единого исключения. Так выглядит железное «веймарское правило». В этой связи политолог призывает разработать и реализовать «антифашистскую стратегию» Запада в отношении России по аналогии с тем, как это было сделано в отношении побежденной в 1945 году Германии²².

В подобного рода теориях все смешано в кучу. Здесь неоправданно отождествляется положение Германии в первой половине и России в конце XX века, искусственно уравниваются фашистская и коммунистическая доктрины, проводятся абсолютно неисторичные аналогии между немецким и русским сознанием, германским и российским самоопределением.

Начнем с того, что положение России в 90-е годы существенно отличалось от положения Германии 20-х, а тем более 40—50-х годов XX века. Германия действительно потерпела тотальное поражение как в Первой, так и во Второй мировых войнах. Причем это было поражение не только германской военной машины и германской государственности. Это было поражение немецкого духа, раздутого до абсурда в своей абсолютизации. Абсурд лопнул, но при этом пострадало и самосознание нации в целом. Стало не только невозможным быть фашистом, стало стыдно называться немцем вообще. Провозглашенное Гитлером тождество национал-социализма и немецкого духа продолжало жить, хотя и в негативной форме: идеал немецкой расы господ обратился кошмаром немецкой расы преступников. Причины этого во многом лежат в действительных особенностях немецкого сознания. «Нация поэтов и палачей», «Шиллер и Освенцим» представляют собой, как признают сами немцы, не только противоречие, но и некоторую духовную целостность.

Достаточно очевидно, что поражение и дискредитация национал-социализма могли быть восприняты немцами только с облегчением, как исчезновение чуждой, угнетающей силы, но в значительной мере и как необходимость признаться в собственном заблуждении. По этой причине 8 мая остается для Германии, прежде всего, Днем поражения, в который «хорошему немцу нечего праздновать». До недавнего прошлого именно эта точка зрения являлась официально признанной в Германии, да и сегодня имеет немало сторонников. Вместе с тем 8 мая было Днем освобождения немецкого народа и влекло за собой необходимость осмысления недавнего прошлого, дабы избежать опасности его повторения. Начало общественному признанию этого мнения было положено президентом Рихардом фон Вайцзеккером в его речи в бундестаге 8 мая 1985 года. Коленопреклонение Вилли Брандта перед памятником в польском гетто в 1970 году было именно символом покаяния, признания вины и сожаления о прошлом.

В сегодняшней Германии прежде всего нельзя быть националистом и антисемитом. Показ на художественной выставке нескольких картин эпохи национал-социализма вызывает целую дискуссию, хотя полотна (среди них — ни одного портрета фашистского деятеля) вывешиваются отдельно от основной экспозиции, где-то в боковом коридоре, причем через каждые две картины висит повторяющаяся табличка с осуждающим комментарием.

Можно ли говорить о сходстве положения Германии после краха национал-социализма и России после утраты коммунизмом своего господствующего положения как идеологии и общественного строя? Этот вопрос можно сформулировать и так: произошло ли в связи с поражением коммунизма дискредитация русского духа, как это произошло с немецким духом после крушения идеологии национал-социализма? Можно ли говорить также и в случае России об

определенном отождествлении и срастании национального сознания с господствующей идеологией?

Мессия в коммунизме — не народ как единство интересов всех составляющих его классов, а класс. А потому классовая борьба коммунизма противостоит общественной гармонии национал-социализма. Но именно в этом направлении различаются русский и немецкий национальный характер. Основанный на идеализме, но сориентированный на материальное процветание нации (каждому — именице на Украине) национал-социализм был совместим с немецким сознанием. Основанный на материализме, но нацеленный на осуществление абстрактных идеалов (равенство, справедливость и т. д.), коммунизм оказался совместимым с сознанием русским.

Однако поскольку в основе коммунизма лежит не национальный, а классовый принцип, то крах идеологии не вызвал прямого следствия национальной дискредитации. Напротив, было логично ответное усиление национализма как поиска иного, более адекватного воплощения русского духа в политической идеологии. В отличие от Германии в России дискредитация коммунизма не ведет к тому, что становится «стыдно» быть русским.

Именно по русскому сознанию большевики нанесли главный удар, тяжелые последствия которого ощущаются и сегодня. Тем самым создается противопоставление: советское отечество со всеми его «гнездами» и оставшаяся незапятнанной русская нация, получившая теперь возможность свободного и адекватного самоопределения. Эта возможность переадресовать все упреки в неблагоприятном прошлом анонимному «отечеству» избавляет от необходимости «забыть», подавить воспоминания или же нести комплекс национальной вины. Более того, советский период, коммунизм не рассматривается большинством россиян как некая «черная дыра» в российской исто-

рии, а скорее, как закономерный момент развертывания национального и мирового духа.

В Германии бациллой нацизма был поражен почти каждый немец (включая женщин и подростков), и вся нация превратилась в нацию-фаната. Нацистский режим там не был отделен от национального самосознания немцев, а скорее в инфернальной форме выражал на том этапе это самосознание.

В России мы наблюдаем совсем иную картину. Коммунистические фанатики даже в послереволюционные годы встречались далеко не часто (это были единицы), а уж во времена поздней советской империи — в 70—90-е годы — сама комидея стала пищей для анекдотов; настоящих же убежденных коммунистов не осталось даже среди членов Политбюро. Да, в самые мрачные сталинские времена следует различать реальный энтузиазм и спокойное счастье простых советских людей, с одной стороны, и уродливый тоталитаризм, режим и культ вождя — с другой. Очевидно, что режим и нация в одном случае — единое целое, а в другом — как говорится, «две большие разницы». Именно это обстоятельство и противоречие в случае с коммунистической Россией придает сталинизму не характер исторической ошибки русского народа, некоего исторического недоразумения, а характер русской трагедии, в которой страдальцем является русский народ. Аморальность и чудовищность сталинизма есть, таким образом, некий внешний и чуждый этому народу, самой его природе феномен.

Немецкий солдат шел воевать в Россию, убежденный, что «Германия превыше всего», что евреи, французы, поляки, чехи, русские и т. п. — это «недочеловеки», подлежащие уничтожению в концлагерях и газовых камерах. Он беспрекословно, подобно роботу, исполнял приказы режима.

Русский солдат шел воевать не за коммунистическую идею, а за свой дом, жену, мать, Родину, за Рос-

сию. Он, конечно, тоже выполнял приказы, но то были приказы не режима, а других русских людей, думавших так же, как и он, и воевавших за те же ценности, что и он. Дуализм, раздвоенность личности и режима породила странный на первый взгляд и недоступный немецкому сознанию феномен: личная борьба русского солдата. Его личная война во многих случаях, — когда осознанно, а когда и нет, — приобретала характер протеста против сталинского режима, против сталинизма.

Драматичность той эпохи выразилась и в борьбе, с одной стороны, энтузиазма, коллективизма, романтики; с другой — рабского послушания, страха, морального падения. Этот конфликт был не только социальным, он был внутренним конфликтом каждого мыслящего советского человека. В известной степени именно этот конфликт вдохновлял творческую интеллигенцию того времени на создание подлинных шедевров мировой литературы, поэзии, искусства и кинематографии.

Создано ли было что-либо подобное в фашистской Германии? Ничего, кроме торжественных маршей да развлекательных фильмов. Немецкий гений того времени был полностью мобилизован военной машиной Германии, не только, как известно, не приумножившей, но и беспощадно испепелившей великую немецкую культуру.

Отступление коммунизма несравнимо с крушением национал-социализма и чисто организационно. Как известно, поражение Германии привело к утрате ею собственной государственности. Управление страной перешло к Контрольному совету стран-победительниц, лишь постепенно, в течение десятилетия, передававшему свои функции обратно немцам. Возрождение государственности в Германии происходило при этом «снизу», сначала на коммунальном, потом на земельном уровне. Затем был создан ограниченный в своих полномочиях экономический совет и лишь

в 1949 году — бундестаг. Полный же суверенитет Западная Германия обрела только в 1949 году, после окончательной интеграции в западную экономическую и политическую систему. Эта длительная несамостоятельность имела свою положительную сторону: переходный период от тоталитаризма к демократии оказался достаточно продолжителен и был гарантирован контролем извне. В России же многие структуры оказались просто унаследованы от советских времен.

Поражение Германии, ее капитуляция, в том числе и расчленение ее территории, закреплено во множестве послевоенных юридических документах самого высокого уровня. Нацистских преступников осудил Международный трибунал. В международно-правовой форме зафиксировано, что фашизм — это преступление против человечества. Ничего даже близкого не наблюдается после окончания «холодной войны». Советских коммунистов не судили не только международный суд, но даже суд российский. Нигде не сказано, что коммунизм — это преступление против человечества. Коммунистические партии повсюду в мире живут и здравствуют, а нередко и побеждают на выборах во вполне респектабельных странах, называющих себя демократическими.

Кроме того, распад ОВД и СССР воспринимается Россией как освобождение от коммунистического режима, как величайшее завоевание русского народа и российских демократов, как переход к свободному развитию, а отнюдь не как ее поражение в «холодной войне» (кстати, «холодную войну» вела не Россия, а Советский Союз). А потому и корни чувства национального унижения здесь совсем иные. Это чувство прежде всего связано с разочарованием политикой Запада, который не сумел оценить все жертвы русского народа, принесенные им во имя прекращения конфронтации, и по существу воспользовался его временной слабостью для продвижения своих корыстных интересов. Запад не только не пошел в отно-

шении России на что-то, что хотя бы отдаленно напоминало план Маршалла (который был, как известно, распространен на послевоенную Германию), но начал разыгрывать карту «геополитического плюрализма», препятствуя естественной политической и экономической интеграции постсоветского пространства и поощряя новых национальных лидеров к дистанцированию от Москвы. Эти действия, равно как и политика расширения НАТО в ущерб интересам России, были ею восприняты как вероломство и обман.

Антироссийские игры США, усугубленные чувством разделенности русского народа, и вылились в болезненную реакцию российской элиты, в известное отчуждение от Запада, в разочарование самой идеей равноправного партнерства с ним. Объявление Западом законных национальных интересов России «имперскими амбициями»; заказное формирование там негативного образа новой России как ядра «империи зла», западная русофобия, заменившая прежнюю советофобию, приписывающая русскому народу генетически «имперский» и «тоталитарный» характер, — многократно его усилили.

К этому следует добавить и то, что решающим моментом для окончательного разгрома нацизма было относительно быстрое восстановление германской экономики и создание предпосылок для ее дальнейшего интенсивного развития. План Маршалла не случайно включал энергичные экономические меры, считая их весомым аргументом в пользу западной системы. Национал-социализм оказался, таким образом, не только политически разгромлен и идеологически дискредитирован; он был «похоронен» также административно и экономически. Легко заметить, что всего этого в силу различных причин не произошло с коммунизмом. А потому возрождение коммунистической идеологии в России явилось таким же логически обоснованным процессом, как и возрождение национального самосознания. Западу поэтому следует признать,

что ситуация, в которой оказалась Россия в 1995—1996 годах, когда она ощутила себя на волосок от коммунистического реванша, во многом была обусловлена не только неудачами российских экономических реформ, но и его собственной недальновидной и эгоистической политикой.

Радикальный пересмотр этой политики, признание за Россией ее законных национальных интересов, всемерное содействие демократическим преобразованиям, в том числе и путем оказания массированной экономической помощи, незамедлительная интеграция России в ключевые политические и экономические институты Запада, причем не на правах «бедного родственника», а на правах равного партнера, — таковой, в общих чертах, может и должна стать антикоммунистическая (если угодно, то и «антифашистская») стратегия Запада в отношении России на современном этапе ее национального, а также мирового развития.

* * *

Специфика «холодной войны» в том и состоит, что это ползучая катастрофа. И если ее начало можно зафиксировать, то конец — определить почти невозможно. Ее конечный пространственно-временной контекст по существу размыт. В «холодной войне» применялись очень тонкие технологии, порой казавшиеся незаметными.

Но тогда возникает вопрос: может быть, мы и сейчас не чувствуем что эти технологии применяются против нас? Ведь бомбежек, движения танковых армий, десантных операций — всего этого нет. Это, однако, не означает, что новый Мюнхен еще не состоялся.

Во всяком случае определенные круги на Западе вынашивают планы дальнейшего расчленения России. Эти планы отражены в новой книге З. Бжезинского «Геостратегия для Евразии». В ней он пишет о «свободной конфедеративной России, состоящей из

европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики». В такой конфигурации, подчеркивает Бжезинский, России «будет легче поддерживать тесные экономические связи со своими соседями. Каждое из таких конфедеративных образований сможет успешно развивать творческий потенциал на местах, веками тормозившийся тяжелой бюрократической рукой Москвы. В свою очередь, децентрализованная Россия будет менее склонна к проявлению имперских амбиций»²³. Такая установка идет даже дальше вышеупомянутых замыслов нацистской Германии, которая, по крайней мере, не планировала расчленение ядра России.

Да, кстати, и для Америки 90 лет назад было характерно поддержание целостности России. В. Вильсон в 1918 году, одним из знаменитых четырнадцати пунктов, которые определили Версальский мир, утвердил недопустимость распада России. И был прав, потому что знал: если начнут делить Россию, то Америке ничего не достанется — все захватят японцы, англичане, французы. Но ситуация к концу века изменилась, сформировался транснациональный финансовый капитал, которому, по большому счету, наплевать на любые государственные границы. Важно, чтобы все ключевые позиции были заняты представителями этого капитала. Важен контроль за сырьевыми и энергетическими ресурсами. Если для этого Россию надо будет разделить на три республики, объединенные слабой конфедерацией, или на сорок враждующих между собой монархий, — он пойдет, не колеблясь, и на это. А коль скоро это так — «холодная война» будет продолжаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Международная жизнь. 1993, № 7.

² Мяло К. Между Западом и Востоком. М., 1996. С. 110.

³ Независимая газета. 1996. 24 июля.

- ⁴ Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории // Международная жизнь. 1993, № 7.
- ⁵ Россия — XXI. 1994, № 6—7. С. 158—174.
- ⁶ Цит. по: Юридическая газета. 1992, № 5. С. 29.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Цит. по: Независимая газета. 1997. 7 апреля.
- ⁹ Грэхем Т. Российская внешняя политика и кризис российской государственности. 20 апреля 1995 года. Доклад, представленный на семинаре в Московском отделении Фонда Карнеги.
- ¹⁰ Независимая газета. 1996. 27 ноября.
- ¹¹ Там же. 1997. 8 декабря.
- ¹² The Washington Post. 1996, October 15.
- ¹³ Цит. по: Мяло К. Ук. соч. С. 127.
- ¹⁴ Заключение двух комиссий ученых-международников, сделанные по заказу Лиги наций. Приводятся А.Н. Мальдельштамом во введении к книге: Зареванд. Турция и пантюркизм. Париж, 1930. С. 27—28.
- ¹⁵ Newsweek. 1991, March 27.
- ¹⁶ Финансовые известия. 1998, 15 января.
- ¹⁷ Аргументы и факты. 1997, № 20.
- ¹⁸ Foreign Affairs. 1997, № 5.
- ¹⁹ Россия — XXI. 1993, № 2. С. 25.
- ²⁰ Мяло К. Указ. соч. С. 119.
- ²¹ Итоги. 1996, 30 июня.
- ²² Власть. 1996, № 1. С. 41.
- ²³ Независимая газета. 1997, 24 октября.

Часть I
ВОКРУГ
МЮНХЕНСКОЙ
РЕЧИ ПУТИНА

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» — НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ЗАПАДОМ

Эти строки написаны вскоре после Мюнхенской речи президента В.В. Путина, и нам пока не известны ее влияние на внутрироссийские дела и последствия на международной арене. Но читатели, возможно, уже будут знать, что именно за ней последовало. Так или иначе, но интересно вот что: комментаторы, анализируя речь российского лидера, довольно часто стали говорить о «вновь начавшейся «холодной войне». Однако о том же самом говорят и по совсем другим поводам. Например, из-за «дела Литвиненко» или из-за того, что Россия пытается торговать на мировых рынках чем-то еще, кроме газа и нефти; или даже из-за того, что в России не разрешают проводить праздничные шествия гомосексуалистов (это без шуток: такой именно «довод» фигурирует в списке причин недовольства Россией западными странами, причем в тех же статьях говорится и об опасности войны).

Словом, причины явления разноплановы, между собой не связаны. Но объединяет их одно — возрождение «холодной войны».

Сразу хочу оговориться: пишу исключительно для тех, кто считает, что Запад в целом продолжает относиться к России довольно враждебно и выделяет в этом отношении русских из других народов, несмотря на, так сказать, расовую близость. Нас не считают «своими», и даже при откровенном разговоре нам могут сказать в сердцах: «Одно не могу понять, почему вы — белые?»

Тем же, кто считает, что отношение к нам в (западном) мире нормальное, дружелюбное, кто не чувствует к себе какого-то особенно неприязненного отношения, — например, при оформлении визы для невинной туристической или деловой поездки, — на тех я не ориентируюсь, им затронутая тема скорее всего будет неинтересна.

То есть я исхожу из того, что отношение к нам недружелюбное, более того, мы постоянно — и во времена нашей силы, и в периоды нашей слабости — рассматривались Западом в качестве потенциального противника. И даже когда мы были важным, незаменимым союзником в борьбе против какого-нибудь врага. Даже оказывая нам помощь, Запад скрупулезно следил за тем, чтобы она не послужила нам для чего-то выходящего за рамки текущих военных усилий, чтобы мы этой помощью не смогли усилиться для борьбы против Запада. По крайней мере, так дело обстояло с западной помощью во время Второй мировой войны.

Мы как-то привыкли, притерпелись к такому отношению к нам, объясняя его тем, что мы жили при другом — социалистическом — строе, неприятном и опасном для жителей стран победившего капитализма. При этом мы забыли, что и в царские времена отношение к России было не слишком доброжелательным.

Можно проследить за отношением к нам хотя бы по русской литературе XIX века. Салтыков-Щедрин с присущим ему едким остроумием описывает переживания русских туристов перед пересечением прусской границы: не припомнят ли им, случаем, какие-нибудь прегрешения Российской империи? А таковых было тогда, увы, немало как во внутренней, так и во внешней политике: от панславизма (помощи европейским славянам) до плохой борьбы с нашествием саранчи. Там, в очерке, дело закончилось плохо, —

судя по курсу обмена валют, туристам припомнили все, что можно.

Надо отметить, что и в советские времена, и в царские «с той стороны» говорили чаще не о России, а о государстве, государственном строе. Плохо было все: то крайне отсталый по европейским меркам царизм, то чересчур передовой коммунизм.

И борцов с этим государством там привечали: в советское время — диссидентов, в досоветское — революционеров. Что интересно, сами страны оставались военно-политическими союзниками. Но вот только насколько искренней была такая позиция: дескать, русский народ мы любим, а боремся с русским государством?

Вообще, на тему отношений России и Запада выпущена в 90-е годы замечательная книга «В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией». Эта хрестоматия по работам мыслителей XIX—XX веков создана в рамках проекта института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — один из действительно удачных проектов этой организации. В книге приводятся мнения и факты, явно демонстрирующие состояние перманентного конфликта, состояние враждебности между сторонами, и, смею утверждать, враждебности, как правило, односторонней. Ведь вдумайтесь: верхний класс России говорил и думал по-французски и воспринимал французскую культуру как свою, — откуда бы у нас взялась враждебность к Франции? Наиболее влиятельные деятели были членами Английского клуба. А можно ли представить русский клуб в Лондоне? И так далее, ведь нам всегда был свойствен взгляд на Европу слегка снизу вверх: мы, конечно, радовались редким моментам, когда нам удавалось эту Европу в чем-то превзойти; но если бы не было этого взгляда «снизу вверх», то мы бы так, очевидно, не радовались.

Но сейчас речь не об истории, хотя и недавней;

пока достаточно лишь того, что «холодная война» второй половины XX века имела предпосылки и корни, которые можно отследить в прошлом, и она не была порождением лишь социального эксперимента, который предприняла на себе Россия после октября 1917-го.

Если вспомнить, что собой представляло явление «холодной войны» (а сейчас выросло поколение, о ней не помнящее), то было оно даже в каком-то смысле слова величественным. Несколько десятков лет две огромные и до зубов вооруженные многонациональные армии стояли друг против друга, готовые по мановению пальца своих вождей броситься друг на друга и сгореть в ядерном пламени. Но этого мановения так и не случилось, и борьба свелась к экономическому соревнованию (сейчас большинство стран не смогли бы вести такую же, как тогда, военную активность именно по экономическим причинам) и к закулисной поддержке сторон в региональных конфликтах. То есть было самое главное в любой войне — духовное состояние войны, готовность воевать, — а войны не было, потому что уровень развития техники войны сделал настоящую, «горячую» войну невозможной, немыслимой.

Теперь армии сокращены, военные блоки частично распались, арсеналы «холодной войны» дотлевают на свалках или уже сданы в металлолом. По крайней мере, с нашей стороны.

Если подходить к вопросу с материалистических позиций, то понятно, что современная Россия никак не может вернуться к прежним временам. В военном отношении наша страна очень слаба, она уже не представляет военной угрозы для западных и восточных соседей, да и отразить масштабное нападение, предпринятое обычным оружием, тоже не в состоя-

нии, особенно сильно уступая в новейших технологиях войны — в связи, разведке, управлении, целеуказании. Почему же на нас не нападают?

Если отрешиться от моральных категорий и принять тот образ мышления, который декларировали, например, американские президенты — «имеют значения не намерения, а возможности», — то причина проста. Возможности нападения все еще нет. И вот почему: Россия все еще вторая в мире ядерная держава. Ни одна страна в мире не решится воевать с ней, поскольку гарантий от удара возмездия нет. Не сама по себе техника войны (ядерное оружие) сделала войну невозможной — война стала невозможной потому, что это оружие оказалось у двух сторон! Не дай бог, конечно, проверить, найдется ли среди уцелевшего руководства России человек, способный отдать приказ о нанесении ответного удара, но наши зарубежные партнеры, несомненно, считают такую вероятность не равной нулю. И цена ошибки слишком высока. Есть апокрифическое высказывание Гитлера о Сталине, что он, «даже будучи вооружен пистолетом, не нападет на безоружного, пока тот не заснет». Весьма хорошее для политика качество.

Когда-то я не очень интересовался историей, считая, что сухой перечень дат и событий никак не связан с современностью. Потом начал понимать мудрое высказывание Ключевского, что история не учительница, а классная дама: она не учит, а больно наказывает за невыученные уроки. Сейчас начинаю ценить мнение одного из старейших американских телеведущих, который ушел из эфира, потому что события стали повторяться (по-моему, это сказал Уолтер Кронкайт).

События, конечно, не повторяются в точности, но вот причины событий, мотивы действий политических лидеров остаются во многом очень схожими. И если мы представим себе причины наиболее драматичных

событий прошлого, сможем если не избежать, то предсказать развитие того, что случится в будущем.

Итак, решим для себя сначала, была ли «холодная война» 40—90-х годов прошлого века вариантом «войны горячей»?

Несомненно, что по объемам израсходованных на нее ресурсов она превосходила любую войну. Влияние ее на развитие экономики было, конечно, двояким: военное напряжение ускоряет технический прогресс, но, по крайней мере, наша страна вышла из этой войны практически без гражданской индустрии, а военную переключить на выпуск товаров народного потребления нам так и не удалось. То есть экономически мы в этой войне понесли тяжелое поражение. Только людских потерь было совсем немного, хотя в региональных конфликтах и погибли миллионы (в их развязывании и особенно масштабах «холодная война», несомненно, повинна). В моральном отношении «холодная война» изуродовала психику сотен миллионов, целые поколения выросли и состарились в домах, под которыми были вырыты бомбоубежища. Да, бомбы не были сброшены, но единственная тому причина — страх перед гарантированным возмездием.

Теперь зададимся вопросом: а какова же была цель «холодной войны»? Каковы же были причины этой крупнейшей войны человечества, каковы были движущие мотивы?

Цели «холодной войны» в период ее зарождения декларировались просто и логично — «отбрасывание коммунизма». Обратить вспять экспансию коммунистической идеологии, которая реально происходила на протяжении XX века. Мы, правда, рассматривали ее как естественное явление; наши противники видели среди главных причин «руку Москвы» (и видят до сих пор — сам читал мнение, что рабочие, восставшие в Таллине в 1924 году, обучались, организовыва-

лись и вооружались в Москве). Запад обвинял нас в распространении коммунизма, стремлении силовым способом навязать свое общественное устройство всему миру. Некоторые основания для таких обвинений были. Мы, иногда стесняясь, иногда не очень помогали борцам за свободу своих стран от власти мирового империализма. Иногда помогали и военной силой, посылая в эти страны военных специалистов и советников. А иногда и посылали просто свои войска то на помощь своим друзьям, а то чтобы свергнуть одних своих друзей и возвести на трон других. В этом отношении то, как это было сделано в Афганистане с Амином, навсегда останется примером неспровоцированного и коварного убийства доверившегося нам правителя.

Но, конечно, наши грехи не идут ни в какое сравнение с грехами наших противников, масштабы нашего вмешательства в естественный ход событий — с их вмешательством. Начать хотя бы с их поддержкой мятежа белых генералов в 1918 году: как ни относиться к Гражданской войне в России, чью сторону ни поддерживай, а факт состоит в том, что без поддержки Запада эта война скорее всего не возникла бы.

Впрочем, трудно ожидать, чтобы Запад стал бы признавать свои грехи в конфликте Восток — Запад, ибо это естественное человеческое качество — не признавать своей вины. Как говорится, «своя вонь не пахнет».

Второй мотив — экономический. Наши противники обвиняли нас в распространении своей экономической модели, которая, по их уверениям, несла народам застой и нищету. Обвинение было отчасти лукавым, поскольку наша экономика, и так не слишком мощная, еще и надрывалась под гнетом гонки вооружений, а экономика Запада, будучи по масштабам много большей, этой нагрузке, казалось, почти не замечала.

Мы обвиняли их примерно в том же, и отчасти обоснованно, потому что в мировой системе капитализма до сих пор достаточно стран, чей жизненный уровень ну никак не достигает уровня Америки. Речь, таким образом, шла не просто об экономическом соревновании (хотя и из-за этого нередко возникали войны между капиталистическими странами): ведь предлагаемые нами преобразования в экономике выбивали почву из-под ног у тамошних правящих классов. Кто бы как ни относился к советской пропаганде, факт остается фактом, что правители Запада либо сами крупные капиталисты, либо зависят от них (вспомним такие названия — «Бечтел», «Халлибёртон») — уж мы-то знаем теперь, возможна ли избирательная кампания без больших денег. Так что кто бы согласился там на мир с советским социализмом, если речь идет не о неясном «будущем человечества», а об экономическом, а то и собственно физическом выживании, своем и своего класса?

Третий мотив — военная угроза.

Не очень логичным звучало для нас утверждение Запада, что угрожали им наши обычные вооружения. Не всегда честные — сама Тэтчер рассказывала, как она набирала себе политические очки, читая лекции о советской программе строительства подлодок, — якобы новая лодка у нас сходилась со стапелей раз в две недели. Это было не совсем так, но опровергнуть мы не могли — не рассекречивать же наши заводы в Северодвинске и Горьком, а напуганные подводной войной англичане были крайне чувствительны к заявлениям такого рода — ведь уже не первую сотню лет Англия не обеспечивает себя даже продовольствием, завозя большую его часть по морю.

В реальности мы могли, конечно, нанести обычным оружием поражение силам Запада в Европе и выйти к Ла-Маншу. Но в ядерную эпоху такой шаг означал бы самоубийство, да и в чисто военном отно-

шении такое наступление вряд ли удалось бы. Сейчас уже подзабыли, но в разгар «холодной войны» по границе предполагалось разместить пояс ядерных фугасов, помню еще плакаты по разминированию таких установок. В общем, «ядерный порог» был тогда невысок, и тогдашние военно-политические деятели, не задумываясь, перешагнули бы.

Мы боялись военной угрозы Запада. И неудивительно, ибо несколько раз именно оттуда на нашу землю приходили жестокие завоеватели, справиться с которыми нам было очень нелегко. И хотя у Запада было меньше танков, всем было понятно, что благодаря своей экономической мощи Запад мог наделать любого оружия почти в любых количествах.

Но вот «холодная война» закончилась, Советский Союз и его союзы распались. Что же мы видим в итоге?

Идеологического мотива в продолжении противостояния нет. Современная идеология России — примитивный капитализм, который никак не противостоит идеологии «просвещенного капитализма», выработанной Западом, и никак ему не угрожает; способности к территориальной экспансии у него нет, как нет в нем ничего привлекательного в современном экономическом строе для других стран или классов. Хотя мы и богаче большинства наших соседей, все понимают, как и за счет чего оно формируется. Для многих, хотя и не для большинства людей во все времена и сам мотив богатства не был таким значимым, как мотив его справедливого распределения. Идеология тут напрямую связана с экономикой, а в этом отношении нам тоже похвастаться нечем. Мы теперь уже определенно сырьевой придаток, и — важно это помнить — не очень существенный. Наши нефтяные ресурсы не идут ни в какое сравнение с ре-

сурсами Ближнего Востока, и к тому же они изрядно поистрачены, как и газовые. Газа побольше, но это все равно не то, чем можно было бы поставить на колени весь западный мир. Прекрати мы сегодня добычу нефти — никто и не заметит. Газ — заметит Центральная Европа, но... что мы сами будем есть? Россия лишилась продовольственной независимости и закупает продовольствие за нефтегазодоллары. В общем, экономической угрозы мы ни для кого не представляем, во всяком случае, такой, из-за чего следовало бы воевать.

Главное же, конечно, в том, что Россия никак не угрожает власти капиталистов, «власти Уолл-стрита» над странами Запада.

А представляем ли мы для Запада военную угрозу, о чем сейчас много крика в связи с нашим отказом от некоторых ограничений ДОВСЕ? Нет, конечно, даже состояние примерного паритета, зафиксированное соглашениями ДОВСЕ, недостижимо: тогда задавались количественные ограничения исходя из системы двух военных блоков. Теперь тогдашние наши союзники со своими лимитами вооружений перешли в лагерь наших противников. Да и экономически, и технологически гонка обычных вооружений нам непосильна: мы даже гражданскую авиацию не выпускаем. Не углубляясь в этот специальный вопрос, замечу, что даже на Западе о наших обычных сверхвооружениях не очень-то сильно беспокоятся, а это значит, что они действительно в плохом состоянии.

То есть мотива военной угрозы в противостоянии нет также.

И в общем получается некоторый парадокс: мотивов для противостояния нет (ну, в самом деле, не считать же мотивом запрет на шествия гомосексуалистов), а противостояние есть.

Да, мы говорили о военной угрозе, имея в виду угрозу Западу. А как насчет угрозы в отношении нас?

Можно ли считать, что в военном отношении мы находимся в меньшей безопасности? Очевидно, нет, поскольку наши военные возможности существенно сократились. Но мы стали слабее — это факт, а что с противником? Его вооруженные силы несколько уменьшились по сравнению с периодом «холодной войны», но геостратегически ситуация для нас ухудшилась. Возможности передового базирования у нашего основного противника значительно улучшились, и он этими возможностями без стеснения пользуется. Он обзавелся военными базами, расположенными на бывших советских территориях, использует их сейчас и намерен расширить их использование в будущем. Например, в Арктическом регионе речь идет об освоении пространства «советского сектора» — в советские времена, правда, наших прав на него не признавали, утверждая, что достаточно и понятия «территориальных вод» вокруг принадлежащих СССР островов, но по крайней мере чужую военную авиацию мы туда мягко не пускали. Сейчас у нас нет там ПВО, и в случае неблагоприятного развития событий флоты Запада могут, оказавшись в Баренцевом море, стать самой серьезной угрозой для центральных областей нашего государства.

Под разными благовидными предлогами авиация США и их союзников базируется сейчас и в Средней Азии. Конечно, причины этого благородны — война в Афганистане и все такое (мы помним, конечно, что наша война в Афганистане была «несправедливой», а насколько справедлива война Запада там же?). То есть вроде бы эта авиация не направлена против нас. Но недаром повторял Рейган старое изречение: «Имеют значение не намерения, а возможности». Намерения ведь могут быстро измениться, а Средняя Азия совсем недалеко от районов базирования наших стратегических ракет.

В результате становится реальностью опасность

«обезоруживающего неядерного нападения». Наиболее полный сценарий такового был опубликован, по моему, Е. Мясниковым в 2002 году. Обобщенно, это сценарий атаки против наших ядерных сил неядерным оружием. То есть противник ведет гуманную войну, не использует ОМП, не бомбит население, города, промышленные объекты: целями будут только наши ракеты, бомбардировщики, подводные лодки. Действительно, что делать российскому руководству в этом случае? Мы даже отдаленно не можем нанести американским вооруженным силам и средствам адекватного ущерба неядерными силами, у нас нет авианосных флотов и баз около территории США. Да и наших ядерных сил для этого недостаточно. Применять уцелевшее ЯО по американским городам, начав полномасштабную ядерную войну? Трудное в моральном отношении решение. Одно в какой-то степени утешает: думаю, что наших президентов считают способными и на это. Вряд ли русских вообще считают слишком сентиментальными, американская (то есть голливудская) пропаганда хорошо потрудились над образом среднего русского, нас показывают жестокими и тупыми, и в данном случае слава богу. На представления высших руководителей Запада она, эта пропаганда, несомненно влияет так же, как на рядового обывателя. Я думаю, на нас не напали только по этой причине — из боязни ответного удара по городам.

Время для такого уже несколько упущено: в середине 90-х, признаться честно, в российском руководстве вряд ли был человек, способный нажать на большую красную кнопку; эти времена прошли. Но беда в том, что наше оружие стареет, наше ядерное разоружение происходит, так сказать, естественным путем.

Возможно, что некоторые из моих утверждений кому-то покажутся слишком пессимистическими: как

так, ни с того ни с сего, какие-то нападения, война на ровном, казалось бы, месте... Но представьте, что подобное уже случилось: у России не стало ядерного оружия. Кто нас пожалеет? Оправдает ли история тех западных руководителей, которые такую операцию провели? Несомненно, оправдает, и не забывайте, что история пишется по-английски. Оправдывают же атомные бомбардировки Японии в конце Второй мировой войны, и кто оправдывает — сами японские политики, что же говорить о западных.

И что мы видим? Градус противостояния снизился, но само противостояние осталось, и тенденция, увы, не меняется к лучшему. Так в чем же дело?

Давайте говорить откровенно. С Западом вообще у нас нет конфликта по каким-то коренным, основополагающим вопросам. Нам нечего делить с Францией, Германией, Польшей. Да, есть какие-то мелкие споры — визы, говядина, газопровод; мы хотим продавать сырье подороже, они — покупать подешевле. Но все это дела житейские.

Мы не угрожаем и в обозримом будущем не сможем угрожать ни независимости этих стран, ни их экономическому развитию. Армию мы не сможем использовать ни против них, ни против других членов западного блока. Нападать же на них ядерным оружием — зачем? Даже в последних событиях по поводу размещения элементов ПРО в Европе много наигранного. Ни Польша, ни Чехия не станут основными объектами ответного удара. В самом худшем случае эти элементы (радар и стартовые позиции противоракет) станут мишенью для пары-тройки не самых мощных боеголовок, что на самом деле отнюдь не обернется для этих стран катастрофой. Понятно, что все, что еще сможет летать, отправится к главному агрессору, чтобы он не смог пожать плоды своей победы. И знание потенциального агрессора об этом простом сценарии — важный элемент нашей мирной политики.

Конфликтуете мы с ними только потому, что все они — части Запада и в этом качестве проводят солидарную политику, а определяют ее — Соединенные Штаты. И вот с главой Запада, со США, у нас есть конфликт. Он, этот конфликт, обусловлен не какими-то нашими действиями или бездействием, он вызван самим нашим существованием в нынешнем статусе. Мы — независимы, если не реально, то потенциально, просто потому, что любое давление на нас имеет естественный предел. Нам нельзя угрожать войной. США могут это делать в адрес любой державы или почти любой, и могут реализовать свою угрозу в случае острой необходимости, даже рискуя потерять, скажем, сколько-то солдат или авианосцев. В нашем же случае — максимум шаги в стиле «холодной войны»: торговые блокады, КОКОМ, ограничения на передвижение наших граждан... Это во многом и реализуется, хотя и без ненужных угроз.

Так вот теперь самое главное. Чужая независимость, конечно, вещь оскорбительная, но дело не только в ней. Мы все время при рассмотрении вопроса упираемся в одну и ту же проблему — мы вроде бы напряженности не хотим, но то и дело замечаем явно предвзятое отношение, проявляющееся тысячами способов.

Позволю себе высказать свое собственное мнение о том, возможна ли и опасна ли для нас «холодная война», ее, так сказать, «римейк».

Если и есть сейчас на Земле правящая нация, то это нация американская. Это превосходство проявляется многообразно: в военной области (в морском или воздушном сражении США могут победить любую страну или даже коалицию всех стран всей Земли), в экономике (пусть экспорт из США уступает китайскому и германскому — зато потребляют американцы больше всех, и подумайте, кто главнее — кто работа-

ет или на кого работают?), в науке и высоких технологиях.

Превосходят США всех и в области идей: американская Конституция, американская демократия — образцы для всего мира. Определяет Америка и вкусы молодежи по всему миру. О разных скучных подробностях типа контроля банковской системы всего мира можно и не упоминать.

Что бы ни говорили, средний американец религиозен, — сужу по тому, что на американских форумах не редкость диспуты по религиозным проблемам, пишут они и стихи духовного содержания, сочиняют песнопения. Так, для себя, не на продажу.

Возможно, они считают, что их нынешнее положение в мире — благодарность от Бога за их праведность. Иногда они об этом говорят, а тех, кто Америкой недоволен, считают действующими по дьявольскому наущению. Что ж, это придает им моральной устойчивости и уверенности в себе. Более того, миссия по руководству миром рассматривается ими также и как некая миссия, моральный долг, отказываться от выполнения которого — грех перед Богом. Может быть, не в таком наборе, но подобные взгляды можно встретить именно среди простых американцев, среднего их класса.

Мыслят американцы широко, глобально, что не удивительно для людей, которым почти нигде в мире не нужны визы. Заботят их проблемы, возникающие и на другой стороне земного шара, иногда, правда, путая при этом Грузию со своим штатом Джорджией, но это другая история.

Так что же тянет американцев на эту самую другую сторону Земли? Это может показаться иррациональным, но не будем забывать: мы имеем дело с людьми деловыми, довольно прагматичными, хотя и в каком-то смысле религиозными; чем же Россия оскорбляет их религиозное чувство?

Ответ прост. Они воспринимают Россию как потенциальную угрозу Соединенным Штатам, физическую угрозу. Такого масштаба угроз не так много: скажем, непреодолимые — погаснет Солнце; наступит ледниковый период или отчасти преодолимые — падение астероида, истощение природных ресурсов. Так вот наши бомбы и ракеты — это как раз пятая угроза. И придется серьезно потрудиться, чтобы найти еще какую-то угрозу для США, сравнимую с этой. Причем с Солнцем и ледниковым периодом, да и астероидом — много неясного, может, он и не прилетит. А ракеты — вот они.

И можно смело утверждать, что каждый американский политик или многозвездный генерал думает об этой угрозе и утром, и вечером. Если, конечно, он думающая личность и патриот своей страны.

Вот в этом-то суть проблемы.

«Холодная война» — единственно возможная американская политика в отношении нас, пока мы независимы и обладаем способностью уничтожить Америку. Совсем не случайно политика эта сформировалась синхронно с изобретением атомного оружия.

Был ли период 80—90-х годов истинной разрядкой? Скорее, причина несколько большей теплоты в отношениях заключалась лишь в том, что мы сами шли в желаемом направлении, — наша страна добровольно уходила с выгодных военных позиций, отказывалась от союзников и от наиболее чувствительных для Запада видов оружия, наши правители разрушили систему ПВО и подводный флот. Зачем же в тех условиях было «пугать клиента»? Так опытные рыбаки вываживают дорогую рыбу, например сёмгу: пока она идет в нужном направлении, не надо дергать леску. А вот когда она догадается, что дело неладно и рванет в сторону — тогда уж надо тянуть, чтобы было больно.

Есть, правда, у среднего американца качество, ко-

торое могло бы привести к тому, что Америка перестанет до нас «докапываться», выражаясь таким жаргонным словом (как ни странно, не удалось мне в лексиконе русского языка с нейтральной стилевой окраской подобрать слово, точно описывающее мелочное влезание в наши дела). Все-таки своя страна им интереснее, чем мир. Около половины американских конгрессменов не оформили себе загранпаспорта, то есть не ездят за границу, что и используют как козырь в предвыборной борьбе. Простому американцу это нравится: действительно, достойное качество, тем более что на поездки по Америке жизни не хватит — страна большая, красивая и разнообразная, от Арктики до тропиков.

Можем ли мы рассчитывать, что, убедившись в опасности дальнейшей борьбы, они откажутся от самой идеи привести Россию, а точнее ее ядерный арсенал, в состояние ничтожества? История этого не подтверждает. США — естественный наследник Англии, а эта держава на пути к мировому господству своими и чужими руками расправилась с сильнейшими конкурентами, некоторые из них даже не поняли, что речь шла о мировом господстве, и ставили перед собой задачи простые, например извлечение прибыли или преобладание на каком-то региональном рынке. Так пали Голландия, Испания, Франция, Германия. Сейчас эти страны, по нашим понятиям, даже процветают, они теперь — союзники англосаксов, но отнюдь не равноправны в этих своих союзах. Германия до сих пор оккупирована американскими войсками, хоть и считается, что они могут быть в любой момент выведены. Так что рассчитывать на стихийный изоляционизм среднего американца не стоит, там есть еще и правящий класс, достойный наследник английского правящего класса, способного мыслить категориями столетий.

Можем ли мы оказаться среди их союзников? Ко-

нечно, если будем для англосаксов безопасны. Был такой случай в истории XX века: тон английской прессы сменился с враждебного на сочувственно-благожелательный буквально за один день. Правда, это был не простой день, а день Цусимского сражения, — потеряв свой военный флот, Россия перестала быть глобальным конкурентом Англии на море, оказавшись возможным союзником для борьбы против Германии на военном театре континентальной Европы. Таким образом, чтобы стать ближе к англоамериканцам, нужно только одно — мы должны лишиться нашего ракетно-ядерного оружия.

Можем ли мы добровольно сдаться, заключив, например, некий договор о передаче своего ядерного оружия под международный (читай — американский) контроль? Попробовать, наверно, можно, но первые же результаты, скорее всего, будут обескураживающими. Что еще от нас потребуют? Я приведу чужое авторитетное мнение.

Думаю, не надо представлять читателю Збигнева Бжезинского, хотя он и не поднялся по служебной лестнице выше поста советника администрации президента Картера, его значение как идеолога довольно велико. Так вот он считает, что «новой «холодной войны» можно избежать». Так называется его статья в журнале «Тайм» от 8 июня 2007-го.

Но что взамен он хотел бы получить от России? На первый взгляд совсем немногого — ратификации и соблюдения «Энергетической хартии». Никем не отрицается сейчас, что следствием выполнения условий этой хартии может быть (и скорее всего будет) переход комплекса по добыче и переработке энергоносителей из-под контроля России. «Энергетическая хартия» будет лишь первым этапом. Если мы сейчас считаем, что наше состояние без ракетно-ядерного щита не так уж и изменится, то я вспоминаю начало 90-х, когда в стране выросло количество квартирных

краж (стало легко продавать краденое, а в годы существования СССР частная торговля была преступлением). Тогда многие, и я в том числе, считали, что «у нас нечего красть!». Но оказалось, есть. Тогда вследствие горького опыта и появились стальные двери и дверные решетки.

Так вот, если мы в военном отношении не будем защищены, то очень скоро страна будет разобрана на составляющие, на национальные республики, и они не будут независимыми государствами. И такие требования тоже есть в этой статье — в форме сетований на «жестокое подавление маленького народа Чечни».

Чью политику будут проводить такие маленькие государства? Догадаться нетрудно. И сильные-то государства с трудом и не всегда выдерживают давление США, что говорить о новых и слабых. В этих условиях контроль России над сырьевыми источниками будет утрачен, и даже нынешний уровень жизни будет недостижим. В наших условиях это означает гуманитарную катастрофу, голод и холод...

Что ж, а каков же набор нынешних претензий к нашей стране, ведь мы говорили об идеологическом крахе коммунизма и т. д. В чем же мы сейчас виноваты? Нет, не подумайте плохого — Бжезинский не изменил своего мнения о нашей стране, и крушение Советского Союза никак на его позицию не повлияло. Мы теперь не строим коммунизм? Ну и что! Вот что теперь его не устраивает: «Вместо коммунистической идеологии эта (российская. — А.П.) элита взяла на вооружение крайний национализм». Поди, поспорь, как там на самом деле, может, это вообще не национализм, а патриотизм. Но попробуй, отмойся...

Что еще хорошего в России? Война в Чечне (раздавлен маленький свободолюбивый народ), политические репрессии, усиление авторитаризма в самой России, рост шовинистических настроений среди ее

населения. Даже «установление стабильности в обществе после хаоса первых постсоветских лет и восстановления централизованного контроля над политической жизнью страны», «почти неприкрытое насилие против инакомыслящих в политике» (Политковская, Литвиненко). Неплохо также и во внешней политике: «угроза вновь нацелить российские ракеты на некоторых европейских союзников Вашингтона... запугивание независимой Грузии, попытки подорвать достижения «оранжевой революции» на Украине, масштабная «кибервойна» против входящей в ЕС Эстонии, введение нефтяного эмбарго против Литвы, монополизация доступа международного сообщества к энергоресурсам Центральной Азии». Иначе говоря, список велик!

Так что не получится у нас вести себя так, чтобы господа типа Бжезинского не смогли ни за что зацепиться. Можно и не пытаться. Если уж просто желание самим распоряжаться собственным имуществом объявляется «монополизацией»...

Понятно, что Бжезинский хотел бы от нас прекращения вышеперечисленных «безобразий». А кроме того? Оказывается, что, кроме «Хартии», конкретных требований почти нет. Ну, «США должны проводить... политику, гарантирующую, что новое, более трезвое руководство в Кремле осознает: сближение России с США и ЕС будет лишь способствовать ее процветанию, демократизации и укрепит территориальную целостность. Соединенным Штатам необходимо твердо реагировать на попытки Москвы запугать соседние страны. Чтобы развеять страх перед энергетическим шантажом, следует настоять на ратификации Россией европейской «Энергетической хартии», продолжать кропотливую работу по присоединению Украины к западному лагерю, вынуждая Россию последовать ее примеру или рискнуть остаться в изоляции между евроатлантическим сообществом и могучим Китаем».

Но что значит «присоединиться к западному лагерью»? А нас туда зовут? И если не в качестве членов ЕС и НАТО, то в каком качестве мы «присоединимся»? И что мы там будем делать без контроля над собственными энергоносителями? И почему, кстати, Китай для нас так же опасен, как «евроатлантическое сообщество»? Он не вмешивается в наши внутренние дела и не предъявляет претензий в международной политике. А вот США, к слову, поддерживают сепаратистов на Тайване и как-то невнятно признают суверенитет Китая над своей провинцией — Тибетом.

Позиция З. Бжезинского заслуживает определенного уважения, особенно в части его последовательности. Он даже считает, что США должны уйти из Ирака, но самое забавное — почему! Оказывается, только для того, чтобы развязать себе руки в отношениях с Россией!

«Россия получила право действовать безнаказанно из-за воздействия катастрофической войны в Ираке на внешнюю политику США. Вот ее последствия: создание тюрьмы в Гуантанамо развеяло традиционное представление мирового сообщества о легитимности действий Вашингтона; ложные утверждения о наличии у Багдада оружия массового поражения подорвали доверие к США; из-за непрекращающегося хаоса и насилия в Ираке американская военная мощь также не внушает прежнего уважения. Если бы не Ирак, Америка сегодня куда меньше нуждалась бы в поддержке России по таким вопросам, как северокорейский и иранский...

В результате и опасная убежденность в том, что Москва теперь может поступать, как ей заблагорассудится. Чувство злорадства побуждает Москву к хлестким выпадам относительно поколебавшегося сверхдержавного статуса Америки, подпитываемым радостным предвкушением ее дальнейшего упадка. Не стоит недооценивать недовольства Кремля распадом

СССР (Путин назвал его величайшей катастрофой XX столетия) и его надежд на то, что Соединенные Штаты постигнет та же судьба. Более того, у кремлевских стратегов вызывает восторг одна мысль о том, что, помимо Ирака, США могут глубоко увязнуть еще и в войне с Ираном, что приведет к резкому скачку цен на нефть — сырью, которое российские недра содержат в изобилии...

Второй фактор — идея о том, что Россия получила свободу рук и может делать на мировой арене все, что захочет, — также чреват самыми зловещими последствиями... У Америки нет реальной стратегии в отношении России; ее политика на этом направлении сводится в основном к высокопарной риторике...

Нужно закончить войну в Ираке, столь негативно влияющую на способность Америки проводить разумную и последовательную внешнюю политику».

Конечно, вряд ли США уйдут из Ирака, поскольку эта страна очень важна в условиях надвигающегося сырьевого кризиса — нефти там едва ли не вдвое больше, чем в России. Но в остальном предлагаемые Бжезинским шаги скорее всего будут реализовываться.

Что мы можем противопоставить? Ответ есть в этой же статье, надо только правильно ее прочитать.

«Несмотря на возникшую напряженность, тревожная ситуация в отношениях между двумя странами вовсе не обязательно должна обернуться возобновлением «холодной войны»». Но почему? По одной-единственной, но существенной причине. Да, экономика России растет благодаря гигантским прибылям от торговли нефтью и газом. Но «население страны резко сокращается, а ее соседи в Азии переживают «взлет», наращивают военную и экономическую мощь. Глянец Москвы и блеск Петербурга не могут скрыть того факта, что во многих регионах до сих пор отсутствует элементарная современная инфраструктура».

Говоря коротко, Бжезинский считает, что Россия «не потянет» ремейка «холодной войны» просто по экономико-политическим причинам: промышленность в руинах, ближние соседи усиливаются, — тут не до противодействия политике США. То есть не рассматриваются даже сами намерения российского руководства — априорно считается, что если есть возможности, то намерения обязательно будут.

Забавно, но З. Бжезинский сравнил Россию уже не с Верхней Вольтой (напомню, нынешнее название этой маленькой африканской страны Буркина-Фасо, то есть Родина Честных Людей), а с Нигерией, поставив их на одну доску по масштабам коррупции и отмывания денег. Нелестное сравнение.

И можно сделать простой вывод: «холодная война» для нас — образ жизни, это наш «модус вивенди» в отношениях с нашими друзьями с Запада, в первую очередь англосаксами. Но чтобы нас считали достойным партнером — надо быть сильным, сильным экономически.

Вообще, как и другие творения Бжезинского, статья содержит массу передержек и фактической лжи, но стоит вытерпеть чтение из-за того, что там есть признание, которое дорогого стоит: «Купленное» влияние — даже в Вашингтоне, где деньги играют большую роль, — не сможет сравниться с могуществом бывшего СССР, воспринимавшегося как «первопроходец» идеологии, пользовавшейся широкой поддержкой во всем мире». Имеющий уши, да услышит. Мы совершили большую глупость (это мнение Бжезинского), отказавшись от роли идеологического локомотива: без морального авторитета нечего делать в глобальной политике. Так как же быть дальше?

Выход у нас один: прислушаться к миру, догадаться, что именно будет популярным в мире XXI века — века сокращающихся ресурсов, — и сделать правильный выбор.

ЕСЛИ ВОЙНА ВСЕ ЖЕ НАЧНЕТСЯ...

События последних месяцев и лет заставляют нас прийти к убеждению: русские начинают подыматься с колен. Пусть трудно и мучительно. Пусть с путами бюрократической машины (бестолковой и беспроектной) на ногах. Мы не хотим быть бесправным сырьевым придатком развитых стран. Процесс начался. И это вызывает страх на Западе. И попытки противодействия.

Перед лицом новой «холодной войны»

Сдается нам, что точка возврата в отношениях между Западом и Росфедерацией пройдена. Маски окончательно сброшены. Идет поворот США и Европы к политике полуторавековой давности: русские как недостаточно цивилизованные должны лишиться суверенитета, отдать контроль над своими природными ресурсами в руки «цивилизованного человечества» и пережить окончательный распад своей страны на зависимые «государства».

Более половины этого пути оказалось пройденным с распадом СССР. Но дальше дезинтеграция приостановилась: властители Запада убоялись продолжения, сохранив единство Росфедерации. Ведь это было чревато катастрофами, ядерными, техногенными, социальными и экологическими. Этим и объясняется то, что Запад не стал добивать РФ в 1992—1995 годах, когда последняя держалась буквально на чест-

ном слове. Русских в начале 90-х пощадили. Взамен от нас потребовали отказаться от развития и прощания с надеждами стать индустриально сильной державой.

Но теперь мы нарушаем тот негласный пакт. Мы пытаемся развиваться и отстаивать свои интересы. А потому новая «холодная война» идет за то, чтобы РФ повторила участь Советского Союза. Теперь нас будут окончательно разваливать. В ход пойдут технологии вызывания внутренней смуты, революций, сепаратизма регионов. В этом же русле — продвижение НАТО на восток, вплотную к русским рубежам, размещение третьего района ПРО в Польше и Чехии, новая гонка вооружений.

В начавшейся войне компромисс уже немыслим. РФ не может вернуться к положению 90-х годов. Ибо оно несет смерть нашему народу. Пусть и медленную. Русские должны победить и отвоевать свое право на суверенность и развитие.

Вопрос состоит в том, справится ли элита РФ с брошенным ей вызовом. Ведь для того, чтобы не проиграть, придется произвести буквально пересборку России и перевести ее на рельсы несырьевого, динамично-инновационного развития. А это означает, что РФ должна обрести ясную стратегию национального развития, четкую цель для движения вперед. Ее власть обязана выдвинуть локомотивные национальные проекты развития и успешно их осуществлять. А для этого понадобятся и новая плановая экономика, и ставка на передовые технологии (создание полноценной национальной инновационной системы), и беспощадная чистка госаппарата от коррупции, и новая региональная политика. Та, что «демосквизирует» РФ, создаст новые центры экономического роста на Дальнем Востоке, Юге и Северо-Западе. Более того, нам по сути придется создавать новое государство на месте практически недееспособной государственной

машины РФ, сконструированной в провальные и позорные 90-е годы. И здесь власть просто обязана опираться на гражданские инициативы, идущие «снизу». Нам необходима и новая военная политика, возрождение потенциала оборонно-промышленного комплекса.

Если всего этого сделать не удастся, то РФ очень скоро исчезнет с карты мира. Ибо война начата беспощадная! «Русский вопрос» пока еще неявно, но уже поставлен на повестку дня.

Мюнхенский счет «победителям 1991 года»

Речь Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года произвела эффект взорвавшейся бомбы. Если вкратце, то Президент РФ выставил счет победителям Советского Союза. Он объявил войну тому новому мировому порядку, что выстраивается с 1991 г., в котором господствует одна сила: Большая Глобоамерика, которая все решает своей силой и по своему произволу.

Итак, Москву не устраивает мир, где тиранозавр «США» учит всех демократии, но сам попирает нормы оной. Где американцы могут развязывать войны, в коих гибнут сотни тысяч человек. Где на самом деле крови льется намного больше, чем во времена советско-американского противостояния.

«Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того — отдельные нормы, да по сути чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навя-

зывается другим государствам. Ну кому это понравится? Кому это понравится?»

Путин обвинил США в том, что их политика силы побуждает все новые и новые страны обзаводиться оружием массового поражения, стремясь защититься от американской агрессии. А это делает мир все более нестабильным. Президент РФ заявил: НАТО — прежде всего военно-политический блок, и он не вправе решать глобальные проблемы, подменяя собой ООН. Русских раздражает и беспокоит то, что натовцы придвигают свои базы и системы противоракетной обороны вплотную к рубежам Росфедерации. И делается сие совсем не для борьбы с международными террористами или с «проблемными странами» (чьи ракеты в обозримом будущем не смогут достигать даже Европы, не говоря уж о США), а для возможной войны с Россией. НАТО не ратифицировало Договор об ограничении сил на флангах. Значит, русские должны адекватно отвечать на угрозу своей безопасности и строить соответствующую военную систему. Создавать оружие, способное преодолевать ПРО. Впервые из уст главы государства РФ прозвучали обвинения по адресу Запада, который при Горбачеве, в 1990-м, обещал не расширять Североатлантический блок за счет стран Восточной Европы!

Снова глава РФ призвал американцев не переносить гонку вооружений в космос (а США воплощают планы Рейгана 1983 г. о создании орбитального пояса обороны-нападения).

Путин вновь повторил плохо спрятанную угрозу: выйти из договора 1987 года о взаимном уничтожении ракет средней и малой дальности (РСМД) в СССР (РФ) и США. Дескать, у нас этих ракет нет, но они есть у Северной и Южной Кореи, Ирана, Пакистана, Израиля и мало ли еще у кого будут. Их-то никакой договор не сдерживает. И, хотя Путин о сем умолчал, мы можем добавить: РСД становятся самым деше-

вым и эффективным ответом русских на экспансию НАТО. Именно они способны в считанные минуты сменить передовые базы Запада, способные послужить орудиями антирусской агрессии.

Что еще примечательного сказал Путин? Он отмел все обвинения Запада в том, что русские помогали и помогают Ирану обрести ракетный и военно-ядерный потенциал. Призвал развивать ядерную энергетику в рамках международных центров по обогащению урана. Заявил о праве РФ отстаивать свои энергетические интересы.

Особое место отведено критике всей лицемерности и несправедливости нового мирового порядка. Без обиняков было заявлено: Россия подвергается жестокой дискриминации, ее капитал не пускают в западные страны. Против нее используют ОБСЕ как инструмент достижения западных целей. Запад финансирует в РФ неправительственные организации, что подрывают безопасность страны. А пресловутая «борьба с бедностью»?

«Сегодня много говорят о борьбе с бедностью. Что здесь происходит на самом деле? С одной стороны, на программы помощи беднейшим странам выделяются финансовые ресурсы — и подчас не маленькие финансовые ресурсы. Но по-честному, и об этом здесь многие тоже это знают, зачастую — под «освоение» компаниями самих же стран-доноров. Но в то же время, с другой стороны, в развитых странах сохраняются субсидии в сельском хозяйстве, ограничивается для других доступ к высоким технологиям.

И давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой — не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль. Возникающее социальное напряжение в таких депрессивных регионах неизбежно выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм

и локальные конфликты. А если все это вдобавок происходит, скажем, на Ближнем Востоке в условиях обостренного восприятия внешнего мира как несправедливого, то возникает риск для глобальной дестабилизации», — заявил Владимир Путин.

Вообще, его речь изобилует местами, словно взятыми из статей в антилиберальных, имперско-патриотических оппозиционных газетах «День», «Завтра» и «Советская Россия» за девяностые и начала 2000-х годов. Выставив счет Западу, Путин перешел критическую черту. Со времен Горбачева никто из Москвы не говорил Вашингтону такого. Оправдался прогноз многих патриотов-аналитиков: даже слабая тенденция на подъем России приведет ее к острому конфликту с западными «победителями 1991 г.».

Теперь новая «холодная война» между русскими, с одной стороны, и США да НАТО — с другой, становится неизбежной.

Путин даже непрозрачно намекнул на то, что новые поднимающиеся силы планеты (КНР, Бразилия, Индия и восстанавливающая прежнюю мощь Россия) могут составить некий блок-противовес прежним владыкам мира, почитающим себя за избранных.

Дай бог, если это не набивание цены в торге с Западом за право легализовать свои капиталы, а истинная тенденция в новой русской политике!

Реакция США была мгновенной: «Мы удивлены и разочарованы заявлениями президента Путина. Его обвинения являются неправильными, — заявил в тот же день 10 февраля официальный представитель Совета национальной безопасности при президенте США Гордон Джондрое. — Мы ожидаем, что будем продолжать сотрудничать с Россией в сферах, важных для международного сообщества, таких как антитеррор, а также уменьшение распространения и угрозы оружия массового уничтожения»...

Разрыв с Западом: кто проиграет?

Оговоримся сразу: новая «холодная война» станет безусловной трагедией для той части российской «элиты», что смотрит на свою страну как на колонию для эксплуатации, как на некую плантацию с рабами, а Запад считает возможным прибежищем и местом хранения выведенных денег. То, что такая «офшорная аристократия» в РФ есть, признал заместитель главы президентской администрации В. Сурков в своей программной статье «Национализация будущего», недавно опубликованной в журнале «Эксперт». Для них перспектива лишиться своих счетов на Западе и въездных виз в США и Евросоюз — тяжкий удар.

Что касается остальных девяноста девяти процентов жителей РФ, то для них, очевидно, новая «холодная война» не несет ничего катастрофического.

В самом деле, что мы приобрели от окончания «холодной войны» 1946—1991 гг. и что потеряли? Утраты очевидны — мы потеряли треть территории, русский народ оказался разделенным. Мы понесли тяжелейшие потери в научном и промышленном потенциале, наше общество одичало и скатилось вниз по лестнице эволюции. (РФ — более примитивная по сравнению с СССР система.) Пострадала наша национальная безопасность. Уже внутри страны идет война с новым варварством, с агрессивным исламизмом. Сегодня вполне зрим крах «бело-сине-красной» страны от физического разрушения ее инфраструктуры.

А что мы приобрели? Нам говорили о потоках инвестиций с Запада — но их нет. Вернее, тамошние корпорации готовы вкладывать в наши нефть и газ, но тут и собственные капиталисты с делом справятся. А все остальное Запад интересуется весьма мало. К тому же США сегодня сами нуждаются во внешних инвестициях. На нас у них нет ни денег, ни сил. Даже промышленность свою они переносят не в РФ, а в

Китай, Малайзию, Индонезию или Мексику. (Сочетание холодного климата и оголтело криминальной бюрократии РФ отпугнуло всех инвесторов.)

Надежды на массированный импорт передовых технологий на постсоветское пространство не оправдались: сюда спихивают либо «вчерашний день», либо готовые изделия, тогда как для развития здесь нужно ставить сложные производства. Рассеялись надежды постсоветской «аристократии» и на то, что западные глобализующиеся элиты примут ее в свой круг как равных. «Новых русских» откровенно презирают и время от времени вытирают об них ноги. Вдобавок ко всему лопнул и мыльный пузырь «новой Антанты» на почве общей борьбы с «международным террором».

Итак, утраты от окончания прежней «холодной войны» очевидны. Приобретений — нет. Если так, то, быть может, начало новой «холодной войны» принесет России не вред, а только пользу?

Мобилизация ради выживания

Самая главная «выгода» от новой «холодной войны» — это тот факт, что постсоветская элита будет вынуждена связать свою судьбу с судьбой нынешней России. Все 90-е годы она рассчитывала, грубо говоря, нажиться на грабеже и физическом развале страны, а потом уехать в Европу или США.

А теперь ей приходится оставаться здесь, среди разоренных заводов, городов и научных центров. С ужасом смотреть на разрушающиеся системы энергоснабжения, транспорта и связи, на деградирующую оборонную сферу, на вымирающее население. И, чтобы выжить, сохранить свои капиталы и положение, волей-неволей придется браться за обустройство РФ, за превращение ее в новую великую державу.

Процесс этот будет сложным и многоэтапным.

Во-первых, здоровой части нынешней элиты придется не только восстанавливать, но и создавать заново национальную инфраструктуру. Ставить новые производства и перевооружать старые. Крепить оборону. А для этого, во-первых, придется восстанавливать плановые механизмы и мобилизационные рычаги, ибо только на частнопредпринимательской лошадке тут далеко не уедешь.

Во-вторых, быстро выяснится, что традиционные технологии при возрождении России не проходят из-за своей громоздкости и чрезвычайной дороговизны (они оцениваются то в полтора, то в четыре с половиной триллиона долларов). Стало быть, придется переходить на революционные, более дешевые и компактные, технологии, переводить страну с сырьевого на инновационный путь развития.

Затем станет ясно, что часть государственного аппарата и изрядная доля «элиты» к этому совершенно не годны — не умеют они заниматься плановым хозяйством и инновациями. Они преуспели в обустройстве собственного бизнеса, построенного на вывозе нефти и газа и завозе в РФ импортных вещей и лекарств, но некомпетентны в управлении сложными техническими системами.

Когда этот факт будет до конца осознан, самой решительной и умной части российских верхов придется пожертвовать наиболее закосневшей частью «элиты». Одновременно власти придется возвышать и приводить к рычагам управления новую элиту: технократов, инноваторов. Искать повсеместно новые технологии, сулящие резкий рывок в промышленности, строительстве, ЖКХ, транспорте и связи, в энергетике, здравоохранении и т. п.

С другой стороны, появление образа нового-старого врага позволит сплотить разобщенный народ. Психологически русские к противостоянию готовы.

Выход на телевидение всего полутора десятков новых публицистов, правдивый показ того, что США творили в Югославии и Ираке, и вот появится нужная психологическая атмосфера.

Если же новые верхи справятся с делом воскрешения России и превращения ее в динамически развивающуюся научно-промышленную державу, в эпицентр инновационной революции, то дальше последует возрождение империи. Новая сила в Евразии притянет к себе остатки деградирующих «суверенных государств». Южная Осетия и Абхазия, Приднестровье, Крым и Северное Причерноморье, восток Украины и Белоруссия, затем Казахстан — и вот он, первоначальный контур нового Союза. Продолжение, как говорится, следует.

С этой точки зрения «холодная война» для нас — просто благо.

Оценить степень угрозы

Итак, «мобилизационные плюсы» новой «холодной войны» очевидны. Попробуем теперь понять, чем мы рискуем. Перспективу ядерной войны отбросим сразу: господа «глобалы» — не самоубийцы, им некуда бежать с Земли. Более серьезный вопрос заключается в том, возможен ли вариант, при котором в случае агрессии руководство РФ не решится пустить в ход «оружие возмездия», страна подвергнется разгрому с воздуха, атакам крылатых ракет и высокоточного оружия дальнего боя. В перспективе такой сценарий, конечно же, допустим. Однако сегодня успешная воздушно-космическая агрессия НАТО, поломав и парализовав РФ, приведет лишь к тому, что богатые природные ресурсы Восточной Сибири и Приморья окажутся в руках Китая. Для «глобалов» это — большая проблема, особенно учитывая тот факт, что у на-

товцев нет достаточного количества живой силы для оккупации РФ.

К тому же на повестке дня стоит еще один вопрос: а готов ли сам Запад к войне за «наследство СССР»? Отвечая на него, нужно иметь в виду, что западный блок, несмотря на гибель СССР и расширение НАТО, сейчас гораздо слабее, нежели в 1981-м. США ожидает мучительная структурная перестройка, замыкание на внутренних проблемах и переход к экономике и обществу будущего, что не надо путать с мифическим «постиндустриализмом». Тот же переход предстоит совершать и Евросоюзу, забюрократизированному и рыхлому альянсу, перегруженному множеством проблем. И техногенных (износ старой инфраструктуры), и финансовых, и межэтнически-межрелигиозных. Кроме того, перед ним маячит перспектива болезненной перестройки мировой валютно-финансовой системы.

Необходимо иметь в виду, что в XXI веке война переходит в сферу психологической борьбы, культурного и смыслового противоборства, в соревнование привлекательности образов жизни. Здесь арсенал западного блока, откровенно говоря, небогат. Сейчас ему просто нечего предложить русским, а прежние потребительские стимулы (жвачка, джинсы, видео, сексуальная свобода) больше не срабатывают.

Не работает и миф о Западе, мечтающем видеть Россию частью элитного клуба мировых держав. Сегодня даже самым наивным ясно, что в том будущем, что готовят нам «глобалы», место России — в гетто вечно нищих и неразвитых.

Вполне возможен и перенос центра тяжести гонки вооружений в космические проекты. Тем более что каждый из них — источник множества новых технологий для применения прежде всего на Земле, для обогащения на новых видах бизнеса. Но и здесь шансы РФ неплохи. В отличие от позднесоветских времен, когда отличные «космические» технологии были не

востребованы инертной и плохо восприимчивой к инновациям гражданской промышленностью, сегодня у русских есть люди и структуры, готовые внедрять такие технологии во вполне земные отрасли и строить на них бизнес. Так что космическая гонка вооружений может стать для нас вполне окупаемым предприятием и, возможно, пойдет на пользу всему человечеству, обеспечит ему нужный технологический и психологический рывки.

Экономическая изоляция, которой нас пугают прозападные «агенты влияния», также вполне может пойти нам на пользу. Она даст стимул для того, чтобы создавать совершенно новую энергетику, комбинированный транспорт будущего, центры мощных «высоких гуманитарных технологий». В любом случае путь Китая (массового производства потребительских товаров) нам уже давно наглухо перекрыт.

Тупики «теплого мира»

А что будет, если РФ окажется не способна ответить на новый американский вызов и предпочтет новой «холодной войне» — «теплый мир»? Прогноз здесь довольно очевиден — в обстановке продолжающейся демобилизации курс нынешней власти подходит к кризисной черте, за которой маячит уже многократно отработанный Западом сценарий «демократического переворота».

После такого переворота у России есть как минимум три вероятных сценария будущего, каждый из которых не несет в себе ничего хорошего.

Сценарий номер один — распад РФ. Сейчас очевидно, что у страны уже нет того запаса прочности, что имелся в 1990-е годы. С тех пор успели обветшать и износиться железные дороги, трубопроводы и энергомощности, ядерные станции и системы жизне-

обеспечения городов. Истощился запас разведанных месторождений энергоносителей. А у коллаборационистов, естественно, не будет средств на то, чтобы все чинить, латать и заменять. В итоге после лет «нового ельцинизма» страна просто потонет в череде разнообразных техногенных катастроф и разлетится на части.

Второй сценарий — это сценарий «внешнего управления». Чтобы удержать РФ под контролем, не допустить ее развала и захвата Китаем Сибири, властям западного мира понадобится провернуть весьма трудоемкую и кровавую операцию. Конфисковать у российской элиты ее капиталы, пакеты акций, недвижимость, средства на банковских счетах, яхты, коллекции картин и т. д. Создать на этой основе некий фонд для поддержки РФ в состоянии «контролируемой стабильности» с тем, чтобы потом использовать остатки русских в противоборстве с Китаем.

Третий сценарий — это сценарий ускоренного распада. В нем РФ намеренно доводится до окончательного краха и делается многолетним полем битвы между Европой, США, Китаем и исламским миром за освоение «русского наследства». Возникновение на российской территории черной дыры «планетарного хаоса» даст возможность международной финансовой олигархии манипулировать основными цивилизациями планеты, играть на их противоречиях. Русские же в таком варианте будущего просто исчезают с лица планеты.

Все эти сценарии, вместе взятые, и каждый из них по отдельности — гораздо опаснее перспективы новой «холодной войны». Варианты «теплого мира» несут для нас катастрофу, тогда как новая «холодная война» открывает пусть и рискованный, но все же шанс на великое будущее.

Парадоксы и тупики ядерного сдерживания

Ядерное оружие — самое дешевое средство сдерживания превосходящих сил НАТО. И целесообразнее было бы вообще отказаться от принципа равных сокращений, заявив: «Мы будем иметь ровно столько ядерных боезарядов, сколько сочтем нужным для сдерживания НАТО».

«Несмотря на широко распространенное мнение, сокращения расходов на оборону не добьешься ядерным разоружением. Ядерные боеголовки обходятся очень дешево, если принять во внимание их мощность; они представляют из себя весьма экономичный способ уничтожения людей. Несмотря на то, что боеголовка и ее ракета-носитель стоят дорого, они несравнимо дешевле, чем равное им по разрушительной мощности число танков и артиллерийских орудий...»

Мы процитировали строки из романа «Красный кардинал» Тома Клэнси, видного американского стратега-мыслителя. (Писано в 1987—1988 гг.) Добавим: ракеты намного дешевле и системы ПРО, что развертывают Штаты. Сегодня в Кремле сами говорят: паритет по ядерным зарядам — глупость несусветная, не надо отвечать на каждую новую ракету американцев своей «птичкой», чтоб поровну было. (Смотри речь главы МО РФ С. Иванова в Госдуме 7.02.2006 г.) Все равно больше одного раза друг друга не уничтожить. Для этого страна может держать и четыре тысячи боезарядов, нисколько не смущаясь тем, сколько их наклепают Соединенные Штаты. Хотите, хоть десять тысяч боеголовок держите. Мы за вами гнаться не собираемся. У нас — столько ракет, чтобы вы не могли нас обезоружить неожиданным ударом и чтобы гарантированно прорвать вашу ПРО.

Но в данном случае Москва показывает как раз по-

рочный позднесоветский подход: «Ядерного оружия должно быть поровну». Подход, прямо противоречащий интересам русских. Но продолжим чтение двусмысленных отрывков в мюнхенской речи Президента РФ.

«Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о нераспространении ядерного оружия и многостороннего режима контроля за ракетными технологиями. Принципы, заложенные в этих документах, носят универсальный характер...»

Считаю, что Россия и США объективно и в одинаковой степени заинтересованы в ужесточении режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Именно наши страны, являющиеся лидерами по ядерному и ракетному потенциалу, должны стать и лидерами в разработке новых, более жестких мер в сфере нераспространения. Россия готова к такой работе. Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями...»

Это неприятная для нас реплика. В определенных случаях было бы выгоднее пригрозить оппонентам как раз таки экспортом ракетных технологий. В противовес явной подготовке НАТО к агрессии против нашей страны.

«Мы открыты для сотрудничества. Зарубежные компании участвуют в наших крупнейших энергетических проектах. По различным оценкам, до 26 процентов добычи нефти в России, — вот вдумайтесь в эту цифру, пожалуйста, — до 26 процентов добычи нефти в России приходится на иностранный капитал. Попробуйте, попробуйте привести мне пример подобного широкого присутствия российского бизнеса в ключевых отраслях экономики западных государств. Нет таких примеров! Таких примеров нет...»

А это при желании можно истолковать как призыв:

«Дайте нам, правящим верхам РФ, врасти в западный мир — и никакой «холодной войны» не будет».

«Нужна Россия в борьбе с терроризмом? Конечно! Нужна ли Индия в борьбе с терроризмом? Конечно! Но нас нет в НАТО, и других стран нет. А вот работать по этой проблематике мы можем эффективно, только объединяя усилия...»

Надеюсь, это просто не очень удачно построенное положение речи. А ведь сей отрывок можно понять и так: «Возьмите РФ в НАТО! И мы все простим...»

«При всех разногласиях я считаю президента Соединенных Штатов своим другом. Он порядочный человек, я знаю, что на него там всех собак сегодня могут повесить в Соединенных Штатах за все, что делается и на международной арене, и внутри. Но я знаю, что это порядочный человек, и с ним можно разговаривать и договариваться. Ну, так вот, мы когда с ним говорим, он говорит: «Я исхожу из того, что Россия и США никогда уже не будут противниками и врагами». Я с ним согласен...»

Россия не претендует на роль сверхдержавы. Россия не собирается ни с кем конфликтовать. Но Россия знает себе цену. И мы будем стремиться к тому, чтобы мир был многополярным. Мы не хотим вернуться к блоковому противостоянию, мы не хотим колоть мир на различные военно-политические группировки, но у России достаточно потенциала для того, чтобы влиять на строительство нового миропорядка, на то, чтобы будущая архитектура международных отношений была сбалансированной и учитывала интересы всех участников международного общения...»

После того, что натворил Буш-юниор и его команда, считать его порядочным человеком? Вопреки всем законам геополитики (которые предопределяют соперничество русских и американцев) не считать США вероятным противником? Вопреки перспективе неизбежного раскола мира на новые противостоящие

блоки глаголить об обратном? Ведь все это можно истолковать как послание: «Не воспринимайте прозвучавшие по адресу Запада обвинения всерьез».

Да, еще возможен и обратный откат — временный или постоянный, что подчеркивают уже обозначенные внутренней «агентурой влияния» попытки вернуть Кремль из русла «неуместной шутки» в фарватер американской геостратегии. Но верно и то, что сегодня уже с уверенностью можно говорить о первом, начиная со времен «перестройки», фундаментальном повороте государственной власти России в осознании объективных стратегических интересов нашей страны.

Странная мировая

Ну а сами сегодняшние Соединенные Штаты? Их положение до боли напоминает состояние начала 1930-х годов. В спину американцам дышит тяжелейший кризис, угрожающий самому существованию страны. Необходимо преодолеть его через победоносную глобальную войну, переформатировав окружающий мир и обеспечив свое главенство в новом порядке. Да, теперь перед Соединенными Штатами нет врага, сравнимого по силе и выразительности с Германией, старой императорской Японией или Советским Союзом. Теперь вызов властителям США бросает не какая-то империя, а сама жизнь.

Кропотливо созданную и закаленную в огне Второй мировой долларovou систему лихорадит. Она уже не обеспечивает прежнего экономического процветания Америки, а ее разрушение — вопрос лишь времени. Встает угроза появления конкурирующих мировых валютно-эмиссионных центров. Технологический застой, отсутствие эпохальных прорывов в науке и технике (сравнимых с успехами первой поло-

вины XX века) — налицо. Промышленность утекает в Китай и другие страны с дешевой рабочей силой. Совокупный долг США нарастает с опасной скоростью, грозя гигантским дефолтом. Общество опасно расслаивается в имущественном, культурном и этническом смысле, люмпенизируется. Сегодня в США 1% населения контролирует 74,8% всех акций, принадлежащих частным лицам, 68,9% ценных бумаг финансовых компаний, 60% паев доверительных и взаимных фондов, 54% коммерческой недвижимости. Трагедия 2005 г. в Новом Орлеане наглядно показала, насколько деградировал американский социум. Идет старение и вымирание главной движущей силы США, белого населения. Национальная система образования деградирует.

А на горизонте поднимаются новые экономические и политические гиганты, способные бросить опасные вызовы: Китай, Индия, Бразилия, отчасти — Иран и Россия. Мир становится непредсказуемым и опасным. То, что было чудом, доступным лишь немногим развитым странам в 1945 г. (ядерное оружие и баллистические ракеты), сегодня по силам даже средне-развитым странам вроде Ирана. США опасно слабеют, начался процесс захвата китайцами традиционно американских сфер влияния. Бывшие покорные страны вроде Венесуэлы выходят из повиновения. А еще подкатывает и общий системный кризис всей прежней модели развития человечества, заданной западными стандартами.

Все эти опасности вершители судеб Америки видели давно. События 9—11 подозрительно вовремя перекрыли собой фондовый крах на биржах США (когда лопнул «мыльный пузырь» спекулятивной и «новой» экономики) и позволили начать странную мировую войну с неопределенным противником. Но на самом деле эта война — скорее не против некоего

международного терроризма, а за сохранение могущества и статуса Америки.

Оговоримся сразу: произнося слова «Америка» или «США», мы несколько упрощаем положение дел. По нашему убеждению, помимо прежнего национального государства Соединенных Штатов, внутри них есть еще одна цивилизация: Глобоамерика (определение русского историка-кризисолога А. Фурсова), «люди воздуха» (по А. Неклессе) или Сообщество тении (термин, введенный С. Кугушевым и М. Калашниковым в книгах цикла «Третий проект»). Эта скрытая цивилизация, состоящая из финансовых воротил, хозяев средств манипуляции общественным сознанием и спецслужб, рассматривает США как свою штаб-квартиру и силовой механизм для ведения глобальной политики. Но это не меняет дела: и это сообщество заинтересовано в сохранении мощи США, их планетарной гегемонии.

Направления главных ударов: от космоса до микромира

Итак, с 2001 года началась необычная мировая война. Борьба за будущее. Какую же стратегию избрали управители Соединенных Штатов? Принципиально стратегия США проста: используя как предлог «борьбу с терроризмом», максимально ослабить конкурентов, завладеть доступом к главным нефтяным «бочкам» планеты и, наращивая темпы гонки вооружений, проводя реальные боевые действия, добиться решающего прорыва на фронте новых технологий. Так, чтобы уйти в отрыв от всего мира. И такие направления вполне определились.

Космические вооружения, технологии и мегапроекты типа пилотируемых межпланетных миссий. Высокоточное ядерное и обычное вооружение, противора-

кетная и воздушно-космическая оборона, беспилотные разведывательно-ударные системы. Искусственный интеллект и компьютерные нейросети четвертого и последующих поколений — основа гибких роботизированных систем, боевых и гражданских. Новая энергетика. В ближайшем прицеле — водородная, альтернатива нефтегазовой. Лазерные технологии и оружие. Волновые технологии воздействия на ионосферу, ключ к управлению климатом и еще многими процессами на поверхности планеты, равно как и в ее недрах. Генная инженерия. Нанотехнологии (сборка устройств на уровне атомов).

Отметим, что две последние позиции дают возможность полностью изменить окружающий мир. Здесь открываются фантастические возможности. В пределе — создание эволюционирующей промышленности, живущей по законам живой материи, которая практически без участия человека будет производить готовые вещи и изделия прямо из бросового сырья. Состоящие из атомов нанороботы-ассемблеры смогут собирать буквально из мусора все, что угодно: от ракетных двигателей до готовых ботинок. Причем очень быстро, экологически чисто и дешево. Сразу становятся ненужными и неконкурентоспособными Китай и прочие «страны-мастерские» с сотнями миллионов рабочих. Кроме того, медицинские нанороботы плюс генная инженерия позволят правящему классу обрести здоровье и полноценную жизнь на полтора-два века, де-факто превратившись в «апгрейд хомо сапиенс», в «следующую расу».

Но это — в пределе. А есть и промежуточные плоды генно- и нанотехнологической революции. Например, высокоточное биологическое оружие, способное убивать людей не просто конкретной национальности, но даже сугубо индивидуальные «мишени» с определенным генетическим портретом. Тут же — созданные с помощью нанотехнологий топливные эле-

менты и сверхъемкие аккумуляторы, во много раз снижающие потребность в ископаемо-минеральном топливе. Сверхпроизводительные солнечные батареи. Синтезированное из органики высококалорийное горючее, сверхминиатюрные и сверхмощные компьютеры, космические спутники величиной с кулак и так далее.

Наконец, назовем технологии действия и принятия верных решений в обстановке хаоса и неопределенности. (Частный случай — технологии управления хаосом, дестабилизации, «цветных революций».)

Чтобы совершить прорыв в новую техносферу, владыкам Соединенных Штатов нужно затормозить развитие конкурентов и взять под контроль топливно-энергетические ресурсы Земли. А также — вкачать в свои корпорации и бюджет страны как можно больше средств, собираемых со всего человечества с помощью глобализации по-американски. Военные же и научно-технические приоритеты США ясно видны в их приоритетных государственных и смешанных (бюджетно-корпоративных) программах. Здесь и «Национальная нанотехнологическая инициатива», и биотех, и роботизированные системы вооружений, и планы космической экспансии с отказом от всех международных договоров, которые ей мешают. И новая доктрина гибкого применения маломощного ядерного оружия, способного поражать подземные цели.

Приз США как победителя идущей нынче мировой войны — мировое доминирование уже в новом планетарном порядке. Полное уничтожение как конкурента Китая (промышленной мастерской), России (источник нефти и газа), конец зависимости от арабского нефтяного, но низкотехнологичного и архаичного мира. И, не исключено, «окончательное решение» многих вопросов, связанных с перенаселением планеты и прогрессирующей нехваткой природных ресурсов. Однако для осуществления такой программы

Соединенным Штатам (или глобальной правящей элите) необходимо выиграть время и ресурсы. Орудием же для воплощения сих планов стали ныне правящие в Америке республиканцы-неоконсерваторы (неоконы) и их проект «Новый американский век» (PNAC).

Смена караула

Можно ли рассчитывать на то, что власть в США перейдет от республиканцев к демократам — и нынешняя мировая война прекратится? Нельзя. У США просто нет иного выхода. Придя к власти, демократы столкнутся с теми же жгучими проблемами, что и республиканцы с неоконами. И в спину новой власти будет точно так же дышать неумолимо надвигающийся кризис. А США умеют вести долгосрочную, стратегическую политику.

Давайте вспомним о том, как многое из того, что делал против СССР республиканец Рейган, на самом деле было подготовлено и отчасти даже осуществлялось при демократе Картере (1976—1980 гг.). Или то, что первую пробу сил в нынешней глобальной войне за сохранение и развитие Америки сделал не Буш-младший, а президент-демократ Билл Клинтон. Именно он стал толкать НАТО на Восток и совершил успешную агрессию против Югославии. Так что можно почти с полной уверенностью сказать — уйдет Буш-младший, а песня останется прежней. Различие будет лишь в нюансах. Ведь нынешнее развитие событий угрожает системе «США — Глобоамерика» тяжелой катастрофой.

Вероятно, демократы в США решили выводить войска из Ирака, но поступить с оным, как с Югославией: разделить его на курдскую, шиитскую и суннитскую части. При этом юг Ирака — присоединить к Кувейту, получив нефть под мало-мальски американский кон-

троль. Ведь Кувейту в таком случае потребуется помощь США.

Но это же означает, что американцы смирились с поражением в иранском вопросе. В том смысле, что войны против Ирана не будет. Потому обретение Тегераном ядерного оружия — вопрос лишь времени. А значит, Америка явно ставит на развитие систем ПРО, которыми будет защищать и себя, и своих европейских клиентов. Фактор иранской ядерно-ракетной угрозы будет использован для сохранения влияния США в НАТО.

Намного ли затормозится гонка вооружений с возможным уходом республиканцев? Вряд ли. Ведь то, что делалось при Буше-младшем в оборонной сфере, предпринималось в рамках концепции «Революции в военном деле», принятой еще при демократе Клинтоне. Ставка на высокие технологии — естественный ход для выживания США. А гонка вооружений всегда служила катализатором научно-технических прорывов. Конечно, задуманная война может и не получиться. И тогда события пойдут по худшему для американцев сценарию. Но попытка выиграть затеянную войну будет предпринята!

Прямая и недвусмысленная угроза

А что это все означает для Российской Федерации? Прямую угрозу. Пока ей еще удастся вести кое-какую игру с помощью Газпрома и нефтяных компаний. Но в завтрашнем мире победа достанется тем, кто господствует в космосе и лидирует в нанотехнологиях, а не владельцам нефтяных скважин и экспортных трубопроводов. А в высокотехнологичном и военном плане РФ проигрывает. Ее важнейшая инфраструктура уже грозит развалиться. Рано или поздно владыки Глобоамерики поставят вопрос о том, что

минеральные ресурсы России должны быть отняты у недееспособной российской элиты и перейти под их («демократического человечества») контроль. Рано или поздно США начнут террор против нас и конфискацию богатств российских верхов. Уже давно готовы планы раздела РФ на несколько ломтей, бессильных и подвластных господам глобалам. А тот военный суперарсенал, что готовится сегодня в Соединенных Штатах, потребует масштабной обкатки. РФ для этого — слишком удобный полигон.

Надо честно признаться самим себе: чтобы выжить и развиваться, России-РФ необходимо превратиться в сильную Россию-империю. То есть разработать и принять, наконец, долгосрочную стратегию развития. Покончить с «либеральной» вакханалией в экономике и создать плановую экономику национальной безопасности, мобилизации и развития. Решительно чистить государственный аппарат и создавать де-факто новую государственную машину. Искать и системно применять асимметричные ответы на американские угрозы. И не замыкаться в границах 1991 года, снова сплывая вокруг себя земли. Прежде всего — белорусские и украинские. На общей основе борьбы со страшной внешней угрозой.

Кое-что в этом направлении российская верховная власть делает. Но именно «кое-что». Все пока слабо, непоследовательно, а подчас и противоречиво. Взять, к примеру, удушение Беларуси «газовой удавкой» и безобразие вокруг Союзного государства. За последние десять лет сделано все, чтобы толкнуть Минск в объятия наших противников. Да, нынешняя Москва делает первые шаги в использовании своего газа как рычага большой политики. Но при этом в программу развития нанотехнологий вкладывается всего около 1,2 млрд. долл., причем дело организовано более чем сомнительно. При этом космические программы РФ и Государственная программа вооружений — ни-

же всякой критики. Пора решительно меняться. Ибо война уже идет. Да, странная. Но при этом мировая, опасная и беспощадная.

Главный асимметричный ответ

Начиная новое противостояние с Западом, мы не должны повторить печальной судьбы СССР. Он не выдержал гонки вооружений, ибо вел ее крайне неразумно, отвечая на всякое новшество в вооружении США и НАТО абсолютно симметрично. То есть делая то же самое, невзирая на тяжелые для экономики расходы.

Сегодня нам придется идти по пути асимметричных ответов: тех, что при затратах средств на порядок меньших, чем у США и НАТО, способны нейтрализовать архидорогие системы вооружения Запада.

Сегодняшние Вооруженные Силы РФ не способны отразить агрессию НАТО. То, что пока предлагается «сверху», мало походит на асимметричные ответы. И мы решили самостоятельно поискать ответа на вопрос: «А что способны сделать русские в рамках асимметричной стратегии, если начнется новая «холодная война»?»

Самое главное здесь — смелость ума, решительность и изобретательность. Нетривиальность действий. Способность отбросить прочь стереотипы мышления и старые представления о допустимом и недопустимом, о возможном и невозможном. Хорошо все, что может ошеломить врага, сбить его с толку, до смерти напугать. К сожалению, позднесоветская верхушка не обладала такими способностями, а потому и проиграла страну.

Сегодня — время отбросить всякие интеллектуальные штампы. Нужно творить и изобретать. И не оглядываться на мнение мифической «цивилизованной

общественности». Надо помнить, что американцы с начала 1980-х творят революцию в военном деле, воплощая в жизнь то, что наши генералы до сих пор считают фантастикой. Пора и нам расковать свои воображение и изобретательность. Цель — дешевые, асимметричные ответы России на техномонстров, что сегодня сжимают нас в кольцо окружения. Здесь допустимо все: неожиданные изобретения, сногсшибательные организационные находки, ставка на обман противника и, самое главное, отчаянная смелость.

Стратегия «новый Якир»

Вплоть до второй половины 1930-х годов в Советском Союзе, который был беднее Запада, господствовала своеобразная стратегия возможной войны с сильными империалистическими противниками. Ее суть сводилась к тому, что мы встречаем вторгающегося в страну противника заранее организованными партизанско-диверсионными отрядами. Регулярные части агрессора вязнут в европейской части СССР. А в это время советские дальние бомбардировщики «ТБ-3» нанесут тяжелые удары по глубокому тылу врага: по Варшаве, Берлину, Парижу. В странах-агрессорах рабочий класс, пользуясь этим, поднимет восстания в поддержку Советского государства — и СССР двинется им на помощь...

Сия стратегия связывается с именами репрессированных Сталиным красных маршалов — Якира, Уборевича и Тухачевского. И действительно, до середины тридцатых в нашей стране велась серьезнейшая работа по подготовке диверсантов и партизанских кадров, проводились учения, закладывались в лесах базы с продовольствием, оружием и взрывчаткой. Но затем Сталин отменил «партизанско-дальнебомбардировочную» стратегию прочь. Он был во мно-

гом прав, ибо все основывалось на утопии «пролетарской солидарности». Как показал опыт Второй мировой, немецкие и итальянские рабочие совсем не спешили восставать против своих фюреров-дуче в поддержку СССР.

Но парадоксальным образом новое издание такой стратегии может быть востребовано сегодня. Как асимметричный ответ на колоссальное превосходство блока НАТО над нынешней Росфедерацией. Если сухопутные силы РФ не выдержат открытого столкновения с прекрасно вооруженными войсками американцев и их евросоюзников. Роботизированная мотопехота, вертолетно-танковые ударные группы, беспилотные разведывательные и ударные системы, подавляющее господство западников в космосе, воздухе, в областях разведки, связи и целеуказания — все это приведет к тому, что русские части будут разгромлены в считанные часы.

А не противопоставить ли всему этому новую «Якир-стратегию»? Нужно готовить наши сухопутные силы как подвижные отряды спецназа, партизан-диверсантов, отказавшись от старых полков, дивизий и корпусов. Если натовцы вторгнутся в наши пределы, то подвижные, скрытно действующие бригады партизан-спецназовцев смогут вести сетевую войну. Нападать на тылы агрессоров, нанося им потери и нарушая снабжение. Пользуясь спутниковыми системами навигации и лазерными целеуказателями, спутниковой и широкополосной радиосвязью, наводить на головы наступающих вражеских колонн удары русской самоходной артиллерии, оперативно-тактических ракет (и с ядерными головками малой мощности тоже!) и авиации. Устраивать интервентам ад в занятых городах.

В то же самое время русское оружие стратегического сдерживания (дальнобойные баллистические и крылатые ракеты с наземных установок, подлодок и с

дальних самолетов-ракетоносцев) наносят удары по тылам агрессора, вызывая у него страшные, неприемлемые потери. Причем удары могут быть как ядерными, так и неядерными. В данном случае мы рассчитываем не на восстания рабочего класса на Западе в нашу поддержку (хотя бы за сильным сокращением пролетариата в богатых странах), а на дикий страх обывателей и правителей натовских стран перед перспективой огромных жертв и разрушений. Кстати, особыми целями ударов нужно сделать места, где сосредотачивается западная деловая и политическая элита: места ее компактного расселения (богатые кварталы в городах и подобия Рублевского шоссе, биржи, банки и бизнес-центры, загородные клубы, большие круизные корабли).

Все это совмещается с дешевым вариантом «звездных войн» — применением противоспутникового оружия для вывода из строя ПРО США, их военных спутников связи, разведки и навигации.

Такая стратегия выгодна: подвижная высокотехнологичная «партизанская армия» в случае победы прекрасно справится с занятием вражеских территорий. Нескольким мобильным группам могут придаваться артиллерийские, танковые и вертолетные «модули» — и тогда наши войска смогут вести борьбу не только с натовскими агрессорами, но и с «правильными» регулярными армиями индустриального типа (китайской, турецкой, польской), и с иррегулярными формированиями боевиков (вроде отрядов чеченских сепаратистов, афганских талибов).

Такой асимметричный ответ на подавляющее превосходство сил НАТО был предложен коллективом «Русской доктрины» (А. Кобяков, В. Аверьянов, М. Калашников и другие) еще в 2005 году.

Террор — стратегическое оружие XXI века

Террору как оружию будущего отдает первенство известный мыслитель Сергей Переслегин. Именно он станет асимметричным и сокрушительным ответом на агрессию более сильного и технологически развитого врага, который, однако, как огня боится больших человеческих жертв со своей стороны. Террор стремительный и отлично организованный. Террор стратегический.

Итак, сами террористические силы состоят из групп «Т» и «А». «Т» — очень умные, рафинированные аналитики и стратеги, придумывающие и планирующие операции. «А» — собственно исполнители, террористы.

Итак, сталкиваясь с западным противником (со странами «большой семерки»), нужно твердо уяснить. Во-первых, техническое превосходство США подавляюще и его нельзя нейтрализовать военными средствами. Во-вторых, западная военная машина действует эффективно, если удастся создать единую политическую реакцию на события со стороны всех развитых стран. В-третьих, Запад достаточно медлителен. Ему нужно время на реакцию и подготовку войны — до нескольких месяцев. В-четвертых, он равнодушно относится к материальным потерям, но крайне чувствителен к людским жертвам. В-пятых, потери мирного населения оказывают на Запад еще более сильное впечатление, чем потери среди войск.

То есть при столкновении с ним слабейшему стоит перейти к наступательной партизанской войне. Именно к наступательной и стратегической, не размениваясь на тактические, мелкие цели.

Нападения вызовут, например, ужесточение режима пересечения границ, что начнет разрушать транспортную связность. А затем дело дойдет и до «охоты на ведьм». Она сама по себе начнет разрушать обще-

ство развитого либерализма. Попытки армии и полиции справиться с террором в исполнении слабоподготовленных групп (и его последствиями) забывают все транспортные и информационные сети. Беспрерывные проверки на транспорте, усиленные меры охраны, нескончаемые скандалы в парламенте и правительстве, растущее взаимное подозрение в атомизированном обществе, постоянная истерия на телевидении и в газетах — вот что принесут с собой многочисленные атаки групп практически смертников. Пытаясь прикрыть все возможные объекты нападений, силовые структуры быстро исчерпают свои силы и распылят их. Еще горше положение станет тогда, когда террористы начнут действовать в бешеном темпе. Скажем, захватят школу — и тут же учинят бойню, скрывшись с места преступления за несколько десятков минут, выбросив затем заявление в Интернет.

Наращивая натиск, противник западных стран может устраивать «Вальс отражений»: засылать группы-имитаторы, заранее обреченные на гибель. Силовые структуры противника не смогут их игнорировать. Конечно, они будут ликвидироваться пачками — но все же успеют осложнить и без того сложную обстановку в стане европейцев.

Когда вот такой простейший террор и «Вальс Отражений» достигнут пика, настает черед серьезного террористического нападения с применением, например, биологического оружия. В Европе это очень «удобное» оружие: ведь высокая связность тамошней транспортной сети поможет в считанные дни и даже часы разнести смертоносную инфекцию по всему континенту.

В ходе «биологической» стадии войны число заболевших превысит десятки тысяч. Это может вызвать падение кабинета министров и перегрузку сети здравоохранения. И вот тогда настанет момент третьего удара — внезапных нападений элитными террористи-

ческо-диверсионными группами боевиков. Они атакуют аэродромы, диспетчерские центры, транспортные узлы, АЭС, культурные и исторические центры. В этот момент скажется распыление противостоящих им западных сил армии и полиции. Террористы в таком случае имеют неплохие шансы прорваться на важные объекты.

После этого противник западного типа будет если не повержен, то уж точно перейдет к стратегической обороне и выведет свои войска из страны отчаянных людей, на которую напал первым.

(Стратегия большого стратегического террора изложена по труду С. Переслегина «Самоучитель игры на мировой шахматной доске» (Москва; СПб.: АСТ-Терра фантастика, 2005, С. 118—122), а также на основании интервью Переслегина в открытой печати.)

Конечно, Переслегин видит стратегию стратегического, «насыщающего» террора в исполнении бедных сил Юга, исламского мира прежде всего. Однако и здесь видны многие черты войн, что нам предстоят. Но ведь диверсионные группы можно с самого начала бросить в атаки на АЭС, плотины, ключевые системы жизнеобеспечения. Совместив сие с хакерскими, компьютерными атаками на финансовую систему противника, на его системы связи, управления энергетикой, наземным и воздушным движением. А некоторые группы диверсантов можно высаживать прямо в США с помощью бесшумных подлодок типа «Варшавянка».

Дешевый вариант «звездных войн»

Асимметричный ответ немыслим и без русской стратегии борьбы в ближнем космосе. Отказываться от нее смертельно опасно. Нельзя уповать только на подписание договора о запрещении милитаризации околоземья: США уже не остановить. И точно так же

опасно рассчитывать только на оснащение наших межконтинентальных ракет средствами прорыва космической ПРО: ложными целями, радарными отражателями, постановщиками помех и рыскающими по курсу боеголовками. Нет, необходимо делать и свои космические вооружения, но именно в дешевом, асимметричном варианте.

Что сие значит? Русские не должны копировать космическую ПРО Америки, силясь отразить массовые атаки баллистических ракет врага. Это невозможно и разорительно для страны. Есть вариант в десятки раз более дешевый — средства для уничтожения вражеских спутников. Ударь по нескольким ключевым аппаратам Соединенных Штатов — и ты выведешь вражескую ПРО из строя («отец» советских «звездных войн», академик Анатолий Савин, называл такой метод «ударом по глазам»). Несколько уничтоженных спутников навигационной системы GPS лишат точности удара американские крылатые ракеты и «умные» бомбы, баллистические ракеты типа «Трайдент» и затруднят ориентацию как групп натовских спецназовцев, так и подразделений их ВВС. Уничтожение иных спутников разрушит системы связи и целеуказания американской армии, резко снизит ее боевые возможности. Космос — ахиллесова пята американцев.

Нужно, чтобы развитие новых вооружений не только обеспечивало высшую военную эффективность, но и ускоряло бы общеэкономическое, технологическое развитие державы. Например, развитие боевых ракет открыло путь космонавтике и целому миру разнообразных спутниковых систем, каждая из которых — прибыльнейшее предприятие и сильное средство экономического роста. Сегодняшние США, начиная космическую гонку вооружения, рассчитывают получить от нее сотни передовых технологий для использования во вполне мирных бизнес-целях, для основа-

ния новых процветающих компаний с инновационными товарами и услугами. Космические вооружения сулят невиданные прорывы в области наноэлектроники, искусственного интеллекта, информационных технологий, надежной широкополосной радиосвязи, точного станкостроения, в сфере создания новых конструкционных материалов, легких и компактных источников электроэнергии и т. д. На основании всего означенного можно смело создавать новую экономику, завоевывающую рынки планеты и обеспечивающую США рывок в развитии. Но и на этом дело не останавливается. Космические вооружения, давая людям возможность овладевать новыми физическими принципами в технике, открывают дорогу совершенно невиданному оружию: боевым нанороботам, установкам, влияющим на погоду и природные процессы в недрах земли. А это открывает эру войн «магических», невидимых и быстрых.

Русские «звездные войны» должны также сослужить службу развитию нашей страны. Они потребуют создания микро- и наноспутников, распределенных спутников (спутников-«роев»), дешевых средств вывода в космос полезных грузов, новой электроники. Все это способно породить выгоднейшие коммерческие предприятия: ибо подобная техника изначально носит двойной характер. Свои возможности конверсии есть и у боевых лазеров НПО «Астрофизика». Наконец, есть план академика Савина — создание единой военно-коммерческой спутниковой группировки, которая в одном режиме работает как мирное предприятие (например, совершая зондирование планеты и предоставляя услуги связи), а в другом режиме — как военная система, целиком переключающаяся на обеспечение русской армии.

Увы, пока Кремль почти целиком ставит на баллистические ракеты, оснащенные средствами прорыва ПРО США. То есть на оружие прошлой эры. Это очень

дешево, спору нет, но опасно. Мы, надеясь только на ракеты, можем навсегда отстать от врага, который благодаря своим «звездным войнам» добьется фантастического технологического скачка в будущее. Хотя в чисто военном плане своей цели (полной неуязвимости США от русских ракет) так и не достигнет. А что означает очередное технологическое отставание России? Ее банкротство. Особенно если прогресс в новой энергетике в несколько раз снизит потребность мирового рынка в наших ископаемых энергоносителях. Чтобы не остаться в дураках, философию русской гонки вооружений необходимо создавать немедленно, с привлечением лучших умов страны. И не отказываться от космических вооружений! Главное для нас — ускорить качественное развитие Родины, используя и военно-промышленные рычаги. В рамках все той же асимметричной стратегии!

Россия будет уничтожена за один день?

Сегодня военный конфликт между Россией и Западом кажется маловероятным. Но история движется быстро. То, что еще вчера казалось невероятным, вдруг становится реальностью. Когда-то бредом сумасшедшего показались бы воздушная война НАТО против Югославии (1999), атаки на Манхэттен в 2001-м, операции США в Афганистане и Ираке после 11 сентября. Нельзя прятать голову, уходя от «запретных» сегодня тем. И мы должны представить себе возможные сценарии войны.

...Президент РФ погиб в мгновение ока. Нанесенный орбитальной бомбардировочно-штурмовой системой неядерный удар был неотразим в принципе. Таково уж оружие конца 2010-х годов: не ядерное, но столь же убийственное.

Сначала точное местопребывание главы Росфедерации установили мощные спутниковые системы разведки. Затем его кортеж накрыла туча вольфрамовых стрелок, запущенных с орбиты в боевых блоках. Огромная страна вмиг оказалась обезглавленной.

Российские генералы даже не шелохнулись. Их американцы вовремя обработали и подкупили, как в свое время подкупили военную верхушку Ирака накануне операции 2003 г. Политическая верхушка РФ парализована страхом. Она не умеет и не хочет брать на себя ответственность, она дрожит за свои капиталы за границей. Никто так и не отдал приказа на применение ядерного оружия по целям в Соединенных Штатах.

Тотчас же в Москве начались уличные демонстрации объединенной лево- и правонационалистической оппозиции, режиссируемой из-за океана. Во главе страны становится Спаситель Отечества, большой Генерал. Формируется Кабинет Русского Спасения, который быстренько объявляет о теснейшем сотрудничестве с Вашингтоном. И берет курс на отделение Северного Кавказа. Уже ясно, что Россия скоро признает Сибирскую и Дальневосточную республики. Их активисты даже не скрывают, что готовы разместить у себя американские военные базы ради того, чтобы предотвратить китайскую оккупацию. И это же — гарантия от притязаний ненавистной Москвы. Той, что только отбирает средства в виде налогов и отчислений, но почти ничего не дает взамен. Американские ВМС и морская пехота занимают Сахалин с его богатейшими месторождениями нефти и газа. Американские контингенты быстро занимают Приморье и опорные пункты вдоль трассы БАМа.

Газовая и нефтяная промышленность, а также трубопроводная система РФ переходят под международный (натовский) контроль в «интересах прогрессивного человечества».

Не исключено, что в США будет сформирован свой Иностранный легион. (Содержать его дешевле, чем собственно американских солдат.) За перспективу получить американское гражданство после нескольких лет службы в такой легион пойдут служить десятки тысяч граждан Украины и РФ, Молдавии и Словакии, Белоруссии и Польши. Это очень выгодно властям Америки. Ведь они в таком случае набирают хороший корпус солдат. Его можно бросать в такие гиблые места, как Средняя Азия. Кроме того, все это — белые люди и христиане. Такая прививка не повредит США. Конечно, это — воскрешение практик поздней Римской и Византийской империй, что набирали части из иноплеменников. Корпус иностранных наемников, сплотившихся во время службы, в случае чего можно кинуть на подавление внутренних беспорядков в самих Соединенных Штатах.

Война против России выигрывается американцами за один-единственный день. Она обошлась им всего-навсего в десять-пятнадцать миллиардов долларов.

Новый «Барбаросса»

Иную картину рисует Александр Владимиров, генерал-майор, вице-президент Коллегии военных экспертов, кандидат политических наук.

Ближайшая стратегическая задача НАТО заключается в уничтожении России как основного геополитического противника. Как? Путем ее расчленения с одновременным уничтожением ее вооруженных сил, захватом всех ресурсных зон и переходом к управлению страной с помощью системы оккупационных режимов.

Направления основных стратегических ударов НАТО в этом случае:

1. На северо-западе: удары из Финляндии на Мур-

манск и Выборг с отделением Кольского полуострова и Карелии, исключая Санкт-Петербург.

2. На западном стратегическом направлении: удары по сходящимся направлениям из Прибалтики и Украины (минуя и блокируя Беларусь) — на Москву, с одновременной «зачисткой» Калининграда.

3. На юго-западном стратегическом направлении: сходящиеся удары из Украины, Грузии и Казахстана с целью отсечения юга России и Каспийского моря, с общим направлением на Волгоград (с одновременной «зачисткой» Приднестровья, Абхазии, Осетии и черноморской зоны России).

4. На юге: расходящиеся удары с территории Казахстана: первый — на север вдоль Уральского хребта до полярных зон. Второй — на Волгоград (практически — на Сталинград). Третий — на восток вдоль БАМа.

В результате такого «Барбароссы» в европейской части бывшей РФ формируется подмандатное НАТО, «национально чистое» «Княжество Русское» (почти по рубежу «этнической русской зоны»). Выход к морю одного княжества — только в районе Архангельска (Белое море), причем под полным контролем Запада. Южнее формируется самостоятельная Кавказская федерация, западнее — Великая Польша (включающая Беларусь) и укрупненная Великая Украина. В Поволжье создается несколько исламских государств, или Исламский союз государств Поволжья. На северо-западе организуется Конфедерация Прибалтийского альянса — до Пскова включительно. На востоке Китай попытается провести большую операцию по взятию под контроль всей двухсоткилометровой пограничной Дальневосточной зоны, Приморья, сырьевых зон и инфраструктурных объектов, в том числе с целью недопущения к ним армий НАТО и США.

Время подготовки плана такой операции — от двух до семи лет.

Выдумка или повторение пройденного?

«Такой сценарий возможен лишь в том случае, если в России разразится кризис власти и экономики, когда политика страны станет пассивной, а ее Вооруженные силы недееспособными, — считает Александр Владимиров. — В таком случае система стратегического управления РФ в войне терпит полный крах, разрушаются силы стратегического сдерживания России. Другими необходимыми условиями мы считаем согласие народов Украины и Грузии на вхождение в НАТО; заблаговременную смену режимов в Казахстане (возможно, и в Беларуси); разрастание вооруженных конфликтов (мятежей) в регионе Северного Кавказа, в Поволжье и Прикаспии. А также превентивное сосредоточение экспедиционного корпуса НАТО (США) в Прибалтике, Казахстане, Украине, Грузии. Для осуществления плана необходимо удержание НАТО и США абсолютного превосходства в информационной сфере, в космосе, море и в воздухе, подготовка серьезной «пятой колонны» на территориях стран — жертв агрессии и возможная революционная ситуация в них».

Возникает вопрос: а возможен ли такой вариант вообще? Ибо для современного и образованного европейца все это выглядит как совершенный бред. Но для образованного европейца конца 1930-х годов и план «Барбаросса» казался абсолютным бредом.

Победа — в быстроте

Еще один сценарий выдвинул известный русский военный аналитик Михаил Ходаренок.

Видимо, самой главной чертой будущей войны НАТО с ядерной державой (РФ) станет быстрота. Если в течение нескольких минут не удастся нанести «разоружающий удар» — нейтрализовать носители

сил ядерного сдерживания (СЯС) и полностью исключить применение тактического ЯО — нападающая сторона может считать войну проигранной. Поэтому Запад прежде всего «вырубит» ядерную компоненту Росфедерации. Разведка США уже давно вскрыла места дислокации основных и запасных подземных пунктов высших звеньев управления, узлов связи, центральных командных пунктов видов Вооруженных сил РФ.

Основной задачей первых минут возможной агрессии НАТО станет вывод из строя системы управления государством и Вооруженными силами. В первую очередь — многократно дублированной системы управления СЯС (в том числе центров связи с ракетными подводными лодками стратегического назначения, использующими диапазон сверхдлинных радиоволн) и подвижных пунктов управления Верховного главнокомандования (воздушных и железнодорожных). Мощному удару с использованием средств воздушного нападения противника подвергнутся наиболее значимые административные здания Минобороны в Москве (новое и старое здания Генштаба на Арбатской площади, «третий дом» на Фрунзенской набережной, узлы связи Генерального штаба и видов ВС и т. д.), откуда возможно осуществлять руководство войсками (силами). Одновременно с ними разрушению подвергнутся пункты управления и узлы связи военных округов.

Никаких фронтов, никаких стратегических операций на морских и континентальных ТВД, никакого прорыва обороны и многодневных бомбардировок в войне будущего не предвидится. Реальностью станет мгновенный, мощный, согласованный по всем составляющим и сферам удар.

После того, как «ядерное жало» РФ будет вырвано, дальнейшие военные действия сведутся к добиванию оставшегося военного потенциала Росфедерации вы-

сокоточным оружием в обычном снаряжении. Наступит этап стремительных прорывов и рейдов механизированных и бронетанковых подразделений ради молниеносного захвата ключевых точек территории страны, без обладания которыми организация какого бы то ни было сопротивления немыслима. В первую очередь — центров коммуникаций, региональных узлов связи и центров политического и военного управления в субъектах РФ.

По Ходаренку, военные приготовления к подобной операции пойдут под видом больших маневров блока НАТО — с приглашением военных наблюдателей от России. Никакие особые «мобилизации» Западу и не требуются — современное состояние боеготовности ВС развитых в военном отношении стран позволяет обойтись без этих процедур, свойственных мировым войнам XX века.

После обезоруживающего и парализующего удара первых пяти минут дальше операция НАТО против России превратится в блицкриг. В нем у русских не останется никаких шансов из-за огромного превосходства войск НАТО в обычных вооружениях и в боевой технике, в средствах связи, разведки, радиоэлектронной борьбы, в системах управления и автоматизации.

Все эти сценарии вполне реальны. Но лишь в одном случае: если Россия и в 2010-х годах останется в нынешнем виде — низкотехнологичной «нефтяной страной». С диким расколом между правящей «элитой» и народом. С острым конфликтом внутри самой правящей верхушки. С отсталой промышленностью и Вооруженными силами позавчашнего дня...

«ИДЕТ «ВОЙНА ХОЛОДНАЯ», СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА...»

Последние перестановки в правительстве относятся к тактике «Третьего срока» и не должны заслонить мюнхенскую речь президента, относящуюся к стратегии «Третьего срока». Эта речь явилась первым соразмерным ответом на десятилетние атаки Америки. Окрашенная эмоционально, исполненная радикальной риторики, она породила шквал агрессивных западных откликов с последующими ответами российской стороны. Этот обмен политическими и информационными шлепками осуществлен по правилам «холодной войны». Ее наступление одними воспринимается трагически, другими — как долгожданный подарок. Первая «холодная», озаменованная речью Черчилля в Фултоне, длилась почти полвека и завершилась разгромом СССР. Вторая «холодная», открытая в Мюнхене, — не приведет ли к распаду России?

Победа американцев в первой «холодной войне» была достигнута без ядерных бомб и армий вторжения — невесомыми приемами «организационного оружия». Особой культурой воздействия, с помощью которой были размыты и перекодированы основы советского общества. Изъяты из него смыслы и мировоззренческие оплоты. Искажены «образы будущего». Предложены чуждые толкования истории. Внедрены пленительные чужеродные образы. Демонизированы отечественные герои и лидеры. Созданы интеллектуальные группы в политике, информации и культуре, являющиеся «агентами влияния». На их основе сфабрикованы организации, подобные антисоветским «На-

родным фронтам» и «Межрегиональной группе». Сложными воздействиями, информационными блефами, стратегической имитацией врагу удавалось менять цели советского развития. Устремлять его в ложном направлении, где бессмысленно расходовались ресурсы, гасилась социальная энергия, развитие утыкалось в тупики.

Вершиной «оргоружия» стали горбачевская «перестройка» и сам Горбачев, на протяжении пяти лет осмысленно разрушавший организацию СССР. Он уничтожил главную скрепу — партию. Послойно снял все контуры безопасности, лишив страну иммунитета. Насаждал взамен «национальных» «общечеловеческие ценности». В августе 91-го, когда прозвучал последний залп «оргоружия», он ушел в тень, отдав разгромленную страну во власть победителей.

Когда одно государство побеждает другое, армия-победительница не уходит с захваченных территорий. Она остается в виде оккупационных гарнизонов и комендатур, военных баз и марионеточных правительств. Американцы, разгромив Россию, не ушли, но остались здесь, контролируя власть, экономику, информацию. «Оргоружие», что сокрушило Советский Союз в 91-м, существует у нас повсеместно. Его управляющее и тормозящее воздействие улавливается в думском законотворчестве, в деятельности бессчетных «неправительственных организаций», в программах телевизионных каналов. В той экономической и финансовой деятельности, что перекачивает русские ресурсы и деньги в американскую экономику, постоянно ослабляет Россию, управляет ее деградацией. «Оргоружие» врага в Кремле, у нас дома, в наших мозгах. И в таких-то условиях, после мюнхенской речи Путина, мы затеваем вторую «холодную».

Если мюнхенская речь — не фальстарт, если за ней не последует унижительный откат, если она — следствие возросшей самостоятельности Государст-

ва Российского, — то этому государству следует создать собственное «организационное оружие», способное выдержать схватку интеллектов, не повторив трагический опыт СССР. Это «оргоружие», являясь целостным образованием, должно быть использовано в двух направлениях, что соответствует новому толкованию двуглавого российского герба. На внутреннем «театре военно-организационных действий» оно станет своеобразным СМЕРШем. Нейтрализует подрывную деятельность «пятой колонны», которая не является подпольем, но ядовитыми цветами расцвела в «экономическом блоке» Грефа и Кудрина, в культурном департаменте Швыдкого, в «правозащитных организациях», работающих на американские и еврейские деньги. Внешние стволы «оргоружия» будут нацелены в зоны противоречий, где схлестываются интересы Америки с интересами арабского мира, Китая, Ирана. Туда после Мюнхена и направился Путин, поразив воображение Запада, в лучших традициях «организационной борьбы», угрозой «газового картеля».

Создание «оргоружия» под силу лишь высочайшему коллективному интеллекту, который в сегодняшней России рассеян по малоизвестным «клубам» и «школам», занятым на свой страх и риск, без поддержки государства, противодействием врагу. Этот коллективный интеллект, состоящий из разведчиков, культурологов, антропологов, специалистов по социальной инженерии, теоретиков религии и культуры, мастеров пси-технологий, — этот творческий, всеобъемлющий разум станет инструментом борьбы в той смертельно опасной «схватке миров», что именуется «холодной войной».

«Пятая империя» — стратегия этой схватки. «Суверенная демократия» — ее идеология. «Партия третьего срока» — политический субъект, на плечи которого ляжет главная тяжесть борьбы. Все это, вместе взя-

тое, является актуальной «имперской технологией», ведущей к победе.

Расколоть историческое время России. Стравить в непримиримой схватке различные периоды русской истории. Превратить энергию исторического творчества в разрушительный вихрь. Так действует сегодня «оргоружие» врага в нашем духовном пространстве. Ответом на это могла бы стать всероссийская инициатива по великому примирению, соединению «распавшихся времен» в единый русский поток. Символические молебны и крестоцелования на могилах, куда опустятся, наконец, примиренные и упокоенные «белые» и «красные» кости, омытые слезами покаяния. Ненависть, которая хлещет в нашу жизнь из разорванных трубопроводов истории, да сменится великой любовью и упованием, которыми взращивается драгоценный кристалл «Пятой Империи» русских.

Кстати говоря...

14 марта 2007 года — всего через несколько дней после выступления В. Путина в Мюнхене Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел социологический опрос, чтобы выяснить, как россияне оценивают развитие отношений между Россией и Западом; как воспринимают внешнеполитический курс президента В. Путина.

Половина россиян (47%) полагает, что мир был более безопасным, а международная ситуация более спокойной и стабильной в советские времена, в 1960—1980-е годы XX века, то есть в годы так называемой «холодной войны». Треть (34%) считает, что — в настоящее время. И лишь 5%, что в 90-е годы, при Б. Ельцине. Те, кому за 60 лет,

как правило, отдают предпочтение советской эпохе (64% против 25% сторонников нынешней эпохи), тогда как молодежь склоняется в пользу нынешних времен (44% против 27%).

Не верят в возможность возобновления «холодной войны» 48% опрошенных (из них 7% исключают подобное развитие событий, а 41% полагают, что это маловероятно). Немногим меньше тех, кто считает возобновление «холодной войны» вполне возможным — 40%; среди молодежи 18—24 лет это мнение разделяют только 27% респондентов, среди опрошенных от 25 лет и старше — 40—45%.

Отношения России и Запада скорее улучшаются, чем ухудшаются, полагают 29% респондентов против 17%. Треть опрошенных не фиксирует изменений. Сторонники «Единой России», ЛДПР и «Справедливой России» настроены скорее оптимистично в этом отношении, избиратели КПРФ — скорее пессимистично.

Респонденты, отмечающие ухудшение отношений России и Запада, объясняют это прежде всего антироссийской политикой стран Запада, особенно США (33%), ростом экономической мощи России, превращением ее в серьезного конкурента Запада (14%). Одобряющие деятельность В. Путина опрошенные чаще его оппонентов обращают внимание на усиление конкурентного потенциала нашей страны (15% и 9%) и реже — на рост антироссийских настроений на Западе (32% и 45%).

Главный аргумент в пользу улучшения отношений — рост экономического и гуманитарного сотрудничества (41%), указывают также на рост международного авторитета России и целенаправленную

работу В. Путина (по 15—17%). Усилия президента страны в первую очередь отмечают сторонники «Справедливой России» и КПРФ (25—27%), а отнюдь не «Единой России» (18%).

Большинство респондентов, 61%, оценивают внешнеполитический курс В. Путина как вполне сбалансированный в отношении Запада и Востока. По мнению 16% опрошенных, этот курс излишне прозападный. И только 8% указывают на излишнюю жесткость в отношении западных стран. Доля тех, кто оценивает курс В. Путина как излишне прозападный, среди сторонников КПРФ выше (33%), чем среди избирателей «Единой России», ЛДПР и «Справедливой России» (по 14—16%).

Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 17—18 февраля 2007 г. Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

РОССИЯ В НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ

**Выступление В.В. Путина и дискуссия на Мюнхенской
конференции по вопросам политики безопасности
10 февраля 2007 года**

В. ПУТИН: Спасибо большое, уважаемая госпожа Федеральный канцлер*, господин Тельчик**, дамы и господа!

Весьма признателен за приглашение на столь представительную конференцию, собравшую политиков,

* То есть Ангела Меркель. — Прим. ред.

** Хорст Тельчик — бывший советник канцлера Германии Г. Коля. — Прим. ред.

военных, предпринимателей, экспертов из более чем 40 стран мира.

Формат конференции дает мне возможность избежать «излишнего политеса» и необходимости говорить округлыми, приятными, но пустыми дипломатическими штампами. Формат конференции позволяет сказать то, что я действительно думаю о проблемах международной безопасности. И если мои рассуждения покажутся нашим коллегам излишне полемически заостренными либо неточными, я прошу на меня не сердиться — это ведь только конференция. И надеюсь, что после двух-трех минут моего выступления господин Тельчик не включит там «красный свет».

Итак. Известно, что проблематика международной безопасности — много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межкультурного диалога.

Такой всеобъемлющий, неделимый характер безопасности выражен и в ее базовом принципе: «безопасность каждого — это безопасность всех». Как сказал еще в первые дни разгоравшейся Второй мировой войны Франклин Рузвельт: «Где бы ни был нарушен мир, мир повсюду оказывается в опасности и под угрозой».

Эти слова продолжают сохранять актуальность и сегодня. Об этом, кстати, свидетельствует и тема нашей конференции, которая здесь написана: «Глобальные кризисы — глобальная ответственность».

Всего лишь два десятилетия назад мир был идеологически и экономически расколот, а его безопасность обеспечивали огромные стратегические потенциалы двух сверхдержав.

Глобальное противостояние отодвигало на периферию международных отношений и повестки дня крайне острые экономические и социальные вопро-

сы. И как всякая война — «война холодная» оставила нам и «неразорвавшиеся снаряды», образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления.

Предлагавшийся же после «холодной войны» однополярный мир — тоже не состоялся.

История человечества, конечно, знает и периоды однополярного состояния и стремления к мировому господству. Чего только не было в истории человечества.

Однако что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно — это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения.

Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри.

И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия — это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства.

Кстати говоря, Россию, нас — постоянно учат демократии. Но те, кто нас учат, сами почему-то учиться не очень хотят.

Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном — мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее — сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации.

Вместе с тем все, что происходит сегодня в мире, и сейчас мы только начали дискутировать об этом — это следствие попыток внедрения именно этой кон-

цепции в мировые дела — концепции однополярного мира.

А какой результат?

Односторонние, нелегитимные часто действия не решили ни одной проблемы. Более того, они стали генератором новых человеческих трагедий и очагов напряженности. Судите сами: войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало. Господин Тельчик вот об этом очень мягко упомянул. И людей в этих конфликтах гибнет не меньше, а даже больше, чем раньше. Значительно больше — значительно больше!

Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах — военной силы — силы, ввергающей мир в пучину следующих один за одним конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение.

Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того — отдельные нормы, да, по сути — чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам. Ну, кому это понравится? Кому это понравится?

В международных делах все чаще встречается стремление решить тот или иной вопрос, исходя из так называемой политической целесообразности, основанной на текущей политической конъюнктуре.

И это, конечно, крайне опасно. И ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть — никто не чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной. Та-

кая политика является, конечно, катализатором гонки вооружений.

Доминирование фактора силы неизбежно подпитывает тягу ряда стран к обладанию оружием массового уничтожения. Больше того — появились принципиально новые угрозы, которые и раньше были известны, но сегодня приобретают глобальный характер, такие, как терроризм.

Убежден, мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности.

И здесь надо отталкиваться от поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения. Тем более сейчас, когда «международный ландшафт» столь ощутимо и столь быстро меняется — меняется за счет динамичного развития целого ряда государств и регионов.

Госпожа Федеральный канцлер упомянула уже об этом. Так, суммарный ВВП Индии и Китая по паритетной покупательной способности уже больше, чем у Соединенных Штатов Америки. А рассчитанный по тому же принципу ВВП государств группы БРИК — Бразилия, Россия, Индия и Китай — превосходит совокупный ВВП Евросоюза. И, по оценкам экспертов, в обозримой исторической перспективе этот разрыв будет только возрастать.

Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность.

В этой связи серьезно возрастает роль многосторонней дипломатии. Открытость, транспарентность и предсказуемость в политике безальтернативны, а применение силы должно быть действительно исключительной мерой так же, как и применение смертной казни в правовых системах некоторых государств.

Сегодня же мы, наоборот, наблюдаем ситуацию,

когда страны, в которых применение смертной казни запрещено даже в отношении убийц и других преступников — опасных преступников, несмотря на это такие страны легко идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными. А ведь в этих конфликтах гибнут люди — сотни, тысячи мирных людей!

Но в то же время возникает вопрос: разве мы должны безучастно и безвольно взирать на различные внутренние конфликты в отдельных странах, на действия авторитарных режимов, тиранов, на распространение оружия массового уничтожения? Именно по сути это и лежало в основе вопроса, который был задан Федеральному канцлеру нашим уважаемым коллегой господином Либерманом*. Ведь я правильно понял ваш вопрос (*обращаясь к Либерману*)? И, конечно, это вопрос серьезный! Можем ли мы безучастно смотреть на то, что происходит? Я попробую ответить на ваш вопрос тоже. Конечно, мы не должны смотреть безучастно. Конечно, нет.

Но есть ли у нас средства, чтобы противостоять этим угрозам? Конечно, есть. Достаточно вспомнить недавнюю историю. Ведь произошел же мирный переход к демократии в нашей стране? Ведь состоялась же мирная трансформация советского режима — мирная трансформация! И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия! Почему же сейчас, при каждом удобном случае нужно бомбить и стрелять? Неужели в условиях отсутствия угрозы взаимного уничтожения нам не хватает политической культуры, уважения к ценностям демократии и к праву.

* Джозеф Либерман — сенатор от демократической партии США, яркий представитель мощного израильского лобби в США, человек, известный своими тесными связями с беглыми российскими олигархами. — *Прим. ред.*

Убежден, единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН. И в этой связи я или не понял то, что было сказано совсем недавно нашим коллегой, министром обороны Италии, либо он выразился неточно. Я, во всяком случае, слышал, что легитимным применение силы может считаться только в том случае, если решение принято в НАТО, или в Евросоюзе, или в ООН. Если он действительно так считает, то у нас с ним разные точки зрения. Или я ослышался. Легитимным можно считать применение силы только, если решение принято на основе и в рамках ООН. И не надо подменять Организацию Объединенных Наций ни НАТО, ни Евросоюзом. И когда ООН будет реально объединять силы международного сообщества, которые действительно могут реагировать на события в отдельных странах, когда мы избавимся от пренебрежения международным правом, то ситуация может измениться. В противном случае ситуация будет заходить лишь в тупик и умножать количество тяжелых ошибок. При этом, конечно, нужно добиваться того, чтобы международное право имело универсальный характер и в понимании, и в применении норм.

И нельзя забывать, что демократический образ действий в политике обязательно предполагает дискуссию и кропотливую выработку решений.

Уважаемые дамы и господа!

Потенциальная опасность дестабилизации международных отношений связана и с очевидным застоем в области разоружения.

Россия выступает за возобновление диалога по этому важнейшему вопросу.

Важно сохранить устойчивость международно-правовой разоруженческой базы, при этом обеспечить преемственность процесса сокращения ядерных вооружений.

Мы договорились с Соединенными Штатами Америки о сокращении наших ядерных потенциалов на стратегических носителях до 1700—2200 ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 года. Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства. Надеемся, что и наши партнеры будут действовать также транспарентно и не будут откладывать на всякий случай, на «черный день» лишнюю пару сотен ядерных боезарядов. И, если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни «под подушкой», ни «под одеялом», я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать. Это было бы очень важным заявлением.

Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о нераспространении ядерного оружия и многостороннего режима контроля за ракетными технологиями. Принципы, заложенные в этих документах, носят универсальный характер.

В этой связи хотел бы вспомнить, что в 80-е годы СССР и Соединенные Штаты подписали Договор о ликвидации целого класса ракет средней и малой дальности, но универсального характера этому документу придано не было.

Сегодня такие ракеты уже имеет целый ряд стран: Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Индия, Иран, Пакистан, Израиль. Многие другие государства мира разрабатывают эти системы и планируют поставить их на вооружение. И только Соединенные Штаты Америки и Россия несут обязательства не создавать подобных систем вооружений.

Ясно, что в этих условиях мы вынуждены задуматься об обеспечении своей собственной безопасности.

Вместе с тем нельзя допустить появления новых дестабилизирующих высокотехнологичных видов ору-

жия. Я уже не говорю о мерах по предупреждению новых сфер конфронтации особенно в космосе. «Звездные войны», как известно, уже не фантастика, а реальность. Еще в середине 80-х годов [прошлого века] наши американские партнеры на практике провели перехват собственного спутника.

Милитаризация космоса, по мнению России, может спровоцировать непредсказуемые для мирового сообщества последствия — не меньшие, чем начало ядерной эры. И мы не раз выступали с инициативами, направленными на недопущение оружия в космос.

Сегодня хотел бы проинформировать вас о том, что нами подготовлен проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. В ближайшее время он будет направлен партнерам в качестве официального предложения. Давайте работать над этим вместе.

Нас также не могут не тревожить планы по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе. Кому нужен очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам.

Ракетного оружия, реально угрожающего Европе, с дальностью действия порядка 5—8 тысяч километров, нет ни у одной из так называемых «проблемных стран». И в обозримом будущем и обозримой перспективе — и не появится, и не предвидится даже. Да и гипотетический пуск, например, северокорейской ракеты по территории США через Западную Европу — это явно противоречит законам баллистики. Как говорят у нас в России, это все равно что «правой рукой дотягиваться до левого уха».

И, находясь здесь, в Германии, не могу не упомянуть и о кризисном состоянии Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан в 1999 году. Он

учитывал новую геополитическую реальность — ликвидацию Варшавского блока. С тех пор прошло семь лет, и только четыре государства ратифицировали этот документ, включая Российскую Федерацию.

Страны НАТО открыто заявили, что не ратифицируют Договор, включая положения о фланговых ограничениях (о размещении на флангах определенного количества вооруженных сил), до тех пор, пока Россия не выведет свои базы из Грузии и Молдавии. Из Грузии наши войска выводятся, причем даже в ускоренном порядке. Эти проблемы мы с нашими грузинскими коллегами решили, и это всем известно. В Молдавии остается группировка в полторы тысячи военнослужащих, которые выполняют миротворческие функции и охраняют склады с боеприпасами, оставшиеся со времен СССР. И мы с господином Соланой постоянно обсуждаем этот вопрос, он знает нашу позицию. Мы готовы и дальше работать по этому направлению.

Но что же происходит в это же самое время? А в это самое время в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой. Получается, что НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия.

Думаю, очевидно, — процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот — это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить — против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит. Но я позволю себе напомнить в этой аудитории, что бы-

ло сказано. Хотел бы привести цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: «Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности». Где эти гарантии?

Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на сувениры. Но нельзя забывать, что ее падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа — народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи.

Сейчас же нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены — пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы «разобрать» и «демонтировать» эти новые стены?

Уважаемые дамы и господа!

Мы однозначно выступаем и за укрепление режима нераспространения. Существующая международно-правовая база позволяет создавать технологии по выработке ядерного топлива для использования его в мирных целях. И многие страны с полным на то основанием хотят создавать собственную ядерную энергетику как основу их энергетической независимости. Но мы также понимаем, что эти технологии могут быть быстро трансформированы в получение оружейных материалов.

Это вызывает серьезное международное напряжение. Яркий тому пример — ситуация с иранской ядерной программой. Если международное сообщество не выработает разумного решения этого конфликта интересов, мир и дальше будут потрясать подобные дестабилизирующие кризисы, потому что пороговых

стран больше, чем Иран, и мы с вами об этом знаем. Мы будем постоянно сталкиваться с угрозой распространения оружия массового уничтожения.

В прошлом году Россия выступила с инициативой создания многонациональных центров по обогащению урана. Мы открыты к тому, чтобы подобные центры создавались не только в России, но и в других странах, где на легитимной основе существует мирная ядерная энергетика. Государства, желающие развивать атомную энергетику, могли бы гарантированно получать топливо через непосредственное участие в работе этих центров, конечно же, под строгим контролем МАГАТЭ.

С российским предложением созвучны и последние инициативы президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша. Считаю, что Россия и США объективно и в одинаковой степени заинтересованы в ужесточении режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Именно наши страны, являющиеся лидерами по ядерному и ракетному потенциалу, должны стать и лидерами в разработке новых, более жестких мер в сфере нераспространения. Россия готова к такой работе. Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями.

В целом речь должна идти о создании целой системы политических рычагов и экономических стимулов — стимулов, при которых государства были бы заинтересованы не создавать собственные мощности ядерного топливного цикла, но имели бы возможность развивать атомную энергетику, укрепляя свой энергетический потенциал.

В этой связи подробнее остановлюсь на международном энергетическом сотрудничестве. Госпожа Федеральный канцлер тоже об этом коротко, но упомянула, затронула эту тему. В энергетической сфере Россия ориентируется на создание единых для всех

рыночных принципов и прозрачных условий. Очевидно, что цена на энергоносители должна определяться рынком, а не являться предметом политических спекуляций, экономического давления или шантажа.

Мы открыты для сотрудничества. Зарубежные компании участвуют в наших крупнейших энергетических проектах. По различным оценкам, до 26% добычи нефти в России, — вот вдумайтесь в эту цифру, пожалуйста, — до 26% добычи нефти в России приходится на иностранный капитал. Попробуйте, попробуйте привести мне пример подобного широкого присутствия российского бизнеса в ключевых отраслях экономики западных государств. Нет таких примеров! Таких примеров нет.

Напомню также о соотношении инвестиций, поступающих в Россию и идущих из России в другие страны мира. Соотношение — примерно пятнадцать к одному. Вот вам зримый пример открытости и стабильности российской экономики.

Экономическая безопасность — это сфера, где всем следует придерживаться единых принципов. Мы готовы честно конкурировать.

Для этого у российской экономики появляется все больше возможностей. Такую динамику объективно оценивают эксперты и наши зарубежные партнеры. Так, недавно был повышен рейтинг России в ОЭСР*: из четвертой группы риска наша страна перешла в третью. И хотел бы, пользуясь случаем, здесь, сегодня в Мюнхене, поблагодарить наших германских коллег за содействие в принятии вышеназванного решения.

Далее. Как вы знаете, процесс присоединения России к ВТО вышел на финальную стадию. Отмечу, что в ходе долгих, непростых переговоров мы не раз

* Организация экономического сотрудничества и развития. — *Прим. ред.*

слышали слова о свободе слова, о свободе торговли, о равных возможностях, но, почему-то исключительно — применительно к нашему, российскому рынку.

И еще одна важная тема, прямо влияющая на глобальную безопасность. Сегодня много говорят о борьбе с бедностью. Что здесь происходит на самом деле? С одной стороны, на программы помощи беднейшим странам выделяются финансовые ресурсы — и подчас не маленькие финансовые ресурсы. Но по честному, и об этом здесь многие тоже знают, зачастую — под «освоение» компаниями самих же стран-доноров. Но в то же время, с другой стороны, в развитых странах сохраняются субсидии в сельском хозяйстве, ограничивается для других доступ к высоким технологиям.

И давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой — не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль. Возникающее социальное напряжение в таких депрессивных регионах неизбежно выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм и локальные конфликты. А если все это вдобавок происходит, скажем, на Ближнем Востоке, в условиях обостренного восприятия внешнего мира как несправедливого, то возникает риск для глобальной дестабилизации.

Очевидно, что ведущие страны мира должны видеть эту угрозу. И, соответственно, выстраивать более демократическую, справедливую систему экономических отношений в мире — систему, дающую всем шанс и возможность для развития.

Выступая на конференции по безопасности, уважаемые дамы и господа, нельзя обойти молчанием и деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Как известно, она была создана, чтобы рассматривать все, — я подчеркну это, —

все, все аспекты безопасности: военно-политические, экономические, гуманитарные, причем в их взаимосвязи.

Сегодня что мы видим на практике? Мы видим, что этот баланс явно нарушен. ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран. И под эту задачу «скроили» и бюрократический аппарат ОБСЕ, который абсолютно никак не связан с государствами-учредителями. «Скроили» под эту задачу процедуры принятия решений и использования так называемых «неправительственных организаций». Формально, да, независимых, но целенаправленно финансируемых, а значит — подконтрольных.

Согласно основополагающим документам, в гуманитарной сфере ОБСЕ призвана оказывать странам-членам, по их просьбе, содействие в соблюдении международных норм в области прав человека. Это важная задача. Мы ее поддерживаем. Но вовсе это не означает вмешательство во внутренние дела других стран, тем более — навязывания этим государствам того, как они должны жить и развиваться.

Очевидно, что такое вмешательство отнюдь не способствует вызреванию подлинно демократических государств. И наоборот, делает их зависимыми, и как следствие — нестабильными в политическом и экономическом плане.

Мы рассчитываем на то, что ОБСЕ будет руководствоваться своими непосредственными задачами и выстраивать отношения с суверенными государствами на основе уважения, доверия и транспарентности.

Уважаемые дамы и господа!

В заключение хотел бы отметить следующее. Мы очень часто, и я лично очень часто слышу призывы к России со стороны наших партнеров, в том числе и

со стороны европейских партнеров, играть более и более активную роль в мировых делах.

В этой связи позволю себе сделать одну маленькую ремарку. Вряд ли нас нужно подталкивать и стимулировать к этому. Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику.

Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня. Вместе с тем мы хорошо видим, как изменился мир, реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал. И, конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнерами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание не для избранных, а для всех.

Благодарю за внимание.

Х. ТЕЛЬЧИК: Сердечное спасибо за ваше важное выступление. Прозвучали новые темы, в том числе вопрос о глобальной архитектуре, который в последние годы не был на переднем плане; разоружение, контроль над вооружениями, вопрос отношений Североатлантического альянса и России, сотрудничество в области технологий.

Есть еще целый ряд вопросов, и господин президент готов ответить.

ВОПРОС: Многоуважаемый господин президент, спасибо за ваше выступление. Хотел бы подчеркнуть, что в германском Бундестаге мы убеждены, насколько важна Россия в качестве партнера Европы и важна роль, которую вы играете. Об этом сказала и Федеральный канцлер в своем выступлении.

Я хотел бы, исходя из своего опыта, коснуться двух пунктов вашего выступления. Это, во-первых, оценка НАТО, его расширения, которое вы считаете

опасным для России. Вы признаете, что расширение — это фактически не расширение, а самоопределение демократических государств, которые захотели пойти таким путем? И что НАТО затрудняется принимать государства, которые не изъявляют такой готовности? Вы могли бы признаться в том, что за счет расширения НАТО восточные границы стали более надежны, безопасны. Почему вы боитесь демократии? Я убежден, что только демократические государства могут стать членами НАТО. Это стабилизирует соседей.

К вопросу о том, что происходит внутри Вашей страны. Убили Анну Политковскую, это символ. Можно сказать, это касается многих журналистов, страхи всякие, закон о неправительственных организациях — это вызывает тревогу.

ВОПРОС: Я хорошо понимаю ваше замечание о нераспространении. Особенно в конце «холодной войны» мы видели сокращение размещения ядерного оружия, но видели также и рост терроризма. Ядерные материалы должны быть серьезно защищены от террористов.

ВОПРОС: Коснусь вопроса, который был задан и Федеральному канцлеру. Что будет дальше в Косово и в Сербии? Как вы оцениваете М. Ахтисаари*? Какое влияние окажет Россия на решение этой проблемы?

ВОПРОС: Вы можете прокомментировать опыт, который сложился у российских военнослужащих в Чечне? О вашем примечании по энергетике: вы изложили вкратце, что касается рыночной роли энергии в политике. Европейский союз заинтересован в том, чтобы добиться заключения партнерского соглашения, чтобы были зафиксированы принципы в области полити-

* Маарти Ахтисаари — президент Финляндии с 1994 года. —
Прим. ред.

ки. Вы готовы обеспечить надежность поставок ресурсов и включить в состав этого соглашения?

ВОПРОС: Господин президент, вы выступили с искренними, откровенными замечаниями. Надеюсь, вы поймете мой откровенный и прямой вопрос. В 90-е годы российские эксперты активно помогали Ирану в разработке ракетных технологий. Иран сейчас имеет продвинутые ракеты среднего и дальнего радиуса действия, что позволяет ему нанести удар по России и по части Европы. Они также работают над тем, чтобы поместить на эти ракеты ядерные боеголовки. Ваша страна предприняла усилия по переговорам с Ираном по этому вопросу и поддержала резолюцию СБ ООН, чтобы не дать Ирану проводить такую политику.

Мой вопрос заключается в следующем: какие усилия предпримет Россия — через ООН или иным образом — для того, чтобы прекратить эти очень серьезные события в Иране?

ВОПРОС: Я уверен, что историки не напишут в один прекрасный день, что во время нашей конференции была объявлена вторая «холодная война». Но могли бы. Вы говорили, что нужно и оказывать давление на Иран, и давать положительные импульсы. Не правда ли, что Россия препятствует сильному давлению в виде санкций, и, во-вторых, что касается поставок оружия туда, — это их подбадривает, тем более что оружие это оказалось в Ливане и в секторе Газа. Как вы можете это прокомментировать?

ВОПРОС: Я понимаю вашу искренность и надеюсь, что вы согласитесь с нашей искренностью. Во-первых, контроль над вооружениями. Кому нужна гонка вооружений? Я хочу указать, что США не разрабатывают новое стратегическое оружие уже более двух десятилетий, а вы недавно испытали «Тополь-М», который уже размещен в шахтах и на мобильных установках. Вы критиковали США за односторонние дей-

ствия и дважды сказали, что военные действия могут быть законными, только если они одобрены ООН. США ведут боевые действия в Ираке и Афганистане по решению ООН, а в Косово сегодня большинство поддерживает миротворческую операцию в этой стране.

Мой вопрос такой: говорите ли вы сейчас, что, независимо от того, как Россия рассматривает угрозу своим международным интересам, она не будет предпринимать боевые действия без одобрения ООН?

ВОПРОС: Вы говорили об опасности однополярного мира, когда один суверен принимает решение без консультации с другими. В России, по мнению многих, мы видим все более однополярное правительство, где конкурирующие центры влияния вынуждены следовать партийной линии, будь то Госдума, руководство в регионах, СМИ, бизнес-сообщество, НПО. Будет ли однополярное правительство такого рода надежным партнером, когда речь идет об энергетической безопасности?

В. ПУТИН: Прежде всего хочу вас поблагодарить за эти вопросы. Очень интересно. Жалко, что у нас мало времени, я с удовольствием бы с каждым из вас провел отдельную дискуссию. Я это люблю, мне нравится.

Начну с последнего вопроса по поводу однополярности российского правительства. В российском парламенте сегодня представлены Коммунистическая партия Российской Федерации, партия «Единая Россия», Либерально-демократическая партия, представлены другие политические силы, которые принципиально, по своим основополагающим взглядам, отличаются друг от друга. Если вам это не известно, побеседуйте с руководством Коммунистической партии Российской Федерации, а потом с лидером наших либеральных демократов господином Жиринов-

ским. И вы сразу же увидите разницу. Если вам сейчас не видно, побеседуйте с ними. Здесь нет никаких проблем — приехать в Москву и поговорить.

Что касается того, как мы в будущем планируем это делать. Мы бы хотели, чтобы у нас была зрелая политическая система, чтобы у нас была многопартийная система с ответственными политиками, которые могут прогнозировать развитие страны и ответственно действовать не только в период выборов и после них, а и на длительную историческую перспективу. Вот будем к этому стремиться. Но эта система, конечно же, будет многопартийной. Все наши действия внутри страны, в том числе касающиеся изменения порядка избрания в Государственную Думу, в парламент России, направлены именно на укрепление многопартийной системы в стране.

Теперь о том, в состоянии ли наше правительство действовать ответственно при решении проблем энергетических поставок и по обеспечению энергетической безопасности. Конечно, да! Более того, все, что мы делали до сих пор и делаем сейчас, направлено на достижение только одной цели: перевести наши отношения с потребителями и с транзитерами наших углеводородов на рыночные, прозрачные принципы и — в долгосрочные контракты.

Напомню вам, и здесь напротив меня сидит мой коллега, Президент Украины, он это знает так же, как и я: до прошлого года, пока мы с ним в трудной дискуссии не приняли соответствующих решений, поставки наших энергоносителей, прежде всего газа в Европу, в течение 15 лет зависели от того, договорятся ли Украина и Россия между собой по условиям и по ценам поставок нашего газа в саму Украину, а если не договорятся — все, европейские потребители сидели бы без газа. Такая ситуация вас устраивает? Думаю, нет. И несмотря на все скандалы там и прочее, защиту интересов, борьбу мнений и так далее,

мы смогли договориться с Президентом Ющенко. Я считаю, что он принял ответственное, исключительно правильное, абсолютно рыночное решение: мы подписали контракты отдельно на поставку в Украину нашего газа и отдельно — на транзит в Европу на пять лет вперед. Спасибо нам нужно сказать — и нам, и Украине, за это решение. И за ваш вопрос спасибо, вопрос — хороший.

Лучше бы я отвечал сразу же на ваши вопросы. Наша оценка расширения НАТО на Восток. Я уже говорил о гарантиях, которые нам давали и которые сегодня не соблюдаются. Вы разве считаете это нормальным в международных делах? Но бог с ними, с этими гарантиями. Что касается демократии и расширения НАТО. НАТО — это не универсальная организация в отличие от Организации Объединенных Наций. Это прежде всего военно-политический блок — военно-политический! И, конечно, обеспечение собственной безопасности — это прерогатива любого суверенного государства. Мы с этим и не спорим. Пожалуйста, мы против этого не возражаем. Но почему обязательно нужно выдвигать военную инфраструктуру к нашим границам при расширении? Вот на это нам может кто-нибудь ответить? Разве расширение военной инфраструктуры связано с преодолением сегодняшних глобальных угроз? Допустим, если мы будем говорить о главной из них сегодня — главной и для нас, и для США, и для Европы: что это за угроза — это терроризм и борьба с ним.

Нужна Россия в борьбе с терроризмом? Конечно! Нужна ли Индия в борьбе с терроризмом? Конечно! Но нас нет в НАТО, и других стран нет. А вот работать по этой проблематике мы можем эффективно, только объединяя усилия. Так что расширение тем более военной инфраструктуры и приближение ее к нашим границам и демократический выбор отдельных госу-

дарств между собой никак не связаны. И я бы попросил эти два понятия не путать.

Знаете, я так «накарябал» здесь, что уже сам не разберу, что я записал. Я тогда отвечу на то, что сам могу прочитать, а если я на что-то не отвечу, вы напомните мне свои вопросы.

Что будет с Косово, с Сербией? Это могут знать только косовары и сербы. И давайте не будем за них решать, как они устроят свою жизнь. Не нужно корчить из себя Господа Бога и решать за все народы все их проблемы. Мы с вами можем только создать условия и помочь людям разобраться в своих проблемах — создать условия, выступить гарантами определенных договоренностей. Но не нужно навязывать им эти договоренности. Иначе мы загоним ситуацию в тупик. Если кто-то из участников этого весьма сложного процесса между этими народами почувствует себя оскорбленным, униженным, это будет тянуться веками. Мы только загоним проблему в тупик.

И в чем заключается наша позиция? Наша позиция заключается в том, что мы будем придерживаться именно этого принципа. И если мы увидим, что одна из сторон явно не удовлетворена предлагаемыми способами разрешения ситуации, мы такое решение поддерживать не будем.

Я не очень понял, что вы имели в виду, когда спросили об опыте наших военных в Чечне. Опыт малоприятный, но большой. Если вас интересует в целом ситуация в Чечне, то могу вам сказать, что сейчас там избран парламент, избран президент, действует правительство. Все органы власти и управления сформированы. Привлечены к работе в республике практически все политические силы Чечни. Для примера могу сказать, что членом парламента, допустим, там, в Чечне, является сейчас бывший министр обороны правительства А. Масхадова. И мы провели целую серию решений, которые позволили бывшим боевикам вер-

нуться не только к нормальной, но даже и к политической жизни в республике. Так что мы предпочитаем сегодня действовать там экономическими и политическими средствами, передав практически, почти на сто процентов, обеспечение безопасности в руки самого чеченского народа. Потому что органы правопорядка, которые там сформированы, почти на сто процентов состоят из местных граждан, из тех, кто проживает в Чечне постоянно, — из чеченцев.

Что касается Ливана, тоже не очень понял, что вы имеете в виду, но да, как подтверждение того, что известная ситуация сложилась таким образом, как я ее сейчас нарисовал, об этом говорит также направление нами в Ливан наших военных строителей для восстановления мостов и инфраструктуры, разрушенной в ходе конфликта с Израилем. И этих строителей охраняли подразделения, полностью укомплектованные военнотружущими из Чечни и чеченцами по национальности. Мы исходили из того, что наши военнотружущие должны будут работать в районах, которые населены мусульманами, и если контингент, который охраняет наших военных, будет укомплектован тоже мусульманами — хуже от этого не будет. И мы не ошиблись. Действительно, местное население очень тепло встречало наших военных строителей.

Теперь по соглашению в области энергетики с Евросоюзом, так я понял вопрос? Мы уже многократно говорили, что мы не против того, чтобы согласовать принципы наших отношений с Евросоюзом в сфере энергетики. Более того, те принципы, которые заложены в Хартии, в общем и целом приемлемы. Но сама Хартия нас не очень устраивает. Потому что она не только нами, она и нашими европейскими партнерами не выполняется. Достаточно вспомнить закрытый до сих пор для нас рынок ядерных материалов. Его же нам никто не открыл.

Есть и другие моменты, на которых я просто сей-

час не хочу заострять внимание, но принципы сами по себе — они уже используются нами в том числе и в работе с немецкими компаниями. Я напомним о той сделке, которая состоялась между «Газпромом» и компанией «БАСФ». Это, по сути, обмен активами. Мы и дальше готовы так действовать. Мы готовы. Но в каждом конкретном случае мы должны понять: что мы отдаем, что отдают наши партнеры, посчитать, сделать независимую экспертную международную оценку и принять решение. Мы к этой работе готовы. Мы то же самое совсем недавно сделали и с итальянскими партнерами, с компанией «ЭНИ». Не только подписали с ними соглашение о поставках до 2035 года, по-моему, но еще там речь идет и об обмене активами. Вот сейчас мы то же самое, такой же вариант сотрудничества, изучаем и с нашими украинскими друзьями. Этот процесс идет.

А стоит ли «заводить» эти принципы под крышу возможного будущего основополагающего акта между Россией и Евросоюзом — по-разному можно посмотреть. Но я считаю, что не стоит, потому что, кроме энергетики, в наших взаимоотношениях с Евросоюзом есть и другие сферы сотрудничества: и сельское хозяйство есть, есть высокие технологии, есть транспорт. И все очень остро, очень интересно. Мы же не можем все подряд завести в основополагающий акт, который должен быть рамочным документом. Или вы хотите, чтобы мы занесли туда только то, что вам нужно, а то, что нам нужно, вынесли за рамки? Давайте мы будем все-таки по-честному друг с другом дискутировать и принимать взаимовыгодные решения.

«В 90-е годы Россия оказывала Ирану помощь в создании ракетной техники». По-моему, вот вы задали мне этот вопрос. «Сегодня иранцы хотят оснастить эти ракеты ядерными боеголовками, имеют ракеты,

которые могут достичь Европы. Что Россия будет делать по иранской ядерной программе?» Так?

Ну, во-первых, у меня нет сведений, что Россия в 90-е годы оказывала Ирану помощь в создании их собственных ракетных технологий. Там активно очень действовали другие страны. В том числе технологии шли по разным каналам. И у нас есть свидетельства тому. Я в свое время передавал их напрямую президенту Соединенных Штатов. И из Европы идут технологии, и из азиатских стран.

Так что Россия здесь ни при чем. Уверяю вас. Меньше всего здесь замешана Россия. Меньше всего. Если вообще хоть как-нибудь замешана. Я в это время работал еще в Петербурге, но мы не занимались этим. Могу вас уверить. Но, наверное, там, знаете, на уровне бизнеса что-то могло происходить. У нас обучали специалистов в институтах и так далее. И мы по просьбе, по информации наших американских партнеров на это жестко отреагировали. Сразу же и жестко. Но вот реакции от других наших партнеров, в том числе из Европы, мы такой не заметили. Более того, я не знаю, известно вам или нет, должно быть известно: из Соединенных Штатов до сих пор поступает военная техника и специальное оборудование. До сих пор. До сих пор поступают из наличия в вооруженных силах, из Пентагона, запчасти к самолетам «F-14». В Соединенных Штатах даже по этому поводу проводится, насколько мне известно, расследование. Несмотря на то, что расследование идет, с границы эти запчасти забрали, вернули назад и через некоторое время опять, по имеющимся у меня сведениям, — если они не точны, проверьте их, — опять на границе задержали те же самые грузы. Даже с пометкой «вещественное доказательство».

Знаете, этот поток действительно трудновато остановить. Нужно действовать совместно.

По поводу того, что у Ирана есть ракеты, которые

угрожают Европе. Вы ошибаетесь. Сегодня у Ирана — вот здесь есть господин Гейтс, который наверняка знает эту информацию точнее, чем я, и наш министр обороны — у Ирана сегодня есть ракеты с дальностью 2000 километров.

С. ИВАНОВ: 1600—1700 километров.

В. ПУТИН: 1600—1700 километров. Всего. Ну посчитайте, сколько километров от границы Ирана до Мюнхена. Нет у Ирана таких ракет. Они только планируют разработать на 2400. И то неизвестно, смогут ли они это сделать технологически. А вот уже 4, 5, 6 тысяч километров — я думаю, что для этого нужна просто другая экономика даже. Так что это маловероятно вообще. И Иран Европе не угрожает. Что касается того, что они собираются разместить ядерные заряды — у нас нет таких сведений, ядерные боеголовки поставить — у нас таких сведений нет.

Вот Северная Корея произвела испытания ядерного взрывного устройства. Иранцы нам все время говорят, что их ядерная программа носит мирный характер. Но я с вами согласен, согласен в том, что у международного сообщества есть озабоченности по поводу характера и качества ядерных программ Ирана. И господин Эль-Барадей недавно сформулировал эти озабоченности, по-моему, в шести или семи пунктах. И здесь я с вами солидарен. И мне непонятно, почему иранская сторона до сих пор не отреагировала позитивным и конструктивным образом на эти озабоченности и предложения Эль-Баратея — снять эти озабоченности. Мне это тоже непонятно — так же, как и вам.

Что мы будем делать? Я думаю, что вместе мы должны набраться терпения и аккуратно работать. Да, правильно, создавая и стимулы, и показывая иранскому руководству, что сотрудничество с международным сообществом гораздо лучше, чем конфронтация.

Да, опять вот по поставкам оружия в Иран. Вы знаете, разговоров больше, чем этих поставок. У нас ВТС, военно-техническое сотрудничество с Ираном минимальное. Просто минимальное. Там оно исчисляется я не знаю какими цифрами. Вообще мы в регион Ближнего Востока в разы поставляем вооружения меньше, чем другие страны, и в том числе Соединенные Штаты. Просто в разы — никакого сравнения нет. Мы поставили туда системы противовоздушной обороны недавно, — это действительно так, — среднего радиуса действия — от 30 до 50 километров примерно. Это правда. Зачем мы это сделали? Я могу объяснить. Мы сделали это для того, чтобы Иран не чувствовал себя загнанным в угол. Не чувствовал, что он находится в каком-то враждебном окружении, и понимал, что у него есть канал для общения, понимал, что у него есть друзья, которым можно доверять. Мы очень рассчитываем на то, что и иранская сторона поймет и услышит наши сигналы.

По поводу нашего оружия в Ливане и в секторе Газа. В секторе Газа я вообще не слышал о том, что присутствует наше оружие. Я не видел такого. Ну автомат Калашникова — вообще автомат самой распространенной системы стрелкового оружия в мире. Он, наверное, везде есть. Наверное, и в Германии на вооружении стоят еще автоматы Калашникова, во всяком случае, еще не уничтожены, — сто процентов.

В Ливане да. Там действительно были замечены ящики из-под наших противотанковых систем. Это правда. Мне об этом наши израильские партнеры сразу же сообщили. Мы провели тщательное расследование того, что там происходило. И установили, что эти системы остались на территории Ливана после того, как с него ушла сирийская армия. Мы провели соответствующую работу с сирийскими партнерами и обусловили наше дальнейшее сотрудничество в области военно-технического взаимодействия с Си-

рией необходимыми условиями, которые исключили бы возможность попадания оружия в чьи бы то ни было руки, кроме тех, для кого оно предназначено. Такая система выработана. В том числе мы договорились о системе возможных инспекций на складах в любое удобное для российских специалистов время. На складах после поставок наших систем в Сирию.

«США не разрабатывают стратегическое оружие, а Россия разрабатывает. Не будет ли Россия применять силу без санкций ООН в будущем? Россия разрабатывает системы стратегического оружия».

Прекрасный вопрос, замечательный! Я вам очень за него благодарен. Это дает мне возможность показать суть происходящих событий. Ведь чему мы за последние десятилетия обязаны, если мы говорим о том, что противостояние было, а большой войны все-таки не произошло в период противостояния двух сверхдержав и двух систем? Мы обязаны балансу сил между двумя этими самыми супердержавами. Был баланс и страх взаимного уничтожения. И одна сторона боялась шаг ступить лишний без того, чтобы не посоветоваться с другой в последнее время. И это был хрупкий мир, конечно, и страшноватый. Но он был достаточно надежным, как выясняется сегодня. Сегодня он, оказывается, и не такой уж надежный.

Да, Соединенные Штаты не разрабатывают якобы наступательного оружия. Во всяком случае, общественности об этом не известно. Хотя наверняка разрабатывают. Но мы даже сейчас спрашивать об этом не будем. Мы знаем, что разработки идут. Но сделаем вид, что мы об этом не знаем: не разрабатывают. Но что мы знаем? Это то, что в Соединенных Штатах активно разрабатывается и уже внедряется система противоракетной обороны. Да, сегодня она неэффективна, и мы точно не знаем, будет ли она вообще когда-нибудь эффективной. Но теоретически она ведь для этого и создается. Значит, опять же гипотетиче-

ски мы исходим из того, что когда-то наступит момент, когда возможная угроза со стороны наших ядерных сил будет полностью нейтрализована. Сегодняшних ядерных сил России. А если это так, то это означает, что баланс будет абсолютно нарушен и что у одной из сторон возникнет ощущение полной безопасности, а значит, это развязывает ей руки не только в локальных, а возможно, уже и в глобальных конфликтах.

Мы же с вами сейчас дискутируем. Я не хочу никого подозревать в какой-то агрессивности. Но система отношений — это так же, как математика. Она не имеет личного измерения. И мы должны, конечно, на это реагировать. Как? Или так же, как вы, и строить многомиллиардную противоракетную систему, систему противоракетной обороны, либо, имея в виду наши сегодняшние возможности — экономические, финансовые — ответить асимметрично. Чтобы все поняли, что да, система противоракетной обороны есть, но она в отношении России бессмысленна, потому что у нас есть такое оружие, которое ее легко преодолевает. Вот мы по этому пути и пойдем. Это дешевле для нас. Но это никак не направлено против самих Соединенных Штатов.

Я полностью согласен, если вы говорите, что система ПРО не направлена против нас, то и наше новое оружие не направлено против вас. И я полностью здесь согласен с моим коллегой и другом — я, знаете, не побоюсь этого слова, при всех разногласиях я считаю Президента Соединенных Штатов своим другом. Он порядочный человек, я знаю, что на него там всех собак сегодня могут повесить в Соединенных Штатах за все, что делается и на международной арене, и внутри. Но я знаю, что это порядочный человек и с ним можно разговаривать и договариваться. Ну так вот, мы когда с ним говорим, он говорит: «Я исхожу из того, что Россия и США никогда уже не

будут противниками и врагами». Я с ним согласен. Но повторяю еще раз: вот эта симметрия и асимметрия — здесь нет ничего личного. Это просто расчет.

Теперь по поводу того, будет ли Россия применять военную силу без санкций ООН. Мы будем действовать всегда строго в рамках международного права. Мое базовое образование все-таки юридическое, и я позволю себе напомнить, — и себе, и моим коллегам, — что в соответствии с Уставом ООН в случае проведения миротворческих операций нужны санкции Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН. В случае проведения миротворческих операций. Но в Уставе ООН есть и статья о праве на самооборону. И здесь никаких санкций уже не нужно.

Так. Что я забыл?

ВОПРОС: В моем вопросе речь шла о многополярности в самой России как таковой и о том, что касается отношения международного сообщества в отношении России, если она не соблюдает эти принципы: убийства журналистов, страхи, боязнь, отсутствие свободы, неправительственные организации.

В. ПУТИН: Я два слова скажу. Там был другой какой-то вопрос, на этот я в принципе уже отвечал, когда говорил о составе российского парламента. Посмотрите, кто там представлен и какие политические взгляды у тех людей, которые занимают лидирующие позиции в парламенте, легитимные партии. Что касается неправительственных организаций, то они активно работают в России. Да, мы ввели новую систему их регистрации. Она мало чем отличается от систем регистрации в других странах. И никаких замечаний от самих неправительственных организаций мы пока не видели. Мы практически никому не отказали в регистрации. Там есть два-три случая по чисто формальным условиям, и эти неправительственные организации работают над тем, чтобы исправить какие-то положения устава и так далее. По субстантивным,

сущностным вопросам никому не отказано. Все самым активным образом трудятся и будут трудиться дальше.

Что нас беспокоит? Я могу сказать и думаю, что это понятно для всех: вот когда эти неправительственные организации финансируются по сути иностранными правительствами, то мы рассматриваем это как инструмент иностранных государств в проведении политики в отношении нашей страны. Это первое. И второе. Во всех странах существуют определенные правила финансирования, скажем, избирательных кампаний. Через неправительственные организации идет финансирование от правительственных источников других стран, в том числе и в рамках правительственных кампаний. Ну куда это годится? Это что, нормальная демократия, что ли? Это скрытое финансирование. Скрытое от общества. Чего же здесь демократичного? Можете вы мне сказать? Нет! Не можете. И не скажете никогда. Потому что это не демократия, а просто влияние одного государства на другое.

Но мы заинтересованы в том, чтобы развивалось гражданское общество в самой России, чтобы оно ругало власти, критиковало, помогало власти определять свои собственные ошибки, корректировать свою политику в интересах людей. В этом мы, безусловно, заинтересованы, и мы будем поддерживать гражданское общество и неправительственные организации.

Что касается страхов там и так далее. Знаете, у нас меньше страхов сегодня, чем во многих других странах. Потому что за последние годы мы кардинально изменили ситуацию в сфере экономики и благосостояния граждан. У нас еще очень много проблем. И у нас очень много нерешенных проблем. В том числе проблем, связанных с бедностью. И вот я вам скажу, что страхи-то в основном исходят отсюда.

Что касается журналистов, то да, это большая,

сложная проблема. И журналисты гибнут не только, кстати говоря, у нас, в России, но и в других странах. Больше всего журналистов погибло где? Вы же специалист, можете, наверное, сказать, в какой стране больше всего погибло журналистов за последние, скажем, год-полтора? В Ираке больше всего погибло журналистов.

Что касается трагедий в нашей стране, мы, безусловно, будем самым тщательным образом бороться с этими явлениями и жестко карать всех преступников, которые пытаются подрвать и доверие к России и расшатать нашу политическую систему.

Спасибо вам за внимание.

Часть II

РОССИЯ
В ОКРУЖЕНИИ
ХИЩНИКОВ

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ СПОРНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В АГРЕССИВНЫХ ПЛАНАХ СОСЕДЕЙ РОССИИ

Предисловие

Специалисты Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (SIPRI) собрали данные о 450 войнах за период после 1945 года. Причины этих вооруженных конфликтов, в которых участвовали две и более стран, различны. Но все же одной из главных причин вооруженного противоборства становились именно территориальные и пограничные споры. Во всяком случае, большинство войн последних десятилетий XX века начинались как раз из-за этого. Приведем их список:

— 1980—1988 годы: война за спорную территорию между Ираном и Ираком;

— 1982 год: война за Фолклендские (Мальвинские) острова между Великобританией и Аргентиной;

— 1985 год: вооруженные столкновения на границе Буркина-Фасо и Мали (Западная Африка);

— 1987 год: вооруженный пограничный конфликт между Угандой и Кенией (Восточная Африка);

— 1988 год: конфликт между Арменией и Азербайджаном, переросший в войну за территорию Нагорного Карабаха;

— 1989 год: начало грузино-абхазского и ингушско-североосетинского территориальных споров, приведших к войнам;

— 1990—1991 годы: война в Персидском заливе («Буря в пустыне») после захвата Ираком Кувейта. По мнению тогдашнего иракского руководства, территория Кувейта издревле принадлежала Ираку;

— 1991—1995 годы: распад СФРЮ и война за спорные территории между боснийскими сербами, боснийскими мусульманами и хорватами;

— 1992 год: конфликт между Приднестровской республикой и Молдавией, ставший причиной вооруженной попытки молдаван оккупировать территорию Приднестровья;

— 1995 год: вооруженный пограничный конфликт между Перу и Эквадором.

— 1999 год: активизация вялотекущего территориального конфликта между албанцами и сербами в историческом сербском крае Косово в Югославии, завершившегося агрессией НАТО против Югославии.

В начале XXI века одни из этих человеческих трагедий уже отошли в прошлое. Другие, к примеру, армяно-азербайджанская или грузино-абхазская войны находятся в состоянии «летаргии». Но тем временем в мире появились новые зоны нестабильности, связанные с территориальным вопросом.

В центре Европы такой зоной стали приграничные области Судеты и Шумава, откуда в 1945—1946 годах, в соответствии с декретом тогдашнего чехословацкого лидера Э. Бенеша, были изгнаны 3 млн. немецких граждан. Долгое время эта проблема была интересна разве что «Союзу судетских немцев». Однако несколько лет назад ситуация коренным образом изменилась — идея возвращения в Судеты и Шумаву приобретает в Германии все больше и больше сторонников. В свою очередь каждый четвертый чех сегодня боится Германии.

Но особенно много конфликтных зон имеется на просторах бывшего Советского Союза. И это не случайно, поскольку слишком драматичная история выпала на долю нашей страны в XX веке, слишком большая территория досталась России в наследство от СССР и слишком злопамятные и непорядочные крохоборы обитают в соседних странах. Так, Япония тре-

бует от России возврата Южных Курил, Финляндия мечтает о Карельском перешейке и Карелии, Германия активно пропагандирует идею, связанную с возвратом Калининграда, и даже Эстония (подумать только — Эстония!) «раскатала губищи» на русские земли.

В общем следует констатировать тот факт, что конец XX — начало XXI веков отмечены «сезоном моды» на территориальный вопрос. Причем конфликтные ситуации возможны для любого региона мира, а развитие конфликта бывает порой столь стремительно и внезапно, что в одночасье ставит страны на грань применения силы, так, как это случилось, к примеру, в январе 1996 года между Грецией и Турцией в споре за необитаемый, каменистый островок Имиа в Эгейском море.

Необходимо также признать, что в отношении территориальных притязаний корыстных соседей в России образовался определенный информационный вакуум. С одной стороны, эта тема не сходит с газетных страниц и информационных сообщений электронных СМИ. Однако с другой — российское общество не имеет в достаточной полноте сведений по истории этих проблем. Средства массовой информации (за редким исключением) не ставят своей целью непредвзято и аргументированно изложить историю спора, а доступная литература по этому вопросу практически отсутствует. Так, недавно изданная книга «Русские Курилы: история и современность» представляет собой скучный сборник документов. Кто его станет читать?

Важно не забывать, что в территориальных спорах наша страна, по выражению историка В. Перепеченко, находится в позиции обороняющейся стороны. Тогда как крохоборы, выдвигающие нам территориальные претензии, ведут себя чрезвычайно агрессивно и нагло. Это проявляется не только в demonstra-

тивных заявлениях и выходках отдельных деятелей из соседних стран, но и в том, что в самой России «пятая колонна» настырно публикует на русском языке статьи и книги, излагающие взгляды и аргументы в пользу претендентов на русскую землю.

Готовя данное издание, мы ставили перед собой три задачи. Во-первых, доступным языком изложить правдивую историю спорных территорий. Во-вторых, разоблачить ложь представителей «пятой колонны», готовых за иностранные подачки продать родную мать. И, в-третьих, хорошенько дать по длинным рукам охотникам до русской земли, которых в последнее время развелось слишком много.

Глава 1

ТОКИЙСКИЕ МЕЧТАТЕЛИ

Чего они от нас требуют

Южные Курилы — это два острова Большой Курильской гряды (Итуруп и Кунашир) и отделенная от них Южно-Курильским проливом Малая Курильская гряда, которую составляют остров Шикотан и острова Зеленый, Танфильева, Полонского, Юрия, Анучина, Демина, Сигнальный, Сторожевой, Рифовый, Осколки и ряд более мелких островков и скал. Японцы именуют эту островную группу Хабомаи, а в целом Южные Курилы называют «северными территориями».

Российско-японская граница проходит по проливам, отделяющим Южные Курилы от острова Хоккайдо. Ширина пролива Советский в самой узкой его части, между крайним южным островом Малой Курильской гряды — Сигнальный и мысом Носаппу на Хоккайдо, составляет всего 3,7 км. Наименьшее расстояние между островом Кунашир и Хоккайдо в проливе Измены равняется 16 км.

Общая площадь Южных Курил — 5174 кв. км. (65 тыс. гектаров — заповедные земли с уникальной природой), где проживает 15,7 тыс. человек¹. Основное население расположено на трех больших островах: Итуруп (3200 кв. км), Кунашир (1500 кв. км) и Шикотан (253 кв. км)². На небольших островах Малой Курильской гряды постоянных жителей нет. Южные

Курилы административно входят в Сахалинскую область РФ двумя районами: Южно-Курильским (Кунашир, Шикотан) и Курильским (Итуруп). Совокупно разведанные запасы полезных ископаемых Южных Курил по мировым ценам оцениваются в 45,8 млрд. долларов. На Итурупе ведется добыча рения — стратегического металла, необходимого для создания сверхлегких и жаропрочных космических сплавов, а также применяемого для дегидрогенизации и крекинга нефти. Цена одного килограмма рения — 3600 долл. США. В год на Итурупе добывают 36 тонн этого редкого металла, что примерно соответствует его годовому мировому потреблению. Другой минерально-сырьевой базы рения у нашей страны нет. Кроме того, на Южных Курилах разведаны запасы золота, серебра, серы, руд различных цветных металлов. Общие запасы рыбы и других морепродуктов в Южно-Курильском рыбопромысловом районе составляют более 5 млн. тонн, что могло бы приносить России до 4 млрд. долларов в год³. Горячие ключи и минеральные источники на Кунашире и Итурупе обладают высокими лечебными свойствами. Курорт «Горячий пляж» на Кунашире известен далеко за пределами России.

Острова отстают в своем развитии от большинства регионов страны, что вызвано как непрекращающимися происками японцев, так и большими затратами на электроэнергию, которую приходится производить автономно. В ноябре 2000 года правительство РФ приняло специальную федеральную программу социально-экономического развития Курильских островов до 2005 года.

Вас здесь не стояло

Кому принадлежит приоритет в открытии Южных Курил? По туманному преданию на них случайно наткнулся в 1582 году некий испанский мореплаватель,

которого нелегкая занесла в эти края. Русские дореволюционные издания, в частности словарь Брокгауза и Ефрона, в первооткрыватели прочат голландца Г. Фриза, побывавшего в 1643 году около островов Уруп и Итуруп. В самом деле, Фриз нанес на карту обширный массив суши, назвав ее «Землей Штатов», но началом установления подлинной географии Курильского архипелага открытие голландца так и не стало. Некто О. Бондаренко, яркий представитель «пятой колонны», считает, что Южные Курилы открыл самурай М. Хиронори, якобы побывавший на них в 1635 году⁴. В доказательство Бондаренко приводит тот факт, что в 1644 году Хиронори составил карту Южных Курил и подарил ее правящему дому И. Токугава. Правда, этому японофилу следовало бы знать, что данная карта представляла собой набор фантастических нелепиц, а сам самурай прославился в японской истории как невероятный невежда и лгун.

Между тем в русских документах первое упоминание о Курильских островах датируется 1646 годом⁵. (Нелишне напомнить, что остров Сахалин был открыт русскими в 1640 году.) Сведения о Курилах содержатся и в составленной в 1667 году росписи «Чертежа всей Сибири, збиранного в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича». В 1692 году Курильский архипелаг был нанесен на карту российским послом И. Идесом, который брал за основу русские чертежи Сибири второй половины XVII века (в 1704 году эта карта была издана в Амстердаме Н. Витсенем)⁶.

В 1697 году отряд казаков под командованием В. Атласова исследовал Камчатку и прошел ее с севера на юг. С южной оконечности полуострова казачий атаман наблюдал острова Алаид и Шумшу. «А против первой Курильской реки [р. Голыгина] на море видел, как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие, про то иноземцы

сказать не умеют», — сообщил Атласов в своей «скаске», после возвращения из похода⁷. Именно тогда, в 1697 году, за островами закрепилось название Курильских. Результаты визуального открытия островов отрядом Атласова были отражены в «Служебной чертежной книге» С. Ремезова, изданной в начале XVIII века.

Стоит заметить, что во время своего похода Атласов обнаружил у местных жителей — камчадалов — необычного пленника. «А полоненник, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн»⁸. Впоследствии выяснилось, что пленник — японец по имени Денбей из города Осака, попавший на Камчатку после кораблекрушения. Известно, что Атласов привез японца в Россию, где с ним встречался Петр I, большой любитель разных диковин и «монструозов». Отчаянные крики «Банзай!», которыми Денбей приветствовал русского самодержца, весьма впечатлили Петра Алексеевича. «Инородец зело громогласен и дик», — пришел к заключению царь. О дальнейшем нахождении японца в России сведений, к сожалению, не сохранилось.

Летом 1711 года началось освоение Курил, постепенное продвижение сначала казаков, а затем торговых людей и православных миссионеров с севера на юг. В конце августа этого года первый отряд казаков под начальством атамана Д. Анциферова и есаула И. Козыревского высадился на острове Шумшу. Собрав сведения об острове, казаки вернулись в Большерецк (г. Усть-Большерецк) на Камчатке, где, опираясь на рассказы коренных жителей Курил — айнов, составили чертеж первых трех островов архипелага.

В 1713 году есаул Козыревский получил указание всех жителей островов «под высокосамодержавную руку в ясачный платеж приводить»⁹. Айны согласились платить дань русскому царю, признав себя под-

данными Российского государства. От них Козыревский получил сведения обо всех островах Курильского архипелага. В том же году была составлена подробная карта этих островов. Позднее данные Козыревского послужили академику Г. Миллеру основой для составления первого описания Курил.

В январе 1719 года Петр I направил экспедицию геодезистов И. Евреинова и Ф. Лужина «до Камчатки и далее, куда вам указано»¹⁰. В течение 1720—1722 годов экспедиция произвела глазомерную съемку западного побережья полуострова, достигла центральной группы Курильских островов до Симушира включительно и нанесла на карту 14 островов. Кроме того, русские мореплаватели первыми собрали дань с айнов на островах Онекотан, Харимкотан, Шиашкотан. В ноябре 1722 года И. Евреинов был принят Петром I и доложил ему о результатах похода.

Успешная экспедиция Евреинова и Лужина явилась предпосылкой для более глубокого изучения территорий северо-востока Тихого океана. С этого момента русские мореплаватели начали проводить систематические исследования Курильских островов. К середине XVIII века весь архипелаг был изучен и нанесен на карты. Среди мореплавателей, производивших исследования, назовем В. Беринга, А. Чирикова, М. Шпанберга.

Походы М. Шпанберга в 1738—1739 годах оказались наиболее результативными. Было окончательно завершено открытие Курильских островов, установлено их положение относительно Северной Японии, открыты острова Малой Курильской гряды, определена подлинная география данного района Тихого океана, развеян миф о «Земле Штатов», долгое время вводивший в заблуждение европейцев, и проложен морской путь в Японию с севера¹¹. На острове Кунашир мореплаватели вступили в мирные контакты с айнами. Капитан Шпанберг оставил их описание,

особо подчеркнув, что жители Южных Курил — те же самые айны, что живут на островах, расположенных ближе к Камчатке. Тогда же была установлена независимость местных жителей от Японии. Айны сообщали русским мореплавателям, что «никому не подчиняются и что все окрестные острова независимы»¹². Французская газета «Газет де Франс» писала в феврале 1740 года: «Открытие русскими Курил имеет для России грандиозное значение. Островитяне приняли экспедицию М. Шпанберга с многочисленными проявлениями дружбы»¹³.

К слову сказать, доморощенные японофилы прилагают немало усилий, чтобы опорочить как личность самого М. Шпанберга, так и поставить под сомнение его географические открытия. Если верить их творениям, то Мартин Петрович был казнокрад и лгун, которого по возвращении в Россию предали суду и приговорили к смертной казни. Более того, во время плавания он якобы ничего путного не открыл, а только запутал своими небылицами мореплавателей всего мира. Верить инсинуациям японофилов не следует, поскольку факты для своих сочинений они находят в бульварных газетах и на потолке. Впрочем, об этих деятелях мы еще поговорим.

Исследования русских экспедиций в районе Камчатки и Курильских островов привели к появлению в России в XVIII веке большого количества научных трудов. Были опубликованы «Описание земли Камчатки», «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных» и ряд других работ. Но самое важное: в 1713—1796 годах было составлено и издано не менее 14 карт Курил, включая южную группу островов. Предоставим слово специалистам: «В XVIII — первой половине XIX столетия карта имела особенно большое значение. С точки зрения международного права того времени, когда многие территории еще не были обследованы и

потому никому не принадлежали, приоритет в издании географической карты новой земли давал опубликовавшей его стране и приоритетное, преимущественное право претендовать на владение этой территорией. Иными словами, действовал принцип: первый издавший карту новой территории имеет преимущественное право считать ее своим владением, даже если не он первый ее открыл. И оспорить такой картографический аргумент было весьма непросто. Дополнительное преимущество получала та страна, которая издавала карту также на иностранном языке (в то время международным языком была латынь), поскольку, таким образом, придавала своему извещению статус не только внутреннего, но и международного документа»¹⁴.

Из изданных картографических аргументов отметим карту 1726 года А. Шестакова, уточняющую и дополняющую первую подробную карту Курильских островов, составленную в 1713 году И. Козыревским (карта А. Шестакова была переведена и издана во Франции). Кроме того, на карте 1778 года, выполненной участником южнокурильской экспедиции 1755—1782 годов М. Петушковым, были изображены острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и северо-восточное побережье острова Хоккайдо. А в Атласе Российской империи 1796 года весь Курильский архипелаг, включая Итуруп, Кунашир и Шикотан, окрашены в тот же цвет, что и территория Российской империи.

«Таким образом, — делают вывод честные специалисты, которых не купишь за иены, — мы имеем ясное свидетельство того, что в конце XVIII столетия вся Курильская гряда, включая южные острова архипелага, принадлежала России»¹⁵.

Еще одно неоспоримое доказательство российской принадлежности Курильских островов — указ Екатерины II от 30 апреля 1779 года. Документ свидетельствует о том, что жители Южных Курил — айны —

еще с 1768 года были подданными Российской империи и «дальние острова» входили в состав Российского государства¹⁶.

Как видим, факты говорят сами за себя: к моменту русской колонизации Курильского архипелага ни один из островов не был занят японцами или хотя бы формально объявлен владением Страны восходящего солнца. До второй половины XVIII века закрытые от внешнего мира японцы не имели четкого представления не только о Курилах в целом, но и о том, где проходит северная граница их собственной страны. В XVII веке династия Токугава ввела запрет на всякие контакты с иностранцами. Японцам под страхом смерти запрещался выезд из страны, а европейцам — въезд. Даже остров Хоккайдо они долгое время не считали своей территорией. Об этом факте свидетельствует карта «Китайская империя и Япония» из германского Малого атласа стран мира 1854 года. На этой карте японская территория обозначена узкой полосой земли на крайнем юге Хоккайдо, а весь остров вместе с южной частью Сахалина и южными Курилами до острова Итуруп включительно закрашен как территория, находящаяся вне пределов Японии¹⁷.

Засуетились

Только в конце XVIII века растущая деятельность России на Курильских островах вызвала беспокойство японских правителей. Тревога усиливалась по мере того, как экспедиционные партии японцев, направляемые на острова, подтверждали факты присутствия русских первооткрывателей на Южных Курилах, а также то, что русские обращают айнов в православную веру, приобщают их к своей культуре, языку. Сразу же укажем на то, что в отношениях с местными жителями русские люди руководствовались «дружелюб-

ным обхождением и ласковостью». В своих «трудах» японофилы часто приводят примеры обратного, ссылаясь при этом на книгу «Остров Сахалин» А.П. Чехова. Их нисколько не смущает то обстоятельство, что слепо доверять путевым заметкам этого дореволюционного писателя не стоит. Будучи представителем либеральной части российского общества, Антон Павлович сочинял о русском народе всякие небылицы. Чехову, певцу серых, никчемных людишек и их мелких страстей, везде мерещились нарушения основополагающих ценностей либерализма — прав человека, поэтому его путевые заметки полны брюзжания, нытья и укоризны в отношении любых поступков сильных и смелых людей, осваивающих суровые восточные окраины России.

В 80—90-х годах XVIII века японские власти начали проводить политику вытеснения русских с Южных Курил, а заодно и с Южного Сахалина. Это выражалось в захвате острова Кунашир (на юге Сахалина также появились представители японских властей) и жестокой эксплуатации айнов, к которым японцы относились хуже, чем к собакам. Известен случай, когда чиновник из княжества Мацумаэ, прибывший с инспекцией на остров, до смерти забил бамбуковой палкой местного старика, имевшего неосторожность бросить на него косой взгляд. Стоит заметить, что захват Кунашира носил сезонный характер (аналогично Южному Сахалину). Японские рыбаки и торговцы появлялись на острове лишь во время рыболовного сезона, не создавали на нем постоянных поселений, ограничиваясь временными постройками.

Летом 1798 года японцы захватили остров Итуруп. Овладел им героический тип по имени К. Юдзо. Этот японец, облачившись в самурайские доспехи, решил на смелое предприятие: он переплыл (восторженные японофилы не уточняют, вплавь или на лодке) с Кунашира на Итуруп, где с обнаженным мечом при-

нялся разыскивать русских. Не застав противника на острове, герой порубал все кресты на могилах русских первопроходцев и объявил Итуруп владением сегуна. Несчастные, забитые айны, свидетели неистовости самурайского духа, были настолько потрясены увиденным, что этот поступок нашел отражение в их преданиях. В Японии К. Юдзо считают национальным героем, его поход на Итуруп как пример доблести дети изучают в школе.

В 1799 году на Кунашир и Итуруп прибыли японские чиновники, объявившие айнам указ, запрещающий торговать и контактировать с русскими. На следующий год японцы организовали на Итурупе рыбопромысловую контору. В 1801 году они добрались до Урупа, где установили столб с надписью: «Остров, подчиненный великой Японии, пока существуют небо и земля»¹⁸. Японцев не остановило даже нахождение на острове русских колонистов. Русские люди не стали обострять ситуацию и позволили наглецам установить свой столб. Столкнувшись с полной безнаказанностью, японцы обнаглели настолько, что учредили на Хоккайдо специальную канцелярию, призванную, в частности, вырабатывать «принципы колонизации Курильских островов и просвещения их жителей»¹⁹.

Летом 1803 года из России в Японию были направлены суда «Надежда» и «Нева». Это была первая русская кругосветная экспедиция, имевшая своей целью не только пересечь экватор, но и доставить в Японию посольство во главе с полномочным министром, камергером двора Н. Резановым. Задачей посольства было установление дипломатических и торговых отношений с Японией.

Осенью 1804 года Резанов прибыл в Нагасаки. Однако его миссия оказалась неудачной. Вместо переговоров японцы целых пять месяцев донимали посла чайными церемониями, чтением хокку и составлением икебан, чтобы затем в марте 1805 года грубо отверг-

нуть все предложения России. Тем не менее русский представитель передал японской стороне официальные претензии на юг Курил и Сахалина. В меморандуме Н. Резанова от 25 марта 1805 года говорилось, «чтобы Японская империя далее северной оконечности острова Матмая [Хоккайдо] отнюдь владений своих не простирала, поелику все земли и воды к северу принадлежат моему государю [Александру I]»²⁰. К слову сказать, по поводу провального результата посольства Резанова японофилы не упускают случая весело позубоскалить. По их продажному мнению, наш посол в Японии был неотесан, глуп и вел себя крайне нетактично. Ответом этой публике может служить оценка Резанова честным японским историком С. Накамурой, который пишет о нем как о человеке высочайшей культуры. Вот так-то! Запомните слова Накамуры!

Неудача дипломатической миссии 1804—1805 годов стала причиной инцидента между двумя странами. Ситуация, сложившаяся на Южных Курилах и Южном Сахалине, не могла оставить безразличным Н. Резанова, государственника и русского человека. Незаконность действий японцев, нагло хозяйничавших на Кунашире, Итуруп и юге Сахалина, была очевидна и требовала ответных действий. После долгих колебаний Н. Резанов принял решение силой выдворить японцев с русских островов. «Оправданно ли было такое решение, имел ли Резанов необходимые полномочия?» — задается вопросом историк Перепеченко.²¹ И тут же отвечает: «На эти вопросы сразу же за последующими событиями и позже, как правило, отвечали отрицательно. Но думается, что негативная оценка действий Резанова шла от политиков-перестраховщиков, которые в любой ситуации основывались на известной русской осторожности: только бы не обидеть зарвавшегося соседа»²². Верный ответ. Неверна лишь одна-единственная трактовка автора: это были не перестраховщики, а враги народа, срод-

ни японофилам, которые в своих оценках стремятся выставить Н.П. Резанова «безбашенным» типом, готовым ради собственных амбиций развязать войну с соседним государством.

Между тем волевое решение Николая Петровича силой пресечь японские территориальные поползновения заслуживает всяческого уважения. Правда, сам он, словно предвидя, что его действия не найдут поддержки со стороны отдельных неблагодарных потомков, писал российскому императору: «Может быть, почтен я буду преступником, что приступил к началу сего проекта моего, но готов я принять наказание, а объясняю здесь, что побужден был к тому славою государя и любовью к отечеству, для которых всегда собой жертвовал»²³.

Осенью 1806 года молодые офицеры русского флота лейтенант Н. Хвостов и мичман Г. Давыдов приступили к выполнению «проекта» Резанова. Шхуна «Юнона» и тендер «Авось» под командованием Хвостова появились у берегов Южного Сахалина. Высадившись на берег, русские моряки уничтожили японские магазины и взяли в плен четырех японцев. Пленных было решено обучить русскому языку и «вернуть на родину, где они могли бы повлиять на правительство и убедить его в выгоды добрососедских отношений и торговли с Россией»²⁴. Местным жителям было объявлено, что Сахалин — владение Российской империи, находящееся под покровительством императора. На острове осталось пять матросов, с тем чтобы основать здесь русскую колонию.

Весной 1807 года «Юнона» и «Авось» вышли к Южным Курилам. На Итуруп японский гарнизон селения Сяна (г. Курильск) в составе 300 человек в панике бежал в горы, видя, что русский десант настроен более чем решительно, побросав ружья, копья и мечи. Командир гарнизона самурай Т. Матадаю не вынес позора и покончил жизнь самоубийством. Несколько

неуклюжих японцев попали в плен. Разгрому подверглись рыбные склады. На острове русскими был оставлен на жительство ссыльный Б. Яковлев и некий китаец. Судьба обоих оказалась трагичной. Позднее вернувшиеся с гор японские солдаты, мстя за свое унижение, убили несчастных, отрубили им головы и отправили жуткий «трофей» на Хоккайдо как доказательство «храбрости и героизма» при «отражении» вражеского нападения.

После Итурупа русская экспедиция направилась к Кунаширу. И здесь история повторилась: японский гарнизон при виде грозных матросов бросил оружие и со стенаниями и воплями ударился в бегство. Их никто не преследовал. Уничтожив рыбные склады, русские покинули остров.

Рейд Хвостова и Давыдова показывает, пишет историк Перепеченко, что их действия носили не столько освободительный, сколько демонстративный характер. Более того, благородные офицеры отпустили нескольких пленников, направив с ними письмо губернатору Хоккайдо, где сообщалось, «что цель, ради которой русская экспедиция нанесла небольшой ущерб Японии, заключена в привлечении внимания (!) бакуфу [правительства страны] к вопросу об установлении торговых сношений с Россией»²⁵.

Но российские власти, к сожалению, не извлекли никакой пользы из успешного рейда. Во всяком случае Российско-Американская компания (основана в 1799 году), владевшая монопольным правом на промыслы и торговлю в северо-восточной части Тихого океана, не спешила закрепить свое присутствие на юге Курил и Сахалина. По мнению некоторых историков, компания сознательно отказалась от планов дальнейшей колонизации этих районов, реально оценив свои силы и возможности. «Этот момент в истории освоения Россией Южных Курил можно считать

этапным», — к такому выводу приходят исследователи²⁶.

Отметим также, что судьба отважных морских офицеров Н. Хвостова, Г. Давыдова и смелого политика Н. Резанова, настоящих патриотов России, сложилась печально. В 1807 году Резанов разбился насмерть, упав с лошади. Лейтенант Хвостов и мичман Давыдов, находясь в 1809 году в Петербурге, по роковому стечению обстоятельств утонули в Неве... По поводу нелепых смертей патриотов японофил Бондаренко злорадно подчеркнул в своем «труде», что, по мнению бондаренковской жены, их наказал Бог. Ну, что тут можно ответить?

Акция русских моряков серьезно напугала власти Японии. Во многом виной тому оказались голландцы (единственные иностранцы, которым разрешалась торговля в Японии). Опасаясь потерять свое право на торговлю, они при переводе письма Н. Хвостова и Г. Давыдова губернатору Хоккайдо преднамеренно исказили его смысл. Делая страшные глаза, голландцы сообщили бакуфу, что русские намерены покорить их страну, а самих японцев силой обратить в православие. «О, мы знаем этих русских, это ужасно свирепые люди, их следует опасаться!» — вещали злодеи-переводчики. В результате этих интриг в 1808 году японцы значительно усилили военные гарнизоны на Итуруп и Кунашире. На островах были построены укрепления и артиллерийские батареи.

В 1811 году к Южным Курилам пришел военный шлюп «Диана» под командой В. Головина. Основная задача экспедиции состояла в том, «чтобы сделано было точнейшее описание островов южных Курильских»²⁷. Помимо этого, русским мореплавателям предписывалось исследовать Шантарские острова и северо-восточное побережье Хоккайдо.

Однако экспедиции не удалось полностью выполнить намеченные исследования. Описав Итуруп и

Шикотан, Головин пришел к Кунаширу, где вместе с 8 членами экипажа был вероломно захвачен японцами в плен. Более двух лет провел в неволе Головин со своими товарищами. Только в октябре 1813 года они были отпущены на свободу губернатором Хоккайдо.

Весь период нахождения Головина в плену между российскими и японскими властями велись трудные переговоры о его освобождении. Во время переговоров нашей стороной был также поставлен вопрос о границах. Российские власти в лице Иркутского губернатора Н. Трескина выдвинули несколько предложений об установлении границы. По первому предложению остров «Уруп объявлялся нейтральной зоной между российскими (с севера от него) и японскими (к югу) владениями. По второму — граница проводилась между Урупом и Итурупом и проливу Соя (Лаперуза), то есть предлагалось Японии отказаться от Сахалина»²⁸.

Министры Верховного совета Японии, обсудив оба предложения, решили остаться в русле прежней политики изоляции: дальнейших переговоров о границах не вести, но укрепить охрану побережий, а на юг Курил и Сахалина отправить дополнительные вооруженные отряды.

Все последующие попытки России установить официальные контакты с Японией, которые наша страна, начиная с 1814 года, предпринимала неоднократно, заканчивались неудачей. Лишь изредка на просторах Тихого океана русским морякам приходилось встречаться с японскими судами. «Росскэ, зтравствуй, росскэ!» — высыпав на палубу, кричали японцы, плевались и кидались в наши корабли бамбуковыми палками и циновками.

Во второй половине XIX века правительство Николая I возобновило усилия по достижению контактов с Японией. Осенью 1852 года в Петербурге была снаряжена экспедиция под командованием вице-адми-

рала Е. Путятин. Ее целью формально было «обозреть российские колонии в Северной Америке», а фактически — установить дипломатические отношения с японским правительством и заключить соглашение о границах²⁹. Секретарем экспедиции стал И. Гончаров — знаменитый русский писатель, оставивший о походе Путятина исключительные по исторической ценности путевые заметки «Фрегат «Паллада». Кстати, японофил Бондаренко, исследуя историю плавания «Паллады», в бешенстве заходится слюной от якобы «великодержавного чванства и шовинизма» нашего посольства. Этот деятель, опираясь на путевые заметки Гончарова, развязно вещает, что ему неприятно читать многие сентенции автора относительно Японии и японцев. А в отдельных местах своего «исследования» оголтелый Бондаренко от возмущения даже не находит подходящих слов, а только мычит (точнее пишет): «М-м-м-м».

Летом 1853 года экспедиция Е. Путятина бросила якорь у берегов Японии. Переговоры начались не сразу, их пришлось ждать несколько долгих месяцев.

Между тем международная обстановка складывалась не в пользу России. В 1853 году началась Крымская (Восточная) война. Против России выступили сначала Турция, а затем Англия, Франция и Сардинское королевство (Италия). Поражения в военных действиях, которые терпела Россия от объединенных сил противника, привели к резкому ослаблению ее позиций на Дальнем Востоке.

В августе 1854 года англо-французская эскадра под командованием английского адмирала Прайса, известного алкоголика и грубияна, произвела рейд на Камчатку. Разбойному нападению подвергся город Петропавловск (г. Петропавловск-Камчатский). Гарнизон города под руководством генерал-майора В. Завойко и лейтенанта И. Изыльметьева отразил нападение, нанеся противнику ощутимый урон. Ар-

тиллерийским огнем было повреждено несколько кораблей эскадры, общие потери неприятеля составили не менее 450 человек. В качестве трофеев русскими было захвачено множество ружей, семь офицерских сабель и английское знамя Гибралтарского полка³⁰. В 1855 году английский фрегат «Пик» и французский «Сибилла» захватили остров Уруп на Курилах. Десант разгромил селение Российско-Американской компании, разграбил на складах запас пушнины и продовольствия. Перед уходом десантники назначили самого древнего айна «губернатором острова, вручив ему диплом на это звание от имени французского императора и английского короля»³¹.

В этих сложных условиях начались русско-японские переговоры, которые растянулись с августа 1853 по январь 1855 года.

На переговорах Е. Путятин твердо отстаивал исторические права России на Сахалин и Итуруп (вопрос о Кунашире не ставился). В ноте от 6 ноября 1853 года, направленной японской стороне, он подчеркивал: «Неопределенность границ между Россией и Японией подала повод к сомнению касательно острова Итурупа. Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находилась в полном ее завладении. К этой гряде принадлежит и остров Итуруп, заселенный курильцами [айнами] и отчасти японцами. Но и русские промышленники в давние времена имели поселение на сем острове: из этого возникает вопрос, кому владеть им, русским или японцам»³². Японские представители признавали, что их соотечественники только в начале XIX века появились на этом острове. Однако при этом они считали, что Япония имеет на него все права, поскольку местные жители, айны, якобы являются японскими подданными. Относительно Сахалина японцы выступали за его раздел по 47-й параллели.

В конечном итоге 26 января 1855 года в городе

Симодэ был подписан первый русско-японский договор, вошедший в историю как Симодский трактат о торговле и границах. Помимо статей о торговле, соглашение включало и статьи о территориальных разграничениях. «Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между о-вами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается о. Карафуто (Сахалин), то он остается не разделенным между Россией и Японией, как было до сего времени», — гласила вторая статья Симодского трактата³³.

«Состоявшиеся переговоры, — констатируют непредвзятые историки, — доказали исторический приоритет России в открытии и освоении Сахалина и Курильских островов и показали несостоятельность притязаний Японии на эти дальневосточные территории»³⁴. Однако результат заключенного договора в значительной степени оказался перечеркнут тем фактом, что Россия из-за крайне неблагоприятной международной обстановки не смогла закрепить своего влияния на юге Курильского архипелага и оказалась вытесненной с его южных островов.

После подписания Симодского трактата потянулись многолетние русско-японские переговоры о судьбе Сахалина. Японская сторона настаивала на разделении острова. Российское правительство стояло на том, что Сахалин должен полностью принадлежать России.

Наконец 25 апреля 1875 года в Петербурге был подписан русско-японский трактат (Петербургский трактат), по которому Сахалин признавался российским. «Отныне означенный остров Сахалин (Карафуто) весь вполне будет принадлежать Российской империи, и пограничная черта между империями Российской и Японской будет проходить в этих водах чрез Лаперузов пролив», — говорилось в документе³⁵.

Взамен к Японии отходили все Курильские острова. Граница была установлена через пролив между мысом Лопатка Камчатского полуострова и островом Шумшу Курильского архипелага.

Через 20 лет, в мае 1895 года, между Россией и Японией был заключен очередной договор о торговле и мореплавании. В совместной декларации обе стороны подтвердили действие Петербургского трактата 1875 года.

Застучали кулаком

К началу XX века Япония благодаря открытию страны для европейских государств, которые стимулировали ее стремительное социально-политическое и экономическое развитие, активно включилась в борьбу за раздел мира. Избрав политику милитаризма и военной экспансии, Япония быстрыми темпами начала увеличивать армию и флот, вооружать их первоклассным оружием и готовить к грядущим захватническим войнам. Воинственные самураи предусматривали включение в состав «Великой Японии» обширных территорий: «К востоку — всю Полинезию. К югу — Филиппинские острова, Зондский архипелаг и Австралию. К западу — Сиам, побережье Китая Монголию, Маньчжурию, Корею, Амурскую и Приморскую области. К северу — Сахалин, Камчатку, Беринговы острова и Якутскую область»³⁶. В 1894—1895 годах Япония вела войну с Китаем, в результате которой захватила южную оконечность Ляодунского полуострова, остров Формозу (Тайвань) и Пескадорский архипелаг.

Японские территориальные интересы столкнулись с интересами США и Великобритании. Однако главным соперником на пути колониальных захватов Японии оказалась Российская империя, также энергично

стремившаяся упрочить свои позиции в Северо-Восточном Китае и Корее. В 1898 году Россия арендовала у Китая Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур (Люшунькоу) и бухтой Даляньвань, где впоследствии был построен порт Дальний, а в 1900 году русские войска вошли на территорию Маньчжурии. С 1896 года под вывеской Русского лесопромышленного товарищества на Дальнем Востоке Россия стала активно закрепляться на севере Кореи и с помощью русских военных инструкторов создавать корейские вооруженные отряды. Из Приморья в район реки Ялу было начато переселение русских колонистов³⁷.

На фоне обострения русско-японских противоречий в Китае и Корее в Японии набирал силу шовинистический угар и антирусские настроения. В стране под лозунгом «Азия для азиатов» бурную деятельность развернули организации «Черный дракон» и «Черный океан». В 1890 году на русского посланника в Токио набросилась толпа оголтелых молодчиков и избила его бамбуковыми палками и камнями. На следующий год от самурая досталось российскому престолонаследнику Николаю Александровичу (Николаю II), находившемуся в Японии с официальным визитом. В городе Оцу некий Ва-Цу, обезумевший от антирусских настроений, ударил наследника саблей, ранив его. Греческий принц Джорджи, путешествующий вместе с Николаем, тростью отходил злодея до полусмерти. Японские полицейские пришли на помощь и схватили фанатика только после того, как получили от принца несколько чувствительных тумаков.

К концу 1903 года японская армия насчитывала 150 тыс. человек. В случае военных действий японцы могли поставить под ружье 350 тыс. солдат. Флот располагал сотней военных кораблей общим водоизмещением 260 931 тонна и по своим боевым качествам превышал русские корабли примерно в полтора раза³⁸.

Русские вооруженные силы на Дальнем Востоке состояли из 122 тыс. человек (из них 24 тыс. охранная стража). Дальневосточный военный флот имел в своем составе 75 боевых единиц общим водоизмещением 192 276 тонн³⁹.

В январе 1904 года Япония совершила вероломное нападение на русскую военно-морскую базу Порт-Артур. О ходе военных действий 1904—1905 годов известно достаточно много, поэтому повторяться не будем. Кратко отметим лишь некоторые мало изученные эпизоды на второстепенных театрах.

С началом войны японцы превратили Курильские острова в плацдарм для нападения на соседние русские земли (не зря адмирал С. Макаров еще задолго до войны считал передачу архипелага серьезной военной ошибкой). С острова Шумшу они предприняли попытку захвата Камчатки и Командорских островов. На западном и восточном побережье Камчатки были высажены японские десанты, которые напали на населенные пункты Озерную, Уку и Карагу. В ходе нескольких столкновений с русскими войсками противник был разгромлен. На острове Беринга японские захватчики встретились с сопротивлением охотников-алеутов и отступили.

Летом 1905 года японцы высадили десант на Сахалин. 7 июля на побережье Анивского залива между селом Мерее и Савиной падью была высажена 15-я дивизия генерала Харагучи в составе 12 пехотных батальонов, 1 кавалерийского эскадрона, 18 орудий и 1 пулеметного отделения общей численностью 14 тыс. человек. Высадку десанта обеспечивала 3-я эскадра адмирала Катоака в составе 40 военных кораблей⁴⁰.

Противостояли противнику русские войска, насчитывавшие 6173 человека (в основном дружинников — ссыльнопоселенцев и каторжан) при 12 пулеметах, 16 полевых орудиях (8 из которых образца 1877 года)

и береговой батареи (два 120-мм и два 47-мм орудия)⁴¹.

Только в результате численного и технического превосходства японцам удалось сломить героическое сопротивление русских войск. 29 июля остров был полностью занят неприятелем. Лишь 278 защитников Сахалина сумели переправиться на материк, остальные погибли в боях или были захвачены в плен. Оккупировав остров, японцы учинили над мирным населением кровавую вакханалию расправ и насилий.

И кроме того, в период военных действий корабли японской эскадры, действующей в северо-восточной части Тихого океана, расстреляли близ острова Уруп русский пароход «Ольдгамия» и произвели жестокую бомбардировку Петропавловска-на-Камчатке.

В 1905 году Русско-японская война завершилась. Летом этого года между Россией и Японией был подписан Портсмутский мирный договор. Российскую делегацию на переговорах представлял председатель Совета министров С.Ю. Витте, японскую — министр иностранных дел Японии Д. Комура. Встреча сторон проходила на территории США в городе Портсмут.

В ходе переговоров японская делегация подняла вопрос о передаче ей всего Сахалина. Витте категорически отказался удовлетворить это требование, сославшись на ранее заключенные соглашения. В ответ Д. Комура, который, по воспоминаниям современников, не отличался изысканностью манер, заявил, что все прежние соглашения теперь недействительны, поскольку в действие вступили новые факторы — уничтожение русской эскадры при Цусиме, падение Порт-Артура, оккупация Сахалина и т. д. Вообще, нужно сказать, что министр иностранных дел Японии на переговорах вел себя безобразно. Однажды он даже сделал С.Ю. Витте въедливое замечание о том, что тот слишком много рассуждает, словно победи-

тель. «Здесь нет победителей, а потому нет и побежденных», — ответил на выпад Сергей Юльевич⁴².

Отказ российской делегации в определении судьбы Сахалина завел переговоры в тупик. Только благодаря вмешательству президента США Т. Рузвельта стороны достигли соглашения об уступке японцам лишь южной части острова. Южный Сахалин с прилегающими к нему островами был передан Японии «в вечное и полное владение»⁴³. Граница между двумя странами была установлена по 50-й параллели. Кстати, по поводу потери Россией части Сахалина японофил Бондаренко уныло отметил в своем «труде», что русским удалось отбиться от японцев с самыми минимальными потерями. Чувствуется, что очень хотелось бы этому субъекту, чтобы японцы отхватили от нас тогда кусок посолидней. Примерно так, как это было изображено самураями на карте «Новые владения и полная карта Японии», изданной в 1910 году. На ней в цвет Японии были закрашены огромные российские территории Дальнего Востока, вся Камчатка и Чукотка⁴⁴.

За заключение Портсмутского мирного договора Витте по приезду в Россию наградили титулом графа. Однако общественное мнение было возмущено уступкой Южного Сахалина. Злые языки тут же окрестили Витте «графом Полусахалинским». В советские времена историки, вскрывая гнилую сущность самодержавия, частенько приводили графа как пример бездарности царской дипломатии. А ведь напрасно. Заклячая договор, Витте действовал расчетливо и дальновидно, словно предугадывал дальнейшие территориальные поползновения жадных дальневосточных соседей.

Впрочем, судите сами. «Когда в Японии сделались известными мирные условия, в Токио вспыхнула смута, памятник, сооруженный при жизни Ито [Ито Хиробуми, японский государственный деятель], был раз-

рушен толпою. Токио было объявлено на военном положении, войскам пришлось действовать, были раненые и убитые. Когда Комура вернулся в Японию, ему не только не дали никакой награды, но он был вынужден покинуть пост министра иностранных дел и удалился в частную жизнь», — пишет в своих мемуарах Витте⁴⁵. Спрашивается, почему так распахивались победители? Понятно, что хотели получить от побежденных большего, а пришлось довольствоваться малым. Обидно, конечно, но не это главное. Предчувствовали, видимо, самураи, что в будущем Портсмутский договор выйдет им боком. И точно! Вышел.

«Согласно приложению № 10 к этому договору, все предшествующие русско-японские договоры и соглашения были объявлены аннулированными», — указывают в своем труде большие ученые⁴⁶. И приходят к заключению, что это принципиально важное юридическое положение делает нелепыми и несостоятельными все сегодняшние ссылки Японии на Симодский и Петербургский трактаты при территориальных претензиях на Южные Курилы.

«На советский каравать рта не разевать!», или Наш «особый счет к Японии»

В октябре 1917 года в России произошла революция и затем началась Гражданская война. Страна погрузилась в пучину хаоса и братоубийственной смуты.

Русской трагедией немедленно воспользовалась Япония и вторглась на территорию Дальнего Востока. В апреле 1918 года во Владивостоке был высажен крупный японский десант. Интервенция проходила под предлогом защиты иностранных граждан на Дальнем Востоке, устранения опасности, якобы возникшей в Сибири и на Дальнем Востоке со стороны находящихся там австро-германских военнопленных, и

необходимости оказания помощи в эвакуации Чехословацкого корпуса⁴⁷. К октябрю 1919 года численность японских интервентов, сосредоточенных в Приморской, Амурской и Забайкальской областях, составляла 120 тыс. солдат и офицеров, что в несколько раз превышало численность войск других участников интервенции (США, Англии, Франции и т. д.). В апреле 1920 года японцы захватили Северный Сахалин.

На оккупированных территориях «защита иностранных граждан» по-японски обернулась жесточайшим террором по отношению к местному населению, недовольному присутствием интервентов. В ходе карательных акций только в Приамурье японскими оккупантами было уничтожено 7 тыс. человек. Население Хабаровска сократилось с 52 тыс. до 30 тыс. человек, а население Забайкалья к 1920 году по сравнению с 1915 годом — на 30,8%⁴⁸. Террор против мирного населения осуществлялся под видом борьбы против большевиков.

Помимо террора, японские оккупационные власти вели откровенный экономический грабеж русских земель. Даже издавшие виды американцы удивлялись лютой жадности японцев, с которой они набрасывались на чужое добро. Вот лишь некоторые данные, характеризующие масштабы экономического ущерба, нанесенного нашей стране в период японской интервенции 1918—1922 годов. Из Приморской, Амурской и Забайкальской областей было вывезено более 650 тыс. кубометров древесины, угнано свыше 2 тыс. железнодорожных вагонов, 379 морских и речных судов, похищено свыше 43 тонн золота⁴⁹. На Северном Сахалине интервенты «приделали ноги» к сотням тысяч тонн угля, нефти и десяткам тысяч метров деловой древесины.

В конце 1922 года японские интервенты были вынуждены покинуть территорию Приморья. Перед своим уходом они вели интенсивные переговоры с бело-

гвардейским генералом Ф. Глебовым (командующий Дальневосточной казачьей группой) о переброске его частей на север Сахалина. Японские власти планировали создать на Северном Сахалине марионеточное русское правительство с тем, чтобы сохранить здесь сферу своего экономического и политического влияния⁵⁰. К чести генерала Глебова, на предложение японцев он ответил решительным отказом, тем самым предотвратив затягивание Гражданской войны, принесшей русскому народу неисчислимые страдания и беды. Впрочем, и без присутствия белогвардейцев японцы нагло удерживали Северный Сахалин до середины 1925 года.

С конца 20-х годов политика Японии была направлена на неограниченную экспансию на Азиатском континенте. Важным этапом осуществления этой экспансионистской программы рассматривалась война Японии против СССР. В 1927 году посол А. Трояновский информировал Кремль: «В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»⁵¹. В известном «Меморандуме Танака» открыто говорилось о неминуемом конфликте с «красной Россией»⁵². Вторжение японцев в Маньчжурию и Северный Китай в 1931 году являлось одной из составных стратегического плана по подготовке нападения на Советский Союз. В 1936 году Япония заключила военно-политический союз с гитлеровской Германией, так называемый Антикоминтерновский пакт, который, как позднее указывалось Токийским трибуналом, был «своим острием направлен против Союза Советских Социалистических Республик»⁵³. Интересно отметить, что после заключения этого пакта японцы, вероятно, чтобы польстить Гитлеру, развернули охоту на евреев. Правда, в самой Японии обнаружить таковых не удалось, но зато они отыскились в столице оккупированной Маньчжурии — Харбине. Здесь самураями были схвачены и казнены как «жиды и агенты Комин-

терна» некие эмигранты по фамилиям Липскнер и Ропсон. Но, видимо, на этом все евреи иссякли, и японский охотничий пыл постепенно угас.

Курильским островам и Южному Сахалину в агрессивных планах Японии отводилась роль важного военного плацдарма для нападения на Советский Союз. С начала 30-х годов на островах началось строительство укрепленных районов. Первоначально фортификационные работы велись в режиме строгой секретности, но с 1934 года — открыто, без всякой маскировки⁵⁴. На Южном Сахалине японцы возводили мощный Харамитогский укрепленный район, состоявший из предполья, главной и второй полос обороны. Главная полоса обороны включала три узла сопротивления и несколько отдельных опорных пунктов, где имелось 25—30 дотов, до 1000 дзотов и различные противотанковые и противопехотные заграждения⁵⁵. На северных островах Курильского архипелага усиленными темпами велось сооружение военноморских баз Катаока и Касивабара, береговых батарей, взлетно-посадочных полос, маяков, метео- и радиостанций. Курилы покрылись сетью военных гарнизонов. Они располагались на крайних северных островах — Шумшу, Парамушир, Онекотон и на южных — Кунашир, Итуруп, Шикотан.

С 1936 года японская армия и ВМС начали проводить на Южном Сахалине и Курильских островах регулярные учения и маневры, на которых отрабатывалось взаимодействие армии с флотом в ходе десантных операций. Предполагаемым противником на учениях всегда выступала Красная Армия. В японской печати в это время уже открыто сообщалось о вооружении островов. Кстати, перед нападением на Перл-Харбор в 1941 году именно на Курилах в глубоководной бухте Касатка нашли надежное укрытие от американской разведки японские ВМС⁵⁶.

В конце 30-х годов самураи решились испытать на

прочность обороноспособность СССР. Летом 1938 года они совершили наглую провокацию на границе, ставшую причиной вооруженного столкновения в районе озера Хасан. Весной 1939 года японская военщина развязала крупный вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол.

Однако в обоих случаях Красная Армия нанесла сокрушительное поражение зарвавшимся поджигателям войны.

«Отпустили им по норме
Наших маслених блинов.
Наступали в полной форме,
А удрали... без штанов!

Враг, запомни, мы не горды,
Мы приветливый народ!
Но не суй свиную морду
В наш советский огород!» —

предостерегал самураев в «Частушках дальневосточников» Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР⁵⁷.

К слову сказать, в начале 90-х годов нашлось два деятеля, пытавшихся переложить ответственность, в частности за хасанский инцидент, на советскую сторону. Но ничего путного из этой затеи у них не вышло, если не считать псевдонаучной статьи, появившейся в журнале «Родина» (позор редакции журнала с таким названием, публикующим подобную галиматью!)⁵⁸.

Но японская военщина не уgomонилась. Отказавшись от попыток открытой агрессии, самураи продолжали действовать коварными, изощренными методами. Так, в течение 1940 года только на участке Хабаровского пограничного округа было задержано 1111 нарушителей государственной границы, пытавшихся проникнуть на нашу территорию из Маньчжурии и Южного Сахалина⁵⁹.

Осенью 1940 года Япония, оправившись от поражений на Хасане и Халхин-Голе, вступила в фашист-

ский блок, подписав Тройственный пакт с Германией и Италией, направленный против СССР. Вслед за этим японское руководство обратилось к правительству Советского Союза с предложением о заключении пакта о ненападении, в котором предлагалось «отнести урегулирование всех спорных вопросов между СССР и Японией на период после заключения пакта»⁶⁰. Со стороны Токио это был хитрый трюк, рассчитанный на то, чтобы в обстановке дальнейшего сближения с Германией и Италией политическим давлением и шантажом (угроза разрыва пакта) вынудить СССР пойти на определенные уступки. Как отмечают японские историки, в конечном счете имелось в виду «добиться от Советского Союза включения Северного Сахалина и советского Приморья в сферу японского влияния»⁶¹.

18 ноября 1940 года советское правительство выступило с заявлением о том, что заключение пакта о ненападении связано с необходимостью возвращения ранее утраченных Россией территорий Южного Сахалина и Курильских островов. При этом было отмечено, что если Япония не согласна с такой постановкой вопроса, то было бы целесообразнее вести диалог о заключении пакта о нейтралитете (а не о нападении), не предусматривающего разрешение территориальных проблем⁶².

13 апреля 1941 года в Москве был подписан пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Стороны обязывались поддерживать мирные и дружественные отношения друг с другом и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность. В пакте подчеркивалось, что «в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»⁶³.

Однако уже в мае 1941 года Япония доказала всему миру, что любые международные соглашения стоят для нее ровно столько, сколько стоит бумага, на которой эти соглашения записаны. Японский МИД распространил заявление о том, что никакая сила «не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония будет вынуждена, естественно, напасть на Россию на стороне Германии»⁶⁴. В том же месяце министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока горячо убеждал императора Хирохито в случае начала германо-советской войны разорвать «пакт о нейтралитете с Советским Союзом и оккупировать Сибирь вплоть до Иркутска»⁶⁵.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. 2 июля высшее политическое и военное руководство Японии приняло решение о нападении на СССР. План нападения получил шифрованное наименование «Кантогун токубэцу энсю» («Особые маневры Квантунской армии»). Начало военных действий было запланировано на 29 августа 1941 года. Завершить войну намечалось в течение 6 месяцев на берегу озера Байкал. К 16 июля 1941 года на территории Маньчжурии и Кореи была сосредоточена ударная группировка японских войск в количестве 850 тыс. солдат и офицеров. В боевую готовность были приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине и воинские формирования на Курильских островах⁶⁶.

Но японское вторжение не состоялось. Императорская ставка приняла решение временно воздержаться от нападения на СССР. Немецкий посол в Токио в телеграмме, направленной в Берлин 4 сентября 1941 года, объясняя причины этого решения японцев, писал: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской

армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что сможет достичь решающего успеха в войне против России до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о наманганских [халхин-голских] событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии»⁶⁷. По каналам разведки советскому командованию поступала информация о том, что среди японских солдат и офицеров, участников боев на Хасане и Халхин-Голе, заметны пораженческие настроения, которые передаются и другим военнослужащим. Советский резидент в Токио сообщал, что полицией получен приказ убирать с городских улиц всякого рода инвалидов, ветеранов захватнических войн, которые своим внешним видом провоцируют в обществе антивоенные настроения.

Однако главная причина внезапной нерешительности Японии заключалась в ином. Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая реальную опасность агрессии со стороны самураев, была вынуждена держать на Дальнем Востоке в течение всей войны от 15 до 30% боевых сил и средств из общего состава Красной Армии. Например, на 1 декабря 1941 года в боевой готовности на Дальнем Востоке находилось свыше 1 млн. солдат и офицеров, 8777 орудий и минометов, 2124 танка, 3193 самолета и 96 боевых кораблей⁶⁸. Именно это постоянное присутствие боеготовой группировки Красной Армии послужило причиной резкого снижения воинственного пыла японских агрессоров.

Высокая концентрация советских войск на Дальнем Востоке в наиболее тяжелые периоды борьбы на советско-германском фронте — во время битвы под Москвой, сражения за Кавказ, Сталинградской и Курской битв — вела к затягиванию войны, дополнительным разрушениям, страданиям и жертвам советского народа. Крупные отечественные историки отмечают,

что если бы на протяжении четырех лет Япония не выполняла задачу по сковыванию сил Красной Армии на востоке, то разгром гитлеровской Германии стал бы неизбежным еще в 1943—1944 годы. При этом на протяжении всей войны Япония сознательно нагнетала напряженность на дальневосточных рубежах СССР. Вот данные о провокационных действиях японцев, совершенных в 1942—1943 годах: нарушение советской сухопутной границы японскими военнослужащими (группами и в одиночку) — 643 раза; нарушение морской границы японскими судами — 187; нарушение воздушной границы японскими самолетами — 201; заброска шпионов (всего задержано) — 362 чел.; переброска диверсионных групп — 2; обстрелы советской территории и судов — 48 раз⁶⁹. И кроме того, с 1 декабря 1941 года по 10 апреля 1945 года японские военные корабли около 200 раз останавливали для досмотра советские торговые и рыболовные суда. Некоторые из них под разными предлогами были задержаны на длительный срок, а 18 судов потоплены. Убытки советского судоходства за это время составили около 637 млн. руб.⁷⁰.

Расплата постигла Японию летом 1945 года. Незадолго до этого японские милитаристы, стремясь предотвратить вступление в войну Советского Союза, были готовы отдать нашей стране не только Южный Сахалин, Курильские острова, но и остров Хоккайдо⁷¹. Однако И.В. Сталин отверг эту сделку и остался верен обязательствам, которые были приняты союзниками на Ялтинской конференции.

В августе 1945 года народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов вручил японскому послу в Москве Заявление советского правительства об объявлении Японии войны. О боевых действиях на Дальнем Востоке, которые завершились 2 сентября 1945 года капитуляцией Японии, известно немало, поэтому повторяться не будем. Напомним читателю лишь о

том, что в ходе непродолжительной войны была наголову разбита Квантунская армия и освобождены Южный Сахалин и Курильские острова — исконно русские земли.

Кратко остановимся на одной, последней операции Тихоокеанского флота, проведенной с 3 по 4 сентября 1945 года как бы «за пределами войны», что привело к умолчанию этого факта в исторической литературе и позволило японофилам сочинять о нем вредные небылицы. Так, все тот же Бондаренко, ссылаясь на какого-то американского прохвоста, пишет, будто во время этой операции голодные и тупые советские солдаты занимались поголовным мародерством. Верить этим прощелыгам не стоит, врут оба. На самом деле было другое.

В течение 18—28 августа 1945 года советские десанты овладели островами северной части Курильского архипелага вплоть до Урупа. К утру 3 сентября без сопротивления противника были захвачены острова Кунашир, Итуруп и Шикотан на Южных Курилах⁷². Этими островами овладел десантный отряд из бойцов 113-й стрелковой бригады под командованием капитана 3-го ранга Б. Винниченко, в который входили два десантных судна «ДС-31», «ДС-34» и СКР типа фрегат «ЭК-4».

Ранним утром 3 сентября на Кунашире в бухте Фурукаппу были сформированы две десантные группы под командованием капитана 3-го ранга Чичерина, получившего приказ о захвате оставшихся островов Малой Курильской гряды. В первую группу вошли тральщик «ТЩ-274» и десантное судно «ДС-34», во вторую — «ТЩ-273» и «ДС-31». На каждое из десантных судов было погружено по стрелковой роте из состава 113-й бригады. Десанту была поставлена задача: «произвести разведку, выявить систему обороны островов и навигационную безопасность; в случае отсутствия организованного сопротивления противника

произвести высадку десанта и занять острова»⁷³. Одновременно с этим командиру минного заградителя «Океан» капитан-лейтенанту Алферову был отдан приказ о захвате острова Тодо-Сима, самого удаленного в группе островов Малой Курильской гряды.

Днем 3 сентября десантные группы и минный заградитель «Океан» вышли из бухты Фурукамаппу. Первая группа направилась к островам Суисио-Сима, Акиюри-Сима, Юру-Сима, вторая — к Сибоцу-Сима, Тараку-Сима и Харакару-Сима. Минный заградитель взял курс к Тодо-Сима.

Высадка десантов прошла без сопротивления со стороны японских островных гарнизонов. В плен было взято 564 солдата и офицера, захвачено 700 винтовок и 8 лошадей. Из мирного населения на островах находилось 35—40 человек. В районе Акиюри-Сима «ТЩ-273» перехватил японский «кавасаки», идущий в сторону Хоккайдо. На борту судна оказалось 17 взрослых и 5 детей.

Утром 4 сентября «Океан» высадил десант на Тодо-Сима. Десантники разоружили японский гарнизон, изъяв 125 винтовок, несколько ящиков патронов и гранат, и вывели из строя подводный кабель связи, соединяющий остров с Хоккайдо.

На всех освобожденных островах были оставлены советские гарнизоны, ставшие налаживать мирную жизнь. Местные жители — простые японцы, айны и корейцы — горячо приветствовали и благодарили наших солдат за избавление их от опостылевших милитаристов. Позднее дикие японские названия всех островов поменяют на благозвучные русские — Рифовый, Сигнальный, Сторожевой и т. д.

Так завершилась последняя операция советско-японской войны 1945 года, полностью восстановившая законные права Советского Союза на Южные Курилы.

В своем обращении к советскому народу 2 сентяб-

ря 1945 года И.В. Сталин уверенно разоблачил всю агрессивную сущность японского милитаризма, направленного против нашей страны. Эта историческая речь достаточно известна. Тем не менее мы приведем ее (с некоторыми сокращениями) вновь, и не столько ради того, чтобы в очередной раз показать прозорливость Иосифа Виссарионовича, сколько потому, что она крайне болезненно воспринимается врагами народа — японофилами. Пускай читают и злятся.

«Сегодня, 2 сентября, — говорил Сталин, — государственные и военные представители Японии подписали Акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году, во время Русско-японской войны. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан, следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит

себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а на следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году, в период Русско-японской войны, оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала Акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они

будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии»⁷⁴.

В начале 1946 года был издан Меморандум главнокомандующего союзных держав императорскому правительству, которым предписывалось вывести из-под юрисдикции государственной и административной власти Японии все территории, присоединенные к ней в ходе военных действий или же приобретенные иными нечестными способами. В число таких территорий были включены Сахалин и все Курильские острова. Японское правительство не выказало против положений Меморандума никаких возражений. Тем самым Япония признала факт передачи Южного Сахалина и Курильских островов СССР. Этим актом Япония согласилась с условиями Потсдамской декларации от 26 июля 1945 года, которая определила, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку»⁷⁵. Стоит напомнить, что обсуждение судьбы территориальных захватов Японии началось еще в 1943 году на конференции в Каире при участии президента США Ф. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У. Черчилля и главы китайского гоминьдановского правительства Чан Кайши. В Коммюнике совещания было заявлено о том, что Япония будет изгнана со всех территорий, «которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»⁷⁶. Между тем на конференции президент США, помня разгром в Перл-Харборе, больше других выступал за то, чтобы как следует наказать японцев. Затем вопрос об изгнании алчной Японии, в частности, из южной части Сахалина и с Курильских островов обсуждался на Тегеранской конференции глав союзных держав. Союзники не возражали против того, чтобы вернуть эти территории их

законному владельцу — СССР. При этом Рузвельт по-русски произнес свою знаменитую фразу: «На советский каравать рта не разевать!» (польстил, надо полагать, Иосифу Виссарионовичу). В феврале 1945 года на Ялтинской конференции лидеры СССР, США и Великобритании окончательно договорились о том, что после завершения войны с Японией Южный Сахалин и Курилы перейдут к Советскому Союзу.

2 февраля 1946 года был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР, который установил, что «с 20 сентября 1945 г. вся земля с ее недрами, лесами и водами на территории южной части острова Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР, то есть народным достоянием»⁷⁷.

Урок не впрок, или К чему ведет недостаток «масленных блинов»

Казалось, что после окончания Второй мировой войны Япония затупит острые клыки и навсегда оставит свои территориальные претензии к соседним странам. Как бы не так!

Уже в первые послевоенные годы в Японии под стенами о безвинных жертвах атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки начался энергичный пересмотр истории войны и ее итогов. Реваншистские деятели прилагали немалые усилия, чтобы обелить агрессивную политику японского милитаризма, переложить ответственность за мировую бойню на другие государства и полностью исказить историю советско-японских отношений. Вместе с возней реваншистов шло скрытое возрождение вооруженных сил. К июлю 1950 года под видом «резервного полицейского корпуса», затем переименованного в «корпус националь-

ной безопасности», была создана 75-тысячная японская армия, сколок с прежней императорской армии.

В 1951 году по инициативе США в Сан-Франциско состоялась международная конференция, на которой был предложен американо-английский проект мирного договора с Японией. Советский Союз, Китайская Народная Республика, Монголия, Вьетнам, Бирма, Индия и ряд других государств не сочли возможным поставить свои подписи под этим документом, поскольку его отдельные положения противоречили Ялтинским договоренностям союзников. Например, проект не содержал гарантий против восстановления японского милитаризма.

В то же время Сан-Францисский договор закреплял отказ Токио от Южного Сахалина и Южных Курил. В тексте договора устанавливалось, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года»⁷⁸.

Япония подписала и ратифицировала Сан-Францисский договор без каких-либо оговорок. Таким образом, пограничное размежевание хотя и не было оформлено в виде советско-японского мирного договора, тем не менее считалось вопросом решенным⁷⁹. Этот вывод подтвердил и премьер-министр Японии С. Йосида. Выступая в октябре 1951 года в японском парламенте, он заявил: «Согласно положению, содержащемуся в Сан-Францисском договоре, Япония отказалась от суверенитета и правооснований на Курильские острова, Сахалин и другие. Следовательно, я думаю, что в отношении того, как с ними поступать, Япония не имеет теперь права вмешиваться»⁸⁰.

Но что стоят для Японии любые международные договоренности? Так, клоч бумаги...

Сразу же после Сан-Францисской конференции

Япония не без подзуживания со стороны США, находившихся в состоянии «холодной войны» с СССР, приступила к нагнетанию обстановки в районе Курильских островов.

В 1951—1956 годах здесь развернулась настоящая вакханалия наглых провокаций и диверсионных действий, направленных против СССР. Даже матерый японофил Бондаренко вынужден признать данный факт. На мысе Носаппу, что напротив острова Сигнальный, где, по выражению наших пограничников, «до Японии можно камнем добросить», японские провокаторы вывешивали огромные оскорбительные плакаты на русском языке либо, собравшись толпой на берегу, хором выкрикивали различные угрозы. Некоторые из самураев, войдя в раж, даже лезли в воду и кидались в нашу сторону камнями и корягами. В начале 50-х годов японская диверсионная группа проникла на Парамушир, где зверски расправилась с начальником местного гарнизона и его семьей. Количество задержанных советскими пограничниками японских шун-нарушителей в районе Курил доходило до 40 судов в год, а в 1956 году эта цифра достигла 70! Нередко на борту шун скрывались опытные агенты японской разведки. Так, на судах «Сева-мару» и «Хейси-мару» были обезврежены крупные шпионы Т. Акира, Т. Ютака и Ф. Канаэмэ.

Между тем отказ советских представителей в Сан-Франциско подписать текст мирного договора с Японией имел далеко идущие последствия. На этот политический просчет нашей дипломатии свой негативный отпечаток наложило также и то обстоятельство, что после смерти Сталина к власти в стране пришел Н.С. Хрущев. О том, каким «безбашенным» руководителем оказался Никита Сергеевич, говорить не станем. Укажем лишь на то, что во многом благодаря ему Токио до сих пор, словно дубиной, размахивает

документами хрущевских времен, обостряя обстановку на нашем Дальнем Востоке.

Летом 1955 года в Лондоне начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении дипломатических и торговых отношений. Один из участников переговоров, С. Тихвинский, так вспоминает об этих событиях: «С самого начала переговорного процесса представитель Японии господин Мацумото потребовал возвращения Южного Сахалина и Курильских островов, отошедших, как известно, к СССР согласно международным договоренностям после окончания Второй мировой войны. Такая позиция Токио для нашей страны была неприемлемой. Но у советской делегации в ответ на упорство японцев была запасная позиция. Н.С. Хрущев стремился как можно скорее восстановить дипотношения с Японией. Он считал, что в случае если другая сторона пойдет на это, то можно было бы отдать ей небольшую группу «скалистых островов Сикотан (Шикотан)». Однако у членов советской делегации все-таки были преимущества. В их числе вопрос о рыболовстве и немаловажная в то время для Японии проблема военнопленных (на советской территории после войны находились в лагерях пятьсот тысяч японских солдат и офицеров). Но тем не менее Хрущев постоянно нажимал на главу советской делегации в Лондоне Я. Малика, требуя ускорения переговоров. И в один из дней, беседуя в японском садике посольства Токио в Лондоне, Малик все-таки вынужден был пустить в ход запасную позицию Хрущева о «скалистых островах». Партнеры по переговорам были ошеломлены: Москва пошла на уступки!»⁸¹.

Впрочем, переговоры в Лондоне так ничем и не увенчались, поскольку японская сторона, расценив уступку Москвы как слабость, принялась нагло требовать передачи Южных Курил целиком, включая Куна-

шир и Итуруп. Однако на это даже Хрущев пойти не смог.

Компромиссные условия удалось выработать только в 1956 году. В Москве состоялось подписание «Совместной советско-японской декларации о нормализации отношений». В статье 9 декларации было указано, что обе страны «согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении мирного договора»⁸². При этом в документе особо оговаривалось, что советская сторона, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан [Шикотан] с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией»⁸³.

Подписанная декларация прекращала состояние войны между странами, но предусматривала продолжение переговоров. В первую очередь это относилось к принятому СССР обязательству о возврате Японии Малой Курильской гряды, фактическая передача которой обуславливалась заключением мирного договора.

Однако Япония истолковала подобное проявление доброй воли по-своему: превратно и односторонне. В заявлениях японского МИДа появились утверждения о том, что принятая декларация не завершает территориальный спор двух стран, а, напротив, предполагает продолжение этого спора по таким островам Южных Курил, как Кунашир и Итуруп. Более того, Япония вопреки подписанным соглашениям взяла курс на дальнейшее развитие военного сотрудничества с США и увеличение своей роли в американо-японском договоре о безопасности 1951 года.

Но и эти антисоветские шашни представлялись японским реваншистским кругам явно недостаточными. В январе 1960 года премьер-министр Н. Киси подписал в Вашингтоне новый договор безопасности, направленный своим острием против нашей страны и Китайской Народной Республики. В Японии была развернута шумная пропагандистская кампания и создано «движение» за возвращение так называемых северных территорий. Позднее в Японии была образована Ассоциация по вопросам «северных территорий», которая получила монопольное право на «просветительскую» работу по данной проблеме. Центром «ностальгических» шабашей стал город Намуро, расположенный на Хоккайдо вблизи границы с СССР.

Военный союз США и Японии и непрекращающаяся истерия вокруг «северных территорий» заставили СССР внести коррективы в свою позицию по отношению к соседней стране. В январе — апреле 1960 года МИД СССР направил по этому поводу три памятные записки японскому правительству. В записке от 27 января указывалась, что в результате заключения американо-японского военного договора «складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан»⁸⁴. В записках от 24 февраля и 22 апреля говорилось о том, что Советский Союз считает территориальную проблему между странами полностью решенной и закрепленной соответствующими международными соглашениями.

С этого времени позиция СССР в отношении японских территориальных претензий была предельно ясной и твердой: территориального вопроса в отношении двух стран нет, поскольку этот вопрос уже решен. Советское правительство стало решительно пресекать любые попытки японских политиков навязать обсуждение данной проблемы. И такой курс, подчеркивают

крупные специалисты, принес свои плоды: более 20 лет японским политическим деятелям не удалось втянуть МИД СССР и его руководство в сколько-нибудь развернутые дискуссии по этому вопросу или включить его в какие-либо совместные политические заявления⁸⁵.

В самой же Японии реваншистские круги превратили идею возврата «северных территорий» в общенациональный психоз. В Токио на здании японского МИДа даже появился огромный плакат с надписью: «Война закончится тогда, когда Японии будут возвращены наши острова»⁸⁶. К идеологической обработке населения были привлечены многие средства массовой информации. В сознание людей постоянно вдальбливалась мысль о том, что Советский Союз незаконно владеет южными островами Курильского архипелага. Тот, кто имел неосторожность усомниться в этом, объявлялся врагом японской нации и подвергался преследованиям. Во время гастролей в Японии советских артистических коллективов подозрительные личности в национальных японских одеждах, помешанные на идее возврата островов, постоянно совершали провокационные выходки. Эти же личности «охотились» за нашими специалистами и сотрудниками дипкорпуса с тем, чтобы толкнуть, ударить, плюнуть или даже сморкнуться в советского человека.

Более того, с конца 70-х годов Япония взяла курс на возрождение страны в качестве «великой военной державы». При этом многие реваншистские деятели недвусмысленно намекали о возврате любым способом как Южных Курил, так и бывших японских колоний на Азиатском континенте. В 1983 году в японской армии, лицемерно именуемой «силами самообороны», насчитывалось 240 904 человека, в том числе 154 660 — в сухопутных войсках, 41 917 — в военноморском флоте и 44 244 — в авиации. На вооружении армии находилось более 1000 танков, свыше 1000 са-

молотов и свыше 200 кораблей⁸⁷. В начале 1984 года премьер-министр Я. Накасонэ публично высказался о пересмотре политики Японии по отношению к ядерному оружию. Этот реваншист считал, что японский подход к вопросам ядерного вооружения был и остается «слишком сентиментальным и лишенным научной, реалистичной основы»⁸⁸. Далее Накасонэ заявил, что возглавляемый им кабинет министров решил восполнить этот пробел и приступает к активному сбору информации по проблемам ядерного оружия.

Воинственный самурайский дух, подкрепленный заявлениями главы государства о ядерной «дубине», требовал выхода. И выход был найден в открытых антисоветских акциях на границе с СССР. Одной из них явились крупные маневры «сил самообороны» в северной части острова Хоккайдо. При этом глава японского военного ведомства Таникава, известный сторонник возврата «северных территорий», и вся его свита демонстративно пялились в бинокли на наши острова.

Насколько далеко зашла бы наглая самоуверенность и воинственный дух самураев, явно недополучивших в свое время советских «масленных блинов», гадать не будем. Начавшаяся горбачевская «перестройка», события августа 1991 года в Москве и произошедший в декабре того же года распад Советского Союза привели к совершенно новой ситуации в отношениях нашей страны с Японией.

Неугомонный не дремлет враг

В конце 80-х — начале 90-х годов Япония активизировала свои действия в отношении «северных территорий». В стране была развернута широкая пропагандистская кампания, в которой на все лады повторялось о том, что благодаря застрельщику «нового

мышления» М. Горбачеву советское руководство может согласиться с японскими территориальными притязаниями. Подобные выводы имели под собой реальную основу: ряд советских политических деятелей выступил в пользу «разумного компромисса» по вопросу Южных Курил. Так, в 1990 году лидер депутатской Межрегиональной группы в Верховном Совете СССР Б. Ельцин во время посещения Японии озвучил «Пятиэтапную программу решения территориального вопроса». Эта программа представляла собой не что иное, как передачу японцам южных островов Курильского архипелага в течение ближайших 15—20 лет.

Тем не менее весной 1991 года в период напряженных переговоров М. Горбачева с японским премьер-министром Т. Кайфу никаких решений по «территориальному вопросу» принято не было. Но в то же время в Совместном заявлении, подписанном руководителями двух стран, содержались отдельные положения, которые могли быть истолкованы японцами в свою пользу, — такие, например, как признание незавершенности «территориального размежевания» между СССР и Японией. Как явствовало из Совместного заявления, Горбачев фактически признал наличие «территориальной проблемы» в советско-японских отношениях⁸⁹.

После августовских событий 1991 года все внешнеполитические дела нашей страны перешли в ведение МИДа РФ, возглавляемого А. Козыревым. При этом лемехе в октябре того же года был открыт безвизовый режим между Курильскими островами и Японией⁹⁰. Нововведением немедленно воспользовалась японская сторона. Под руководством движения «За возвращение «северных территорий» на Хоккайдо возникла целая куча сомнительных организаций типа «Общества дарения добрых сердец северным территориям», «Общества обмена световыми сигналами с Кунаширом» и т. д. На Южные Курилы устремились

многочисленные японские делегации, в состав которых входили упертые сторонники пересмотра итогов Второй мировой войны (один из них, некто К. Мацуи, даже изъявил желание остаться жить на каком-либо острове архипелага). При этом японские делегации вели среди местного населения провокационные разговоры о «незаконной аннексии японской территории», организовывали опросы людей, выявляя их мнение по данной проблеме. Началось, как верно отметил историк Перепеченко, своеобразное пропагандистское вторжение на наши острова⁹¹.

В декабре 1991 года с политической карты мира исчезла страна под названием СССР. Распад великой державы послужил новым импульсом для территориальных претензий Японии, теперь уже к правопреемнице Советского Союза — России, серьезно ослабленной в результате безмозглой «перестройки» и наступивших смутных времен.

В 1992 году японское правительство начало усиливать свой дипломатический нажим на Россию с целью получения максимально возможных территориальных уступок. Японским посольством в Москве в нарушение всех общепринятых дипломатических правил была выпущена огромным тиражом на русском языке брошюра «Северные территории Японии». В ней преднамеренно искажалась история Южных Курил и советско-японских отношений. Одновременно с этим в самой России засуетилась «пятая колонна». В прессе появилась масса публикаций, авторы которых призывали к пересмотру Ялтинской системы международных отношений, сложившихся после войны, и завершению территориального спора с Японией путем уступки ей Южных Курил. В том же 1992 году в Москве вышла книга «Неизвестные Курилы» врага народа Бондаренко, о котором неоднократно упоминалось выше. В своем опусе этот сочинитель требовал передать южные острова японцам на том лишь основании,

что «Курилы — это мрачная сторона советской действительности, это торжество силы (победителя над побежденными), это нетерпимость, это нарушение всех христианских заповедей и моралей»⁹². Японофил даже изобрел ряд терминов — «курилоложь» и «курилофантазия», которые, по его мнению, вскрывали искажение действительности в истории Южных Курил. Следом за Бондаренко вылезли и другие японофилы — Минкин, Лацис, Цветов, Славинский и пр. Противостояли вражеским проискам ученые-патриоты, в частности, профессор Восточного университета А.А. Кошкин. Постоянно выступая на страницах печати, он аргументированно разоблачал антинаучный бред представителей «пятой колонны». Имеются даже сведения о том, что в японском посольстве в Москве всерьез обсуждался вопрос о способе, каким можно заставить профессора замолчать. Вначале японцы предполагали подкупить ученого, а если этот трюк не удастся, планировалось нанять каких-нибудь бомжей, чтобы они избили Кошкина до полусмерти. Коварным замыслам не суждено было сбыться, и Анатолий Аркадьевич продолжает и сегодня в своих выступлениях громить зарвавшихся самураев. Слава патриоту Кошкину!

Между тем с начала 1992 года в России велась подготовка к официальному визиту в Японию президента РФ Б. Ельцина. Как и в случае с Горбачевым, с визитом Ельцина японская сторона связывала большие надежды в решении территориального вопроса. Накануне визита в России разгорелись нешуточные дискуссии, где против позиции российского МИДа, взявшего курс на потакание японским территориальным домогательствам, выступала патриотическая общественность. Группа известных ученых, Б. Занегин, В. Зиланов, А. Кошкин, Б. Полевой, И. Сенченко и др., обратилась с открытым письмом к президенту Ельцину, в котором, в частности, говорилось: «Глубоким за-

блуждением, навязанным руководству нашей страны японской пропагандой, является мысль, будто территориальные уступки или же обещания таких уступок в будущем (вроде «пятиэтапного плана решения территориального вопроса» или признания «потенциального суверенитета Японии» над спорными островами) приведут к тому, что на нашу страну прольются обильные «иеновые дожди»: японские банки и предпринимательские фирмы не подчиняются токийским политикам и дипломатам и никогда не пойдут на альтруистские, благотворительные финансовые и экономические операции. Зато в политическом мире Японии в случае уступок японским территориальным домогательствам активизируются реваншистские силы, выступающие не только с притязаниями на четыре южных острова, но и на все Курильские острова и даже на Южный Сахалин. Вот почему путь каких бы то ни было уступок необоснованным и незаконным японским территориальным требованиям — это недалекоевидный путь»⁹³. В результате мощного протеста российских патриотических сил визит президента РФ в Японию был отложен на неопределенный срок.

Встреча Ельцина с руководителями Японии состоялась только осенью 1993 года и завершилась подписанием Токийской декларации. Этот документ, как указывают ученые-патриоты, стал еще одним, хотя и не очень заметным, шагом навстречу японским территориальным требованиям. Текст Токийской декларации фиксировал готовность российской стороны вести отныне с Японией переговоры о принадлежности не двух, а всех четырех островов Южных Курил⁹⁴. Японская сторона усмотрела в этом свой крупный тактический успех. Однако общая оценка результатов визита Ельцина в Японию оказалась весьма неутешительной для японцев. Реальных перспектив быстрого разрешения проблемы южных островов Курильского архипелага не намечалось. Было очевидным, что Ель-

цин не склонен решать этот вопрос в период своего пребывания у власти. Как выразился один японский политический обозреватель, президент Ельцин «положил территориальный вопрос на полку»⁹⁵.

Тем не менее пораженческий курс российского МИДа и достаточно уклончивая позиция президента Ельцина в вопросе территориальных домогательств заставили Японию, что называется, сорваться с цепи.

Осенью 1994 года группа японцев во главе с неким К. Моцудзуки, предприняла наглую попытку перейти российско-китайскую границу в Приморье. Эту группу, состоящую из потомков японских оккупантов, хозяйничавших на нашем Дальнем Востоке во времена Гражданской войны, интересовало «все, что связано с возможностями перевозок из глубин континентальной Азии к океану через Приморский край, в частности инфраструктура портового хозяйства российского Дальнего Востока»⁹⁶. Только благодаря твердой позиции наших пограничников шпионским планам не суждено было осуществиться.

В 1995 году в Россию из Тайваня поступила крупная партия надувных глобусов, на которых Южный Сахалин и Южные Курилы были обозначены как японская территория (провокации с глобусами продолжались довольно продолжительное время, причем с 1997 года к ним подключились изготовители из Италии и Дании). В 1996 году на открытии в Южно-Сахалинске Японского центра на Сахалине самураи распространили буклеты японского МИДа, где была напечатана карта с изображением части Сахалина и Курильских островов как не принадлежащих России.

Однако наиболее бесцеремонно Япония вела себя в наших территориальных водах в районе Южных Курил. Японское браконьерство приняло здесь совершенно фантастические размеры. Особенно сильно от браконьерских набегов страдал так называемый Треугольник, район обитания колючего краба (северный

мыс Кунашира — Шикотан — Хабомаи). Свидетель писал о японском браконьерском разбое: «Япония, круглосуточно держащая в прибрежных водах Курил целую армаду рыбопромысловых судов, вычищала с методичностью свирепого хищника территориальные воды России от любой живности и даже растительности. Резко сократились уловы гребешка и палтуса в прилегающих водах Курил. Легкие пластиковые шхуны южного соседа растягивали многокилометровые неводы-убийцы, преграждая подход к берегам островов косякам ценной красной рыбы»⁹⁷.

В ходе операции «Путина-94», защищая наши морские богатства от наглого расхищения, российские пограничники стали активно применять оружие против японских браконьеров. Это дало незамедлительный результат. Так, в 1994 году японцы сумели украсть за все время крабовой путины всего лишь 153 тонны краба, чего никогда не бывало в прошлом. Столь ничтожный улов едва не стал причиной срыва их дурацкого Праздника крабов, ежегодно отмечаемого на Хоккайдо.

Законные действия российских пограничников вызвали возмущенные вопли в Токио. Чтобы не обострять обстановку, Россия предложила Японии заключить межправительственное соглашение, по которому японским рыбакам за особую плату было бы предоставлено право промысла в районе Южных Курил. В ответ японское внешнеполитическое ведомство заявило, что «МИД не допускает действий, ставящих под сомнение суверенитет Японии над островами»⁹⁸. Позднее, в 1998 году между РФ и Японией было подписано соглашение «О некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов». Благодаря этому соглашению, завизированному неким деятелем по фамилии Немцов, японцы получили беспрепятственное право грабить наше море в районе Южных Курил. Тогда как «российские

рыбаки практически лишились прав на ловлю рыбы в своем же море: все квоты перешли к японцам. Соглашение предусматривает не разрешительный, а уведомительный характер захода японских рыболовов в территориальные воды России. То есть, попросту говоря, японцы получили возможность распоряжаться морем как своим собственным (экономический ущерб нашей страны при этом составляет десятки миллионов долларов, но некоторые эксперты определяют его в миллиардах)⁹⁹. Более того, когда через несколько лет Россия предоставила возможность Южной и Северной Корее вести лов рыбы в российских водах, включая зону Южных Курил, Япония отреагировала на такое решение крайне резко. В ноте протеста говорилось о том, что Япония не может согласиться с допуском судов третьих стран на промысел в район Южных Курил, поскольку это подрывает ее позиции в споре о принадлежности островов, тем паче что воды вокруг Южных Курил входят в эксклюзивную экономическую зону Японии (!)¹⁰⁰. Ответ России на наглый выпад самураев, оказался, к сожалению, неубедительным и невнятным. Российский МИД промывал что-то вроде того, что допуск судов третьих стран в район Южных Курил носит исключительно коммерческий характер.

Одновременно с провокациями и экономическим грабежом в российских водах Япония продолжала вести наступление и на других фронтах. Летом 1995 года японский парламент принял специальную резолюцию, обращенную к России, с требованием «возвратить» острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи. Это был уже 16-й документ подобного рода, но первый после развала СССР. По свидетельствам корреспондентов мировых информагентств, голосование в японском парламенте за принятие этой резолюции проходило под дикие вопли: «Банзай!» Осенью того же года влиятельная японская газета «Хоккайдо сим-

бун» провела в Госдуме РФ опрос среди российских политиков с целью выяснить их позицию по так называемой проблеме северных территорий. Опрос весьма обескуражил корреспондентов японской газеты, поскольку даже представители партии «Демократическая Россия» вдруг заявили: «Курильские острова — территория России. Наша партия ставит целью преимущественное развитие Дальнего Востока, включая Курильские острова»¹⁰¹. С досады за отсутствие среди российских политиков толп отщепенцев «Хоккайдо симбун» откровенно написала, что в создавшейся ситуации «японское правительство правильно поступает, подспудно увеличивая прояпонскую группу среди депутатов Госдумы»¹⁰².

В 1997 году в Красноярске, а затем в 1998 году в Каване состоялись так называемые встречи без галстуков президента Б. Ельцина и премьер-министра Р. Хасимото. На этих встречах была достигнута устная договоренность «приложить все силы для того, чтобы на основе Токийской декларации достичь к 2000 году заключения мирного договора»¹⁰³. Однако эти словесные договоренности двух государственных деятелей не были закреплены официальными протоколами и соглашениями, а значит, не имели никакой ценности и юридической значимости¹⁰⁴. В результате двух неформальных встреч, пожалуй, единственное, что полезного получили японцы, в частности Хасимото, так это расписной деревянный ковшик, который ему подарил Ельцин.

В дальнейшем российская сторона предложила Японии приступить к разработке широкоформатного документа под названием «Договор о мире, дружбе и сотрудничестве», в котором предполагалось отразить и вопрос о границах. Однако это компромиссное предложение «было отклонено японской стороной как неприемлемое для нее ввиду неопределенности от-

носителем удовлетворения японских претензий на все российские Южные Курилы»¹⁰⁵.

Настырные территориальные домогательства Японии продолжились и при новом президенте России В. Путине, причем на этот раз японцы действовали со свойственной им изощренностью и коварством.

Осенью 2000 года была подписана «Программа российско-японского сотрудничества по развитию современной хозяйственной деятельности на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи». В том же году в Москве на русском языке вышла книга «Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. 88 вопросов от граждан России», изданная Научно-исследовательским советом по вопросам национальной безопасности Японии. Авторы «Вех...» не только утверждали, что «северные территории» — исконно японские земли, но и ставили под сомнение принадлежность России Южного Сахалина, показывая тем самым истинные намерения, которые движут самураями при реализации российско-японской программы по совместной деятельности на Южных Курилах. В книге, в частности, говорилось, что «совместное японо-российское экономическое освоение «северных территорий» будет осуществляться таким образом, что российская сторона предоставит землю и дешевую рабочую силу, а японская — все остальное: капиталовложения, технику, технологию и рынок. В результате совместного экономического освоения под руководством Японии и в связи с возрастанием ее экономической мощи северные острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп постепенно перестают отличаться от территории Японии. Затем в определенный момент эти острова становятся территорией Японии, и происходит их возвращение Японии как юридически, так и формально»¹⁰⁶.

На самих Южных Курилах в течение 2000—2004 годов японцы усилили подкуп местных жителей и дав-

ление на них. Организация под названием «Всеяпонский совет по развитию связей с четырьмя северными островами» активизировала поставку на острова «гуманитарных» грузов и проведение так называемых ознакомительных поездок курильчан на Хоккайдо.

«Для захвата Курил японцы уже длительное время используют хитро устроенную индустрию морального и материального пленения островитян, — сообщалось в одной газетной публикации начала 2000-х годов. — И делается это зачастую под весьма благовидной крышей укрепления дружбы и братства, безвизового обмена. Но очень многие островитяне уплывают «туда» русскими, а возвращаются уже наполовину японцами. Кунаширец Сергей Киселев, плававший на Хоккайдо, рассказывал, что по ту сторону пролива островитян изощренно обрабатывают демонстрацией «японского рая». Получив такой «наркотический укол», россиянин приплывает к угрюмому и голодному родному берегу с яростным желанием жить так, «как они». А с того берега ему нашептывают: «Если хочешь так жить, борись за то, чтобы твоя земля стала японской»¹⁰⁷.

Однако в последнее время, помимо «пряника», самураи уже применяют и «кнут». Так, отдельные японские «туристы», посещая Южные Курилы, вербуют местную пьянь и уголовников с тем, чтобы те избивали патристически настроенных островитян, и прежде всего ветеранов Великой Отечественной войны. Более того, группы злобных стариков из недобитых солдат и офицеров Квантунской армии, стуча костылями и клюшками, нередко устраивают на островах скандалы, требуя от настоящих хозяев убираться вон.

С 2004 года территориальные домогательства Японии приняли беспрецедентный характер. Нынешний японский премьер-министр Д. Коидзуми сделал вопрос о возвращении островов краеугольным камнем своей политики. Сразу же после его избрания премьер «назвал Курильские острова исконно японской

территорией и заявил, что ни о каком компромиссе в этом вопросе и речи быть не может»¹⁰⁸.

Дипломатический нажим на Россию еще больше усилился осенью 2004 года, после заявления главы российского МИДа С. Лаврова о том, что в Москве готовы к подписанию российско-японского мирного договора, поскольку заинтересованы в урегулировании отношений с Японией. Для этого России, по мнению министра, необходимо признать Декларацию 1956 года, в соответствии с которой два острова Южных Курил могут быть переданы Японии. На предложение Лаврова японская сторона отреагировала откровенно и однозначно — отказом. Премьер-министр Коидзуми заявил, что не может согласиться с возвращением всего лишь двух островов. «Мы придерживаемся того, что мирный договор может быть заключен только после того, как будет решена судьба всех четырех островов», — сказал на пресс-конференции японский премьер¹⁰⁹.

Японофилу Лаврову ответили и русские патриоты. «Мы заявляем, что в случае проведения переговоров с Японией по вопросу передачи ей южных Курильских островов, а тем более в случае подписания договора об их передаче без согласования с населением Сахалинской области, мы оставляем за собой право призвать население к гражданскому неповиновению. Мы заявляем, что в случае передачи Курильских островов Японии мы оставляем за собой право обратиться к Федеральному собранию РФ с требованием об отрешении от должности президента Путина В.В. по обвинению в государственной измене. Мы призываем политические партии, общественные организации, всех, кто неравнодушен к судьбе России, кто согласен с нами, поддержать нас и проявить свою волю», — с таким заявлением в ноябре 2004 года выступила патриотическая сахалинская организация «За неотделимость российских восточных территорий»¹¹⁰.

В настоящий момент в споре за Южные Курилы наступил короткий перерыв. Чем он закончится — вопрос, на который пока трудно дать ясный ответ. Предельно ясно только одно: то, о чем нас предупреждают западные аналитики, «многие японцы, правы они или нет, чувствуют, что время извинений прошло. Они стремятся быть гражданами «нормальной» страны. Они довольны тем, что премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми отказывается от пацифизма и робости, которые были девизом японской внешней политики со времен окончания войны»¹¹¹.

Это значит, что в ближайшее время самураи потянут свои загребушие лапы не только к Южным Курилам, но и далее — к северным островам Курильского архипелага, Сахалину, Камчатке, Приморью...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крылов К. Раздражитель // Спецназ России. 2004, ноябрь.

² Перепеченко В.П. Южные Курилы или «северные территории»? Вологда, 2001. С. 8.

³ Крылов К. Ук. соч.

⁴ Бондаренко О.Я. Известные Курилы: серьезные размышления о статусе Курильских островов. М., 1992.

⁵ Крылов К. Ук. соч.

⁶ Сопотко А.А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М., 1983. С. 172.

⁷ Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас. М., 1997. С. 18.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 15—16.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг. М., 1989. С. 188.

¹⁴ Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А., Плотников А.Ю., Сенченко И.А. Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002. С. 27—28.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 26.

¹⁹ Там же.

- 20 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 40.
- 21 Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 28.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 29.
- 24 Там же. С. 30.
- 25 Там же. С. 31.
- 26 Там же. С. 32.
- 27 Камчатка XVII—XX вв. ... С. 38.
- 28 Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 36.
- 29 Дьякова Н. На тихоокеанском рубеже // Граница России. 1996, декабрь.
- 30 Сергеев М.А. Оборона Петропавловска на Камчатке. М., 1952. С. 56—57.
- 31 Там же. С. 86.
- 32 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 42.
- 33 Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 52.
- 34 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 45.
- 35 Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891. С. 292.
- 36 Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1936. С. 22.
- 37 Новая история колониальных и зависимых стран. Том 1. М., 1940. С. 660.
- 38 Левицкий Н.А. Ук. соч. С. 41, 49.
- 39 Там же.
- 40 Там же. С. 332.
- 41 Там же. С. 332—339.
- 42 Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849—1911 гг. М., 1991. С. 477.
- 43 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 49.
- 44 Там же. С. 53.
- 45 Витте С.Ю. Ук. соч. С. 483.
- 46 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 46.
- 47 Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 229.
- 48 Там же. С. 230.
- 49 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 51—52.
- 50 Шулдяков В.А. Гибель сибирского казачьего войска. 1920—1922 гг. Книга 11. М., 2004. С. 555.
- 51 Кошкин А.А. Ук. соч. С. 16.
- 52 История войны на Тихом океане. Том 1. Агрессия в Маньчжурии. М., 1957. С. 344.
- 53 Кошкин А.А. Ук. соч. С. 37.
- 54 Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 53.
- 55 Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке: военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе—сентябре 1945 г. М., 1971. С. 289.
- 56 Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 53.
- 57 Бои у Хасана: Партийно-политическая работа в боевой обстановке. М., 1939. С. 365.

- 58 Катунцев В., Коц И. Инцидент: Подоплека хасанских событий // Родина. 1991, № 6—7.
- 59 На границе тучи ходят хмуро (О провокациях японской военной шины против СССР в 30—40-е гг.) // Граница России. 1996, ноябрь.
- 60 Кошкин А.А. Ук. соч. С. 86.
- 61 Там же.
- 62 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 55.
- 63 Там же. С. 64.
- 64 Там же. С. 64—65.
- 65 Кошкин А.А. Ук. соч. С. 92.
- 66 Там же. С. 105.
- 67 Внотченко Л.П. Ук. соч. С. 12.
- 68 История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 т. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980. С. 183—184.
- 69 Кошкин А.А. Ук. соч. С. 152.
- 70 История Второй мировой войны... С. 170.
- 71 Кошкин А.А. Отдавали и Хоккайдо... // Советская Россия. 1995, 27 июля.
- 72 Смирнов И. Десант на острова архипелага Хабомаи // Флот (историко-литературное приложение к Морской газете). 1995, 24 августа.
- 73 Там же.
- 74 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 203—206.
- 75 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 82.
- 76 Там же. С. 78.
- 77 Там же. С. 98—99.
- 78 Там же. С. 112.
- 79 Там же. С. 97.
- 80 Там же. С. 115.
- 81 Рощупкин В. В саду, где не цветет сакура // Граница России. 1996, октябрь.
- 82 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 129—130.
- 83 Там же. С. 130.
- 84 Там же. С. 131.
- 85 Там же. С. 122.
- 86 Рощупкин В. Ук. соч.
- 87 Зайцев Е.Б., Тамгинский И.И. Япония: снова путь милитаризма. М., 1985. С. 68—69.
- 88 Там же. С. 115.
- 89 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 124.
- 90 Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 67.
- 91 Там же.
- 92 Бондаренко О.Я. Ук. соч. С. 264.
- 93 Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 75.
- 94 Зиланов В.К. и др. Ук. соч. С. 158—159.
- 95 Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 77.
- 96 Рощупкин В. Японский десант в Приморье // Граница России. 1995, март.
- 97 Крылов Е. Остров разложения // Завтра. 2000, апрель.

⁹⁸ Рощупкин В., Михалев К. Токкосэны уходят в «Треугольник» // Граница России. 1995, май.

⁹⁹ Крылов К. Ук. соч.

¹⁰⁰ А Япония против! // Санкт-Петербургские ведомости. 2001, 21 августа.

¹⁰¹ Кошкин А.А. Дрейф вокруг Курил // Советская Россия. 1995, 21 октября.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 77.

¹⁰⁴ Зиланов В.К. Ук. соч. С. 161.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. 88 вопросов от граждан России. М., 2000. С. 101.

¹⁰⁷ Перепеченко В.П. Ук. соч. С. 68.

¹⁰⁸ Крылов К. Ук. соч.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Заявление СРОО «За неотделимость российских восточных территорий» // Южно-Сахалинск сегодня. 2004, 15 ноября.

¹¹¹ Опасности японского поиска нормальности // Санкт-Петербургские ведомости. 2005, 5 марта.

Глава 2

ДОЛГО БУДЕТ КАРЕЛИЯ СНИТЬСЯ?

О чем кукуют финские «кукушки»

Карельский перешеек расположен между Финским заливом и Ладожским озером, его площадь составляет 15 тыс. кв. км, протяженность с запада на восток 55—110 км, с севера на юг — 150—180 км. На территории перешейки расположены Выборгский, Приозерский и Всеволожский районы Ленинградской области, где проживает 414 тыс. человек. Территория Карелии берет свое начало на Ладожско-Онежском перешейке и простирается в северном направлении до Кандалакшского залива Белого моря. Ее площадь составляет 172,4 тыс. кв. км, где проживает 800 тыс. человек.

Главная отрасль промышленности Карельского перешейка и Карелии — лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, работающая на местном сырье. Достаточно сказать, что только в Выборгском районе Карельского перешейка расчетная лесосека составляет 588 тыс. кубометров древесины в год. Кроме того, Карельский перешеек и Карелия располагают значительным потенциалом в горнодобывающей, металлообрабатывающей промышленности, черной и цветной металлургии, транспортном машиностроении, рыболовстве, сельском хозяйстве и т. д. На Карельском перешейке ведется строительство не-

скольких важных стратегических объектов — нефтеналивного терминала в Приморске и международного грузопассажирского аэродрома «Вещево». Первая очередь терминала в Приморске уже пущена в эксплуатацию (в первом квартале 2005 года грузооборот порта составил 33 млн. 962 тыс. тонн; за этот период порт посетило 140 крупнотоннажных танкеров). Первый этап строительных работ в «Вещево», рассчитанный на прием 48 тыс. тонн грузов и 150 тыс. пассажиров в год, практически завершен несколько лет назад. Окончательный — третий этап работ — планируется завершить до 2010 года. Большие перспективы открываются перед морским портом в Высоцке, где разворачивается строительство терминала по перевозке экспортных грузов.

На Карельском перешейке разрабатываются месторождения строительных материалов: 22 месторождения строительного камня, 11 — облицовочных материалов, 9 — строительных песков. Самое крупное месторождение гранита — Кузнечное, имеет запасы около 5,5 млн. кубометров, значительны запасы кирпично-черепичных глин и песчано-гравийных материалов. Ведутся поиски месторождений алмазов и нефти. Открыты месторождения железных и хлоридно-натриевых подземных вод. Комплексные исследования пресных подземных вод Ленинградской области, проведенные в 1996 году, выявили на территории Карельского перешейка настолько большие запасы подземных источников, что их хватит даже на централизованное водоснабжение Петербурга. В Карелии находятся огромные запасы леса, пресной воды и полезных ископаемых: железных руд, никеля, хромита, слюды, марганца, строительных материалов и т. д.

На территории Карельского перешейка расположено свыше 100 садоводств, множество санаториев и баз отдыха петербургских предприятий. Имеются многочисленные курорты: Зеленогорск, Репино, Сол-

нечное и др. В Карелии широкую известность имеют курорты Марциальные Воды и Сортавала.

Карельский перешеек и Карелия издавна привлекают охотников, рыбаков и туристов. Здесь находятся многочисленные историко-культурные и природные памятники: Выборгский замок, Анненские укрепления, парк Монрепо, крепость Корела, Линдуловская роща, Коневецкий, Валаамский монастыри и т. д.¹

«Глупый и спившийся народ» и его история до присоединения к России

Некоторые малосведущие историки полагают, что приоритет расселения на территории современного Карельского перешейка и Карелии принадлежит финноугорским племенам, в частности древней кореле. При этом они упорно развивают теорию о западно-финском происхождении племени, выступившего к XII веку вместе с другими финскими племенами сумь и емь в качестве сложившегося и развитого этнического образования, имеющего самобытную материальную культуру, мощное воздействие которой до настоящего времени ощущается в Северной и Северо-Восточной Европе. Тем самым авторы данных теорий, начиная от И. Коскинена, Я. Якколы и заканчивая современными финскими историками и их отечественными подпевалами, подчеркивают финский приоритет в принадлежности Карельского перешейка и Карелии.

Крупный отечественный ученый В. Паранин в своем исследовании «Историческая география летописной Руси» убедительно доказал, кому на самом деле в далекой древности принадлежали Карельский перешеек и Карелия. Со времен шерстистых носорогов и до IX—X веков, указывает ученый, и Карельский перешеек, и Карелия были заселены народом племени

русь (одно из славянских племен). При этом корелы как таковой вообще не существовало, а просто произошла смена «этноса своего имени вследствие меняющейся в регионе ситуации», то есть русь в определенный момент поменяла свое изначальное имя на корелу². Более того, Паранин аргументировано доказал, что ядро древнерусского государства формировалось на территории Карельского перешейка, а именно на острове, расположенном между Вуоксой (в те времена Вуокса была протокой, соединяющей Финский залив с Ладогой) и Невой. Ученый установил название этого острова — Гарда, «который и размерами, и ландшафтом, и географическим положением совпадает с островом Рус из арабских источников»³.

Впрочем, любому непредвзятому исследователю и без Паранина понятно, что в вопросе об исторической принадлежности Карельского перешейка, Карелии и даже собственно Финляндии — финнов, как претендентов на эти земли, следует сбросить со счетов. «По причине дикости и неразвитости местное население никогда не имело собственной государственности», — как верно указал на важнейшую черту финской истории исследователь И. Пыхалов⁴. Поэтому утверждать об исторической принадлежности этих территорий диким финским племенам может лишь дремучий невежда или финнофил. Это все равно что заявить о принадлежности саамам (лопарям) Кольского полуострова по причине их давнего кочевания по просторам Заполярья. Так что научные диспуты на тему древнейшей истории северной и северо-восточной Европы, скорее, удел российских, шведских, датских и норвежских ученых, поскольку история Финляндия по сути началась только после 1917 года.

С XII века племя корелы (бывшая русь) населяло Корельскую землю (Карельский перешеек, Приладожско-Онежский перешеек и пространства к северу и западу от современного Выборга до реки Кюмийоки

в восточной Финляндии) и находилось под властью Новгородского государства. Взаимоотношения Новгорода с многочисленными племенами, входившими в состав Новгородского государства, носили специфический характер и кардинально отличались от колониальной политики, например, Швеции. Новгородцы на подвластных землях, как указывает историк И. Шаскольский, не ломали исконный уклад жизни, не учреждали сразу своей администрации, не строили замков и крепостей, не вводили свои войска. Было достаточно, чтобы племя признало себя зависимым и соглашалось на уплату дани. Никаких иных форм подчинения новгородцам не требовалось⁵. Такая мягкая колониальная политика стала причиной того, что ряд современных финских историков выдвинули бредовую теорию, по которой Корельская земля в XII—XIII веках не находилась в зависимости от Новгородской феодальной республики и племя корелы в этот период якобы вело самостоятельную политику. Эта несостоятельная теория была полностью разгромлена ученым И. Шаскольским и честными финскими исследователями Х. Киркиненем и Э. Кууйо, но, даже несмотря на это, дилетанты продолжают настырно бубнить о какой-то независимости корелы. Однако прислушиваться к мнению чудаковатых исследователей совершенно необязательно.

В середине XII века Швеция приступила к покорению территории, на которой проживало финское племя сумь. В 1155—1157 годах шведы полностью захватили земли племени (юго-западная Финляндия). Новгородская феодальная республика вступила в вооруженную борьбу со шведскими рыцарями, представлявшими опасность для ее торговых и политических интересов.

В первой половине XIII века Швеция вторглась в центральную часть южной Финляндии — на земли финского племени емь, также находящегося под вла-

стью Новгородского государства. В 1249 году шведы покорили дикую ешь и вышли на границы Корельской земли по реке Кюмийоки. С этого момента, как отметил историк И. Шаскольский, территория корелы становится главным объектом экспансионистских устремлений шведских феодалов⁶.

В 1293 году в Швеции сложилась обстановка, благоприятствующая организации большого завоевательного похода в Корельскую землю. Поход был направлен на захват новгородских владений в западной Карелии и «создание шведского форпоста в опасной близости от жизненно важной артерии новгородской внешней торговли — реки Невы»⁷. Летом многочисленное шведское войско высадилось в Выборгском заливе и штурмом овладело корельским населенным пунктом на нынешнем Замковом острове⁸. На нем завоевателями был заложен замок, который должен был прочно закрепить в шведских руках берега Выборгского залива и всю западную Карелию (замок, многократно перестраивавшийся, сохранился до наших дней).

Ранней весной 1294 года новгородское войско выступило в поход против шведского форпоста, но он закончился неудачей, что имело далекоидущие последствия. Шведы, отбив штурм новгородцев, укрепили Выборгский замок, превратив его в сильную крепость, опираясь на которую они расширили свои захватнические действия. В течение 1294 года шведы подчинили себе всю Западную Карелию, а в 1295 году предприняли попытку распространить свое господство на территории, прилегающие к Ладожскому озеру.

Захват шведскими рыцарями побережья Выборгского залива и сооружение Выборгского замка, пишет историк И. Шаскольский, были не только ударом по власти Новгорода в Корельской земле. Закрепление шведов на ближайших подступах к Неве стало

представлять большую угрозу для жизненных интересов Новгородского государства⁹.

Между новгородцами и шведами началась многолетняя борьба за Корельскую землю, которая завершилась в 1323 году подписанием мирного договора, вошедшего в историю под названием Ореховецкого.

Отошедшая к Швеции, в соответствии с этим мирным договором, Западная Карелия и жившие там группы племени корела (привыборгская и присайминская) постепенно попали под влияние финских племен и, утратив свои старые племенные отличия, слились с финнами. Из племен сумь, емь и из двух западных групп племени корела стала формироваться финская народность. Огромное влияние на ее формирование оказала Швеция.

Однако основная часть Корельской земли — восточные территории Карельского перешейка и Приладожская Карелия остались в составе Новгородского государства. Из корелы, живших на этих территориях, сформировалась карельская народность, становление которой проходило под воздействием русского народа и его высочайшей культуры.

Между тем граница, установленная Ореховецким договором, с самого начала была вынужденной и компромиссной, не устраивающей обе стороны. Поэтому военные действия между русскими и шведами за овладение всем Карельским перешейком продолжались с более или менее длительными перерывами до начала XVII века.

В 1617 году между Россией и Швецией был заключен Столбовский мирный договор, в соответствии с которым наша страна потеряла Ижорскую землю (с городами Ям, Копорье, Ивангород, Орешек), крепость Корелу на Карельском перешейке и оказалась отрезанной от выхода к Балтийскому морю. «Русские — опасные соседи... а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Бал-

тийское море... У России отнято море, и, бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек», — радостно заявил, выступая в риксдаге, шведский король Густав-Адольф¹⁰.

К этому времени полностью сформировавшаяся финская народность уже несколько столетий находилась под властью шведов, а сама территория проживания финнов оставалась захудалой шведской провинцией, известной под названием Шведской Финляндии.

С порабощенными финнами завоеватели особо не церемонились, хотя и разрешили им в 1362 году участвовать в выборах шведского короля. Больше других, пожалуй, не жаловал местное население маршал Т. Кнутссон, традиционно считающийся основателем Выборгского замка. Известно, что этот шведский завоеватель люто ненавидел финнов и относился к ним хуже, чем к собакам. Жестокие расправы маршала, которые он чинил над финским населением, вызывали ужас и негодование в тогдашней Европе. Что удивительно, но в 1908 году на Крепостной площади Выборга с невероятной помпой был установлен памятник этому шведу. Создал его финский скульптор В. Вильгрэн, потомок тех, кого в свое время нещадно угнетал маршал-финнофоб. В 1948 году умные люди убрали бронзовый китч с пьедестала. Но в начале 90-х годов (не без стараний финнофильствующих личностей) монумент отыскивали, отреставрировали и вновь водрузили на прежнее место, безнадежно испортив целостность и гармоничность архитектурного ансамбля исторической площади.

После смерти маршала-финнофоба шведские правители относились к своим финским подданным без явной ненависти и злобы. Эти сильные чувства сменялись у шведов брезгливостью и холодным презрением. «Говорили много о храбрости крестьян Саво-лакса (одна из областей Финляндии. — В.С.), выка-

занной ими будто бы в борьбе против русских; на самом деле они выказывали гораздо более неверности по отношению к королю и отечеству, нежели стойкости и находчивости... Одним словом, мы можем сказать одно, что это — глупый и спившийся народ, у которого нет ни рассудка, ни совести», — такой характеристикой удостоил финских подданных в одном из своих писем шведский король Густав Ваза в период Русско-шведской войны 1555—1557 годов¹¹. Во время посещения Выборга осенью 1555 года Ваза был шокирован антисанитарным состоянием города, где большинство горожан были финнами. «Я никогда не видел такой нечистоплотности, как здесь», — в ужасе писал король одному из членов Государственного Совета Швеции¹². Спустя несколько десятилетий генерал-губернатор Шведской Финляндии Пер Браге отметил, что финское население провинции «проявляет изумительную косность, непредприимчивость и склонность к пьянству»¹³.

Судьба финского народа под властью Швеции была бы трагичной. Финны определенно бы спились, деградировали и растворились в своих болотах, но, видимо, провидению было угодно, чтобы в 1700 году царь Петр I начал войну за выход России к Балтийскому морю.

Весной 1710 года русские войска осадили шведскую крепость Выборг, которую защищал гарнизон в составе 4 тыс. солдат, 141 пушки, 8 мортир и 2 гаубиц¹⁴. На «генеральном консилиуме» (военном совете) в русском лагере было решено «оную крепость доставать штурмом»¹⁵. 13 июня крепость капитулировала, победителям досталась богатая военная добыча, в том числе вся крепостная артиллерия. Петр I придавал взятию Выборга чрезвычайно большое значение, неоднократно подчеркивая в своих письмах: «И тако чрез взятие сего города Санкт-Петербурху конечное безопасение получено»¹⁶. После падения

Выборгской крепости часть русских войск была перебросена под Кексгольм (Корелу), шведский гарнизон которого сдался осенью того же года.

В ходе кампании 1713 года русские войска заняли Гельсингфорс (Хельсинки), Або (Турку) и нанесли серьезное поражение шведам в сражении на реке Пелкина. Новая кампания 1714 года закрепила предыдущий успех русских. Шведы потерпели сокрушительное поражение в морском сражении при Гангуте и в сражении под деревней Липпола (в этом бою участвовало и финское ополчение, которое, по отзывам шведов, больше мешалось и путалось под ногами, нежели оказывало действенную помощь). Русские войска взяли сильно укрепленную крепость Нейшлот и к осени этого года овладели всем восточным побережьем Ботнического залива.

Летом 1721 года между сторонами был подписан «вечный истинный и ненарушимый мир на земле и на воде»¹⁷. В соответствии с Ништадтским мирным договором к России отошли Лифляндия, Эстляндия, Ижорская земля и часть Карельского перешейка с городами Выборг и Кексгольм. «Николи наша Россия такого полезного мира не получала», — отметил результат многолетней войны царь Петр I¹⁸. Тем не менее большая часть Шведской Финляндии все еще оставалась под властью шведов.

После смерти Петра Великого очередная русско-шведская война началась в период правления его младшей дочери Елизаветы Петровны. В 1741—1743 годах вся территория Шведской Финляндии была занята русскими войсками. В марте 1742 года русская императрица обратилась к финскому населению «с особым манифестом, в котором обещала им свое покровительство, если они не станут воевать с русскими»¹⁹. В случае желания финнов отделиться от Швеции Елизавета Петровна была готова создать из шведской провинции самостоятельное государство,

дружественное России. Однако из этой затеи ничего путного не получилось. По мнению современных шведских историков, русское предложение о самостоятельном государстве было в то время неприемлемо для финнов ввиду их многовековой привычки жить под властью «чужого дяди». В 1743 году в Або между Россией и Швецией был подписан мирный договор. В соответствии с ним Россия получила Кюменегордскую губернию и город Нейшлот. Жители города написали Елизавете Петровне письмо, в котором выразили чувства искренней благодарности за присоединение к России. Однако с остальной территории Шведской Финляндии русские войска пришлось вывести.

Во времена Екатерины II шведский король Густав III попытался взять реванш за прошлые поражения. В 1788 году началась новая шведско-русская война. Военные действия продолжались довольно вяло в течение нескольких лет без видимого перевеса одной из сторон. Во время войны в шведской армии созрел заговор. Была создана Аньяльская конфедерация офицеров, состоящая из уроженцев Финляндии, которые протестовали против ведения войны без согласия на то риксдага, требовали отречения короля Густава III и отказывались участвовать в боевых действиях против русской армии. Эта конфедерация, во главе с прогрессивными деятелями К. Кликом и Г. Егергорном, начала сепаратные переговоры с правительством Екатерины II о переходе провинции, как отдельного герцогства, под протекторат России с полным отделением от Швеции. Однако русская императрица отклонила предложение финских офицеров. Аньяльское движение было жестоко подавлено, но «все же оно сильно ослабило шведскую армию, нанесло Швеции непоправимый морально-политический урон, подорвало престиж Швеции как сильного государства в Европе и в целом способствовало

свертыванию Швецией военных действий против России»²⁰. В 1790 году был заключен Верельский мирный договор, согласно которому русско-шведские границы остались без изменений.

В начале XIX века постоянная угроза шведской агрессии вблизи столицы Российской империи переполнила чашу терпения русского правительства. Императором Александром I было принято твердое решение о закрытии «шведского вопроса» и полном присоединении Шведской Финляндии к России. Во многом такому решению способствовал Тильзитский мирный договор, заключенный в 1807 году между Россией и Францией, который коренным образом изменил расстановку политических сил в Европе. Во время переговоров в Тильзите Наполеон I указал русскому императору на необходимость присоединения Шведской Финляндии. «Шведский король, — говорил Наполеон, — в каких бы отношениях случайно к вам ни находился, постоянно он ваш неприятель географический. Петербург слишком близко к шведской границе, петербургские красавицы не должны больше из домов своих слышать грома шведских пушек»²¹. Согласно одному из секретных условий Тильзитского договора Россия получила право отобрать провинцию у Швеции, если последняя откажется присоединиться к союзу Франции и России против Англии²². В сентябре 1807 года Швеция отклонила предложение Александра I о присоединении к антианглийской коалиции.

В феврале 1808 года русский корпус в составе трех дивизий общей численностью в 24 тыс. человек перешел шведскую границу и начал военные действия. Противостояли русским шведские войска, состоящие из финских территориальных частей и названных по месту их комплектования: Эстероботнийского, Бьернеборгского, Абоского, Нюландского, Тавстагустского пехотных полков, Каянского пехотного батальо-

на, Нюландского и Карельского драгунских отрядов и так называемых вербованных войск, сформированных из асоциального сброда и солдат-перестарков, общей численностью в 20 тыс. человек²³. Незадолго до перехода границы в Петербурге было опубликовано воззвание к финскому народу, содержащее обещание созвать сейм и одновременно провозглашавшее присоединение Шведской Финляндии к российской империи «наравне с остальными завоеванными провинциями Российского государства»²⁴.

В начале марта русский кавалерийский отряд под командованием Орлова-Денисова внезапным налетом захватил Гельсингфорс, взяв 124 пленных и большие трофеи. В течение марта русские заняли Тавастгуст, Або, Берьенборг, Куопио, Ваза, Аландские острова и осадили Свеаборг. 16 марта 1808 года в Санкт-Петербурге была издана Декларация о покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России, которая, в частности, гласила: «Отныне часть Финляндии, известная под наименованием Шведской Финляндии (юго-западная часть), занятая русскими войсками, понесшими потери в людской силе и издержки материального порядка, признается областью, покоренной силой русского оружия, и навсегда присоединяется к Российской империи»²⁵. Эта Декларация являлась односторонним актом России и ясно указывала, что завоевание всей Шведской Финляндии предрешено, независимо от того, как будут развиваться дальнейшие военные действия. В том же месяце Декларация была закреплена манифестом Александра I, а сам император принял титул великого князя Финляндского.

К лету 1808 года русские войска, несмотря на ряд поражений под Револаксом, Пулькило, оставление Куопио и Аландских островов, овладели мощной крепостью Свеаборг и заняли большую часть Шведской Финляндии.

Летом главнокомандующий русскими войсками генерал Ф. Буксгевден, получив подкрепления общей численностью 11 тыс. человек, перешел в наступление. Однако к этому времени обстановка резко изменилась: «в глубинных районах развернулось успешное партизанское движение финнов, особенно в тылу русских войск, которые, опасаясь быть отрезанными от коммуникаций и снабжения с Россией, начали поспешно отступать из северо-западных районов» и из района Эстерботнии в южную часть провинции²⁶.

В начале сентября 1808 года отступление русских войск было приостановлено, а затем части под командованием генерала Н. Каменского перешли в наступление и нанесли противнику в сражениях при Курортанском озере и при Оравайсе жестокие поражения. Разгром шведов при Оравайсе имел решающее значение. После него шведская армия в значительной степени утратила свою боеспособность, а партизанское движение резко пошло на убыль и вскоре совсем прекратилось²⁷. В конце сентября в результате осенней распутицы обе стороны были вынуждены прекратить военные операции. На мызе Лахтая главнокомандующие русской и шведской армиями заключили между собой Соглашение о полевом перемирии. Соглашение было заключено на неопределенное время, и стороны обязались предупредить друг друга о возобновлении военных действий за восемь дней до их начала.

Но поскольку это соглашение было самодеятельностью двух главнокомандующих, 15 октября 1808 года, по указанию из Петербурга, русские войска вновь атаковали противника. Под напором генерала Каменского шведы оставили позиции у Иденсальми, Химанго, Пухайоки и Брагештедте, отступив в Улеаборгскую губернию. Однако из-за общей усталости войск темп русского наступления снизился, и Каменский принял решение о заключении с противником нового вре-

менного перемирия, получив на это согласие Комитета военных министров в Петербурге.

19 ноября в небольшой деревушке на реке Паттий-оки между сторонами было заключено Олькиокское перемирие. На основании этого документа шведы отводили свои войска за реку Кеми. Русские войска занимали город Улеаборг, выставляли сторожевые посты на берегах Кеми, но не имели права продвигаться в направлении Лапландии и Торнео. Перемирие было заключено на один месяц, но затем продлено на более продолжительное время.

В марте 1809 года, по истечении срока перемирия, русская армия возобновила военные действия. По плану кампании войска должны были двигаться по трем направлениям: из Або на Аландские острова и далее к берегам Швеции, из Ваза через пролив Северный Кваркен — самую узкую часть Ботнического залива — на Умео и из Улеаборга на Торнео и Умео. Основной задачей этого плана являлось перенесение боевых действий на территорию коренной Швеции, чтобы заставить шведского короля заключить мир до наступления навигации²⁸. Успешными действиями русские войска создали реальную угрозу взятия Стокгольма и вынудили шведскую сторону начать переговоры. 16 марта в Борго был созван сейм из представителей всех сословий финского общества. На открытии сейма Александр I заявил в своей речи: «Я обещал сохранить вашу конституцию, ваши коренные законы, ваше собрание здесь удостоверяет исполнение моих обещаний»²⁹. В конце марта между Россией и Швецией было подписано Аландское соглашение о перемирии, которое продолжалось до апреля.

В апреле 1809 года, ввиду упорного нежелания шведов приступить к мирным переговорам, русские войска вновь начали «уговаривать» их силой оружия. Военные действия на территории Швеции велись до августа 1809 года и завершились подписанием Фрид-

рихсгамского мирного договора, согласно которому вся Шведская Финляндия и Аландские острова отошли к России.

Светлый путь и черная неблагодарность

В 1809 году в состав Российской империи вошло новое государственное образование — Великое княжество Финляндское, общая площадь которого в начале XIX века определялась в 340 тыс. кв. км, а численность населения составляла 909 тыс. человек (из них около 86% — финны, 13,6% — шведы и 0,4% — другие народности, главным образом русские)³⁰.

С этого момента начал оформляться особый статус Великого княжества, который заключался в непрерывном потакании Александром I своим новым подданным, зачастую в ущерб государству и русскому народу. Впрочем, особенно удивляться тут нечему, поскольку вся политика российских императоров XIX — начала XX веков (за редким исключением) строилась на ублажении поляков, прибалтов и прочих нацменов, которые как тогда, так и сегодня платили и платят нам черной неблагодарностью.

Об особом статусе Великого княжества Финляндского существуют вагоны исследовательской литературы, поэтому нет смысла пересказывать все монаршие милости, перепавшие на долю финнов с момента образования княжества. Достаточно сказать, что в отличие от шведов российские власти выпестовали финскую государственность, привели финский народ к цивилизации и прогрессу. За 108-летнее пребывание в составе Российской империи Великое княжество успело получить столько благ, сколько не получало за все время своего нахождения под грубым шведским ботфортом.

Но вместо чувства искренней благодарности фин-

ны испытывали к России невероятную злобу и ненависть. Эти черные чувства у них присутствовали постоянно (вспомните характеристику Вазы: «Народ, у которого нет ни рассудка, ни совести»), но махровым цветом русофобия начала расцветать с середины XIX века. Толчком к этому послужило создание в 1830-х годах «Финского литературного общества», положившего начало национальному движению в среде финской интеллигенции. Сторонники этого движения получили название «финноманов», признанным лидером которых стал И. Снельман, бывший директор гимназии. Кредо этой публики сформулировал приват-доцент Гельсингфорсского университета А. Арвидсон: «Мы не шведы, русскими мы не желаем жить, а потому будем финнами»³¹. В 1834 году «финноманы» приступили к изданию журнала «Литературный листок», где пропагандировали идеи финского возрождения, переполненные русо- и шведофобией. Против шведов, проживающих в Великом княжестве, финны окрысились из-за того, что тем были совершенно чужды идеи финского возрождения. Они даже организовали свое движение так называемых «шведоманов», мечтающих о возвращении бывшей провинции под власть Швеции. Нередко политические споры между «финноманами» и «шведоманами» заканчивались потасовками. Но как бы при этом они ни волтузили друг друга, русофобия у «финноманов» всегда оставалась на первом месте.

Правда, в отличие, скажем, от поляков финны действовали хитро и свои антирусские настроения старались до поры до времени держать в определенных рамках. Так, во время польского мятежа 1863 года, когда обезумевший А. Герцен в газете «Колокол» требовал убивать «проклятых русских офицеров, гнусных русских солдат»³², в Великом княжестве обошлось без волнений.

Однако вскоре финская ненависть начала проры-

ваться наружу. Это выражалось как в возмущенных воплях по поводу строительства железной дороги между Петербургом и Великим княжеством с колеей неевропейского образца, так и в установке безвкусных памятников, посвященных победам, одержанным в свое время шведскими войсками над русскими.

В конце 1870-х годов финское национальное движение консолидировалось. С этого момента в употребление вошло понятие Финская партия (ФП), под которым понимались все политические группировки, выступавшие с пропагандой финской национальной идеи (в 1881 году появилась Шведская партия, выступающая в защиту интересов шведскоязычного населения, притесняемого финнами). В 1894 году из Финской партии выделились так называемые младофинны, оформившиеся в Младофинскую партию (МФП) (членов ФП стали именовать старофиннами). Следом в Великом княжестве начали создаваться политические рабочие организации, в том числе Рабочая партия, в 1903 году переименованная в Социал-демократическую партию Финляндии (СДПФ).

Несмотря на отдельные разногласия между этими политическими организациями, общим для них оставалась зоологическая русофобия и пещерная ненависть к России. Современник писал о Великом княжестве конца XIX века как о стране, где «все русское чуждо, ко всему русскому относятся враждебно. Здесь достаточно быть русским, чтобы на каждом шагу встретить притеснения, неправду и злобу, если не всего населения, то всей интеллигенции без исключения»³³.

В 1899 году лидеры ФП, МФП и Шведской партии сформировали так называемый Конституционный блок для пассивного сопротивления российским властям. Для координации подрывной деятельности Конституционного блока был создан руководящий подпольный центр — «Кагал». Через пять лет наиболее русофобствующими политическими деятелями была образо-

вана подпольная Партия активного сопротивления Финляндии, выступавшая за вооруженные методы борьбы вплоть до террора (к этому моменту финские партии имели тесные связи с российскими оппозиционными организациями)³⁴.

На рубеже XIX—XX веков российские власти предприняли попытку приструнить не в меру распоясавшихся финских русофобов. Инициатором давно назревших мер выступил генерал-губернатор Великого княжества и командующий войсками Финляндского военного округа генерал-адъютант Н. Бобриков. В августе 1898 года он представил императору Николаю II записку, где изложил свою программу действий. В ней Бобриков, в частности, предлагал ограничение прав финского сейма, введение русского языка в делопроизводстве, расширение прав русских при поступлении на службу, упразднение финской таможни, финской денежной единицы — марки и другие меры³⁵.

Получив одобрение императора, Бобриков начал энергично проводить свою политику. Действия генерал-губернатора вызвали мощнейший протест финской общественности. С особой яростью русофобы восприняли указ о запрещении назначения на высокие руководящие посты лиц, не владеющих русским языком, введение русского языка в делопроизводство, «чистку» государственных учреждений от русофобствующих типов и назначение на их должности русских чиновников, а также создание русской «Финляндской газеты». Не меньшую злобу в Великом княжестве породило упразднение Бобриковым Финского кадетского корпуса, кригс-комиссариата, милиционной экспедиции Сената и национальных финских войск, представляющих собой воинский контингент, функционирующий по собственному уставу и правилам. В 1903 году специальным Положением в руках генерал-губернатора Бобрикова была сосредоточена вся полнота власти в Великом княжестве, в том числе

право закрывать торговые и промышленные заведения, частные общества и высылать за границу в административном порядке вредный элемент, особо негативно влияющий на обстановку.

Однако осуществить полностью программу политических и социальных мер по обузданию финских русофобов Бобрикову, к сожалению, не удалось. Летом 1904 года в здании финского сейма он был смертельно ранен выстрелом из револьвера. Стрелял в русского патриота-государственника некий Е. Шауман, сын бывшего финского сенатора, казнокрада и ярого русофоба. Великовозрастный балбес, наслушавшись от изгнанного из власти родителя стенаний по поводу «проклятых руссы», «ущемляющих» права финнов, раздобыл револьвер, проник в здание сейма и произвел роковой выстрел.

Достойный сын русского народа Н. Бобриков с почестями был похоронен в Сергиевской пустыни близ Петербурга. Однако ненависть финских русофобов к этому человеку оказалась столь велика, что они мстили ему даже мертвому. В 1906 году верующими пустыни был задержан и сдан в полицию некий Саполайнен, осквернивший могилу застреленного генерал-губернатора. Впрочем, в современной Финляндии Бобрикова ненавидят ничуть не меньше, чем сто лет назад. В «табели о рангах» врагов финского народа он занимает почетное третье место, после Сталина и Петра Великого.

Во время Русско-японской войны 1904—1905 годов финская ненависть к России нашла выход в прямой поддержке вражеской стороны. К. Циллиакус, один из создателей Партии активного сопротивления Финляндии, установил связи с бывшим военным атташе Японии в Петербурге полковником М. Акаси, находившимся в это время в Стокгольме. Два русофоба разработали коварный план восстания, нацеленный на предательский удар в спину воюющей России.

План предусматривал сосредоточение доставленного из Европы оружия в окрестностях Петербурга и вооружение им асоциального элемента и отсталой части рабочих. Для того, чтобы ввести в заблуждение власти и заставить их рассредоточить войска гарнизона в удаленных местах, предполагалось произвести серию взрывов в окрестностях города³⁶. Правда, ни Циллиакус, ни Акаси не верили в успех восстания в Петербурге. Вооруженное выступление, по их мнению, должно было послужить детонатором взрыва в других регионах страны, в частности в Великом княжестве, поэтому часть оружия планировалось доставить на финское побережье³⁷.

«Исход Русско-японской войны имеет для Финляндии необыкновенное значение», — писал Циллиакус, получивший от японской разведки внушительную сумму денег для закупки оружия³⁸. Весной 1905 года в Европе было закуплено 15,5—16 тыс. швейцарских винтовок «Веттерли», 2,5—3 млн. патронов к ним, 2,5—3 тыс. револьверов «Веблей», три тонны взрывчатых веществ и т. д.³⁹ Летом того же года организаторами акции был куплен пароход «Джон Графтон», на котором предстояло доставить оружие к берегам России. Чтобы избежать случайной утечки информации, прежняя команда парохода была списана на берег. Ей на замену набрали команду из финнов и латышей, отъявленных русофобов.

В августе 1905 года «Джон Графтон» с грузом оружия на борту взял курс на Балтийское море. Выгрузка оружия в главном пункте — на острове Выборгского залива сорвалась из-за опоздания яхт, которые должны были участвовать в деле. Пароходу было предписано двигаться к финскому побережью Ботнического залива. В начале сентября 1905 года удалось выгрузить несколько партий оружия в районе городов Кемь и Якобстадт, а затем «Джон Графтон» наскочил на каменистую отмель и его пришлось взорвать. Команда,

проклиная «рюсся», ушла в Швецию на малотоннажных судах, принадлежащих местным жителям. Российским властям удалось захватить свыше 9,5 тыс. винтовок, всю взрывчатку, огромное количество патронов и других боеприпасов⁴⁰. Финским русофобам досталось всего 300 винтовок, которые эпизодически использовались ими для стрельбы по русским чиновникам и солдатам вплоть до 1918 года⁴¹. Интересно отметить, что российские власти проявили в отношении заговорщика Циллиакуса невиданный либерализм, хотя о его шашнях с японской разведкой стало известно еще в 1906 году. Тем не менее после провала своей авантюры этот злобный тип обрелся в Великом княжестве несколько лет и только в 1908 году под угрозой ареста был вынужден бежать за границу, где накропал пару лживых книг о своем участии в революционном движении.

С началом Первой мировой войны Великое княжество Финляндское захлестнула волна антирусских настроений. Прежде всего это было связано с тем, что война свела к минимуму рыболовство, прекратила морскую торговлю, вызвала дороговизну и недостаток продовольствия. К этому добавились налоги на развлечения, спиртные напитки, пассажирские билеты, телефон и выплата денежной воинской повинности, составляющая более 150 млн. финских марок (в 1905 году финские подданные были полностью освобождены от службы в армии, кроме немногочисленных офицеров)⁴². И помимо всего, большинство финского населения воспринимало войну с Германией как величайшее святотатство и неслыханное преступление против человечности, поскольку испытывало к немцам чувство трепетного подобоострастия.

В первую очередь финская ненависть коснулась русских жителей, которые, как и подобает патриотам, организовывали благотворительные спектакли в пользу Красного Креста, собирали денежные и вещевые

пожертвования для нужд действующей армии. В Великом княжестве русские патриотические начинания вызвали бурю негодования и их подчеркнутое игнорирование. Русофобы давились злобой и устраивали безобразные сцены. В Выборгской совместной школе, например, когда финские ученики смотрели на солдатские учения, проходящие под окнами класса, финка-наставница «разразилась целым потоком ругательств... как по адресу русских вообще, так и русских солдат в частности»⁴³. «Как вам не стыдно смотреть на русских, которые столь презренны в глазах каждого финна!» — выла мегера, готовая растерзать любопытных детишек⁴⁴.

Однако поступок 544 финских добровольцев, вступивших с начала войны в ряды доблестной русской армии, вызвал настоящий шок среди русофобов. Родные и семьи передовых представителей финского народа подвергались запугиванию и всяческим издевательствам. Так, в местечке Териоки (г. Зеленогорск) злобствующие личности не давали проходу престарелой матери добровольца В. Лейно. Тогда как другие финские добровольцы, тайно пробиравшиеся в Германию на службу в Королевский прусский 27-й егерский батальон, в глазах русофобов были воплощением чести и мужества. Боевые действия, которые вел этот батальон против русской армии на Рижском фронте, становились в Великом княжестве причиной многочисленных шабашей антирусской направленности.

В феврале 1917 года, после падения российского самодержавия, антирусские настроения в Великом княжестве резко пошли на спад. Вся публика, еще недавно не терпевшая «рюсся», практически в одночасье превратилась в русофилов. «Не далее как вчера финны ненавидели русских, — писал современник, — а сегодня они преданно заглядывают тебе в глаза, подобострастно улыбаются и стараются во всем угодить». Правда, вскоре финны вновь стали финнами —

угрюмыми и злобными русофобами, что было вызвано решительным нежеланием российского Временного правительства расширить и без того широкую автономию Великого княжества.

Однако с приходом к власти в России партии большевиков финны получили то, о чем еще недавно не могли и мечтать. В конце декабря 1917 года в революционном Петрограде членам финской правительственной делегации было вручено постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР о признании государственной независимости Финляндии.

«Получив документ, мы несколько изумились, так как не ожидали, что признание будет получено так быстро. Нечего и говорить о том, какое величайшее удовлетворение и радость испытали мы тогда, получив это первое признание независимости Финляндии», — позднее вспоминал член финской делегации К. Идман⁴⁵.

Вместе с получением государственной независимости начался и отсчет истории финской страны.

Маленькая, но очень вредная страна

Обретение долгожданной свободы обернулось для финнов тяжелейшим испытанием. Не прошло и месяца, как в Финляндии, оставшейся без необременительной опеки «старшей сестры», разразилась кровавая гражданская война, разделившая страну на два непримиримых лагеря — красных и белых.

Широко известно мнение о том, что эту войну спровоцировала партия Ленина, что по большому счету не соответствует действительности. На самом деле финны передрались сами по причине врожденной злобы и мизантропии, без сильного понуждения извне.

Не будем оспаривать тот факт, что после Февраль-

ской революции 1917 года руководители РСДРП(б) возлагали надежду на скорое свершение пролетарской революции в Финляндии. Некоторое время эта идея преобладала у них над всеми другими. При этом ставку в борьбе за власть большевики делали на СДПФ, с которой у них имелись многолетние связи.

Лидеры РСДРП(б) неоднократно обращались к руководству финских социал-демократов с предложением о вооруженном выступлении. Впервые это было сделано в июне 1917 года на IX внеочередном съезде СДПФ известной большевичкой А. Коллонтай. Затем, в сентябре этого года, В. Ленин, находясь в Выборге, призвал вождей финских пролетариев к энергичным действиям, не дожидаясь социалистической революции в России. «Вставайте, вставайте немедленно и берите власть в руки организованных рабочих!» — обращался к ним Ленин⁴⁶. В октябре 1917 года в Гельсингфорсе известные большевики И. Смилга, П. Дыбенко и левый эсер К. Шишко настойчиво убеждали руководителей СДПФ в необходимости захвата власти. В том же месяце социал-демократ К. Вийк получил от Ленина письмо, где содержалось очередное требование о выступлении. После Октябрьской революции 1917 года, когда члены СДПФ Ю. Сирола и Э. Хуттунен прибыли в красный Петроград с поздравлениями большевикам, Ленин вновь настаивал на вооруженном перевороте. В ноябре 1917 года вначале Ленин в письме, а затем И. Сталин, выступая на Чрезвычайном съезде СДПФ в Гельсингфорсе, опять убеждали финских товарищей в необходимости свершения революции. И, наконец, в декабре 1917 года В. Ленин и Л. Троцкий, принимая в Смольном делегацию финских социал-демократов, в очередной раз предлагали им захватить власть.

Однако в 1917 году, когда финская буржуазия была еще не готова к отпору, СДПФ так и не решилась на вооруженное выступление. Финские социал-демо-

краты, несмотря на крайне благоприятный момент и мощное давление со стороны как собственных пролетариев, так и российских большевиков, ссылаясь на различные, большей частью надуманные обстоятельства, тянули время. Нерешительность финских товарищей чрезвычайно раздражала лидеров РСДРП(б). Ленин, по воспоминаниям современников, был на них невероятно раздосадован и зол. «Рохли, мямли, неумехи, бездельники, шляпы» — такими эпитетами награждал Владимир Ильич руководство СДПФ. Позднее, кстати, финские социал-демократы, вспоминая те дни, жестоко сожалели о собственной нерешительности. «И по Финляндии пронеслось тогда дыхание революции, но мы не бросились ему навстречу с распростертыми крыльями, мы съежились, спрятав голову под крыло. Таким образом, ноябрьские дни были для нас не днями борьбы и победы, а днями позорной сдачи без боя», — писал о событиях осени 1917 года О. Куусинен⁴⁷.

После захвата власти в России большевики пустили финские дела на самотек, поскольку им стало не до Финляндии. По инерции они еще продолжали настаивать на революции, но делали это без прежней энергии и напора. Более того, выступление Сталина в Гельсингфорсе на Чрезвычайном съезде СДПФ завершилось скандалом. В кулуарах съезда Иосиф Виссарионович, темпераментный южный человек, наслушавшись от финских мямлей осторожных слов по поводу несвоевременности вооруженного выступления, вспылал, наговорил им резкостей и недовольный убыл в Петроград. В декабре 1917 года на встрече с делегацией СДПФ Ленин и Троцкий из уклончивых ответов делегатов окончательно убедились, что финская пролетарская революция дело нескорое, и махнули на нее рукой, тем более что обстановка в самой России начинала складываться далеко не в пользу советской власти.

Поэтому революция в январе 1918 года в Финляндии, когда отряды вооруженных финских рабочих захватили правительственные учреждения в Гельсингфорсе и было объявлено о переходе всей власти в руки Рабочего Исполнительного комитета, оказалась для большевиков полной неожиданностью. Например, Троцкий, как свидетельствуют очевидцы, был прямо-таки ошарашен известием о революции. Руководство РСДРП(б) несколько раз запрашивало свое финское представительство в лице Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, прежде чем убедилось, что это не какая-то гнусная провокация.

В общем, можно смело утверждать, что финская революция произошла без активного вмешательства со стороны большевиков и вопреки желанию рохлей из СДПФ. Революция свершилась спонтанно по инициативе финского рабочего класса и являлась составной частью общей революционной ситуации в Европе начала XX века.

Более того, победа рабочих в Гельсингфорсе не заставила лидеров РСДРП(б) впасть в эйфорию и бесцеремонно лезть во внутренние дела соседнего государства. В отличие, скажем, от Германии и Швеции, чье присутствие в финских делах с первых же дней было осязаемо и грубо.

Утверждения отдельных финских историков о непомерной военной помощи, которую большевики оказывали красным финнам, не отвечают действительности. «Оружие же поставлялось красным в огромном количестве, нашлись и стрелки, вдохновляемые идейными соображениями, деньгами или другими мотивами, в общей сложности около 9000 [тыс. человек]», — пишет один из таких ученых⁴⁸. Подобные утверждения абсурдны. Красные финны вооружались по другим каналам, прежде всего за счет разоружения противной стороны. Современники указывают, что за все время Гражданской войны из Советской России в

Финляндию было поставлено около 50 тыс. винтовок, 200 пулеметов, до 50 орудий, несколько аэропланов, соответствующее количество боеприпасов и два санитарных поезда⁴⁹.

Эти мелкие поставки оружия советской стороны, меркнут в сравнении с теми монбланами вооружения, которое имели в своем распоряжении белофинны. Еще до начала боевых действий осенью 1917 года они получили из Германии 6,5 тыс. винтовок, 6 млн. патронов, 30 пулеметов, 300 пистолетов-маузеров, 4,5 тыс. ручных гранат, более 3 тонн взрывчатых веществ, а также изготовили в подпольных мастерских 2,5 тыс. ручных бомб⁵⁰. В начале 1918 года белофинны только при разоружении русских воинских гарнизонов, расположенных на севере Финляндии, захватили около 2 тыс. винтовок, 32 пулемета, 10 орудий, 6 тыс. снарядов и большое количество динамита⁵¹. Не забудем и те 300 винтовок, которые они получили в свое время стараниями русофоба Циллиакуса! А когда развернулись боевые действия, поставки оружия белофиннам из Германии и Швеции в несколько раз превысили все вооружение, доставленное из Советской России. Уже в феврале 1918 года в Белой армии было 84 тыс. винтовок, более 100 пулеметов и 28 орудий⁵².

То же можно сказать и о количестве добровольцев, воевавших на стороне красных финнов. Приведенная финским историком цифра в 9 тыс. бойцов взята неизвестно с какого потолка. На самом деле добровольцев, прежде всего финнов из числа проживающих в Петрограде и его окрестностях, в боевых действиях участвовало порядка 2—3 тыс. человек (в одном из петербургских архивов хранится их поименный список). А русских добровольцев — матросов, солдат и рабочих — было и того меньше. Во всяком случае, М. Свечников, один из наиболее осведомленных современников, определяет число русских сол-

дат-добровольцев в рядах финской Красной Гвардии в тысячу человек⁵³. К слову сказать, все тот же финский «математик», насчитавший фантастическое количество большевиков, воюющих в Финляндии, «забыл» почему-то упомянуть о таких же добровольцах, но сражающихся на стороне белофиннов. А они были, и немало. Одних только шведских добровольцев в Белой армии насчитывалось 1,5 тыс. человек⁵⁴. Причем если наши добровольцы воевали из идейных соображений, то шведский добровольческий контингент сплошь состоял из «хулиганской публики», среди которой был большой процент уголовников⁵⁵.

Как известно, весной 1918 года финская Красная Гвардия была разгромлена белофиннами. Одной из причин ее поражения явилась поддержка белофиннов германскими экспедиционными войсками под командованием генерал-майора фон дер Гольца, высадившимися в Ганге (Ханко). Другой причиной разгрома, без сомнения, стала недостаточная помощь со стороны партии большевиков, поскольку ее вмешательство в финскую революцию, как уже указывалось выше, было минимальным.

После подавления революции белофинны жестоко расправились с ее участниками. Подобной вакханалии кровавых зверств Европа не знала давно. В общей сложности после прекращения боевых действий белыми было казнено свыше 8 тыс. красных финнов, среди них — 364 малолетние девочки⁵⁶. В концлагеря было заключено не менее 90 тыс. человек, из которых более 12 тыс. умерло от голода и болезней⁵⁷. Порядка 10 тыс. красных финнов бежали от террора в Советскую Россию.

С особой яростью белофинны расправлялись с русским населением, в котором видели агентов большевизма. В Выборге, например, такими «агентами» были объявлены и казнены подростки русского Реального училища: И. Гольм, Н. Наумов, Михайлов,

Нейман и Свидерский⁵⁸. Там же едва не погиб от рук белофиннов известный русский врач М. Карпинский, бесплатно лечивший финскую бедноту и спасший Выборг от эпидемии холеры в 1911 году. Только случайность уберегла врача и двух его малолетних сыновей от расстрела⁵⁹. Сколько русских людей погибло в результате необузданного белофинского террора в 1918 году, к сожалению, до сих пор остается невыясненным. Отечественные историки оставляют без внимания этот важный вопрос, а финские — если и знают точную цифру убитых, то никогда ее не назовут.

Между тем в мае 1918 года белофинский парламент заявил о разрыве отношений с Советской Россией. Однако это вовсе не значило, что отныне Финляндия никогда не станет иметь никаких дел с Россией. Как раз напротив, именно в 1918 году в белофинских головах особенно настойчиво застучала мысль о создании «Великой Финляндии». В территориальные рамки своего нового государства белофинны включали как Петроград с изрядным куском Петроградской губернии, так и всю Карелию с Кольским полуостровом в придачу. Правда, отыскался деятель, которому и этого показалось мало. Жадный К. Аспелунд залез с границами «Великой Финляндии» аж в Западную Сибирь!

Еще 11 марта 1918 года, во время гражданской войны в Финляндии, генерал К. Маннергейм одобрил план вторжения белофинских войск на север Карелии, в направлении Олонца, Ухты и Кеми. Вторжение начал 21 марта отряд подполковника К. Мальма в составе 350 человек. После неудачных попыток захватить Кемь отряд отступил в Ухту. Два других белофинских отряда в составе свыше 1000 человек предприняли наступление в направлении Кандалакши, но, столкнувшись с сопротивлением частей красных финнов, отступивших в Карелию из Финляндии, были вынуждены отойти. Белофинское правительство и воен-

ные власти надеялись, что результатом этого вторжения будет массовое вступление в ряды белофинского воинства местного карельского населения, которое станет активно содействовать включению Карелии в состав «Великой Финляндии». Однако ничего подобного не произошло. Карельское население не хотело жить под властью белофиннов. Подполковник Малм с «чувством глубокого и горького разочарования» сообщал Маннергейму о том, что карелы относятся к ним «очень холодно»⁶⁰. Тем не менее белофиннам удалось отыскать каких-то местных отщепенцев, которые провели в Ухте съезд, принявший решение о присоединении Беломорской Карелии к Финляндии (весной 1920 года Ухта была без боя занята советскими войсками, предатели удрали за кордон либо забились по норам). Отщепенцы отыскились и в Ребольской волости, где в конце августа 1918 года на собрании 182 не самых лучших представителей карельского народа было выказано желание присоединиться к Финляндии. В октябре Ребольскую волость оккупировали войска белофиннов.

С лета 1918 года генерал Маннергейм приступил к разработке плана по захвату красного Петрограда. По поводу этой белофинской затеи существует немало небылиц. В. Мери, малообразованный шведский биограф К. Маннергейма, считает, что финским генералом двигало благородное желание, разгромив большевизм, спасти Россию от анархии и восстановить в ней либеральный режим⁶¹. Благоглупость шведского невежды не стоит и комментировать.

На самом деле решение Маннергейма о захвате Петрограда было продиктовано даже не столько его антибольшевистским настроением, сколько русофобией и идеями создания «Великой Финляндии». До конца своих дней Маннергейм исходил ненавистью по отношению к России и русским. Хотя с его стороны это было по меньшей мере некорректно, поскольку в

свое время именно русские большевики спасли ему жизнь. Случилось же следующее. В середине декабря 1917 года к Маннергейму, находящемуся тогда в Петрограде, на улице привязалась пьяная тетка и несколько рабочих, которым не понравился его внешний вид, выдававший буржуазное происхождение. Пролетарии затоптали бы будущего маршала насмерть, но самосуд вовремя был остановлен патрулем ВЧК. Драчунов доставили на Гороховую, 2, где с ними начал разбираться чекист И. Ксенофонов. Документы Маннергейма — удостоверение финского подданного и командировочное предписание из Одессы — не вызвали у чекиста никаких вопросов. Ксенофонов извинился перед Маннергеймом, успевшим отведать пролетарских кренделей, за уличный инцидент, пообещал наказать хулиганов «со всей строгостью революционной дисциплины» и отпустил на все четыре стороны. Вот знай Иван Ксенофонов, каким деятелем с вывихнутым понятием о чести впоследствии окажется Маннергейм, то вряд ли его отпустил, скорее всего поставил бы к стенке!

В немалой степени летом 1918 года на операцию против Петрограда белофинские власти подталкивала и русофобская возня ингерманландцев, нацменьшинства, проживающего как в Финляндии, так и в Петроградской губернии России. Еще в 1917 году эта публика стала бредить идеей о создании независимой Ингерманландии, не такой, конечно, огромной, как Великая Финляндия, но тоже не маленькой. Летом 1918 года в Петроградской губернии, в местах проживания крестьян-ингерманландцев, начались волнения. Во многом этому способствовали агенты белофинской организации «Шюцкор» (начала создаваться в 1917 году для борьбы с красными финнами, впоследствии — финская фашистская организация), проникающие через границу на Карельском перешейке и ведущие среди темного нацменьшинства актив-

ную сепаратистскую пропаганду. В общей сложности с марта по октябрь 1918 года шюцкоровцам удалось спровоцировать в Петроградской губернии 46 крестьянских выступлений. Под впечатлением от этих успехов нацмены, живущие на финской территории, провели в Выборге съезд, где обсудили варианты разрешения «ингерманландского вопроса». Один из этих вариантов предусматривал полное присоединение Ингерманландии (Петроград и окрестности, часть Карельского перешейка, полоса шириной около 100 км до реки Ловать к западу и все южное побережье Финского залива до реки Нарвы) к Финляндии.

Весной 1919 года план белофинского наступления на Петроград был готов. Главный удар планировалось нанести на Карельском перешейке вдоль железной дороги Рауту — Раасули и по шоссе на восток в направлении Рауту — Коркиамяки — Нижние Станки — Парголово, а также Рауту — Токсово — Петроград. Силы ударной группировки определялись в три пехотных дивизии, егерскую бригаду, шесть артиллерийских батарей, три конных полка, два бронепоезда, две группы броневиков и одно велосипедное отделение егерей. Общая же численность всей белофинской армии насчитывала 7 пехотных дивизий, что составляло порядка 70 тыс. человек⁶².

Однако белофинского наступления на Карельском перешейке не получилось. Причиной этому стали своевременные действия Петроградского комитета обороны и лично И.В. Сталина, направленного Советом Обороны в качестве особоуполномоченного на Петроградское направление Западного фронта. Мандат, выданный Иосифу Виссарионовичу, гласил: «Все распоряжения тов. Сталина обязательны для всех учреждений, всех ведомств, расположенных в районе Западного фронта. Тов. Сталину предоставляется право действовать именем Совета Обороны — отстранять и предавать суду Военно-революционного трибунала

всех виновных должностных лиц»⁶³. В короткий срок на направлении главного удара белофиннов были сосредоточены части 7-й советской армии численностью свыше 8 тыс. штыков и сабель при 213 пулеметах и 125 артиллерийских орудиях. И кроме того, к этому времени в соответствии с решением Особого совещания при Высшем военном совете РСФСР, состоявшемся весной 1918 года, на Карельском перешейке была создана на 30% система укрепленных рубежей, состоящая из полевых сооружений. Также, на случай наступления белофиннов, к взрыву были подготовлены шлюзы Сестрорецкого разлива, 11 железнодорожных и 10 шоссейных мостов на Сестрорецком, Муринском и Белоостровском направлениях. При подготовке к подрыву пограничного Белоостровского моста через реку Сестру группе подрывников пришлось даже прорыть подземную галерею, в которую был заложен 16-пудовый заряд пироксилина⁶⁴.

25 мая 1919 года на Карельский перешеек прибыла группа руководителей обороны Петрограда во главе с И. Сталиным. Они ознакомились с состоянием воинских частей, осмотрели укрепления и наметили меры по улучшению состояния обороны. На одном из участков Сталин, по воспоминаниям современников, лично указал наиболее выгодные позиции для устройства дополнительных огневых точек. «Будете косить белофиннов, как косой», — сказал пулеметчикам Иосиф Виссарионович.

Тем не менее белофинны, отказавшись от открытого штурма Петрограда со стороны Карельского перешейка, не успокоились, пока не совершили ряд провокаций. 2 и 24 мая 1919 года их отряды атаковали наши пограничные заставы и даже сумели продвинуться до 10 км в глубь советской территории⁶⁵. В обоих случаях части 7-й армии отразили наглые нападения.

Но уgomониться окончательно белая Финляндия

так и не смогла, предоставив летом 1919 года свою военно-морскую базу Бьорке для стоянки военных кораблей английского флота. Мощная английская эскадра, сосредоточенная в Финском заливе, создала серьезную угрозу Балтийскому флоту и красному Петрограду. «Англия проектирует поход на Петроград через Финляндию», — с исключительной прозорливостью выразился по этому поводу Сталин⁶⁶. В июне 1919 года англичане потопили крейсер «Олег» и начали производить систематические авиационные налеты на Кронштадт. Во время этих налетов от взрывов бомб повреждения получили несколько судов, портовые, заводские и городские сооружения, немалые жертвы имелись и среди мирного населения. 18 августа английские торпедные катера при поддержке авиации атаковали наши корабли на рейде Кронштадта. Им удалось потопить учебное судно «Память Азова» и сильно повредить линкор «Андрей Первозванный».

Но, в конце концов, англичане, потеряв за время боевых действий 13 военных кораблей, были вынуждены убраться восвояси. Правда, перед тем как уйти, вражеская эскадра совместно с белоэстонскими и белофинскими судами поставила в восточной части Финского залива почти 3 тыс. морских мин⁶⁷.

Почти одновременно с появлением английских военных кораблей в Финском заливе резко обострилась обстановка на Карельском перешейке в районе деревни Кирьясало, где отсталый ингерманландский элемент при активном подзуживании белофиннов поднял восстание. В Кирьясало был образован местный шюцкор в составе 90 человек, который быстро захватил еще несколько деревень, образовав так называемый Карьясальский плацдарм, весьма удобный для дальнейшей экспансии. Вскоре ингерманландцы приняли декларацию, в которой заявили, что «добиваются защиты своих домов от большевиков, борют-

ся за свою независимость и получение автономии. С этой целью они совместно с Финляндией, Эстонией и Восточной Карелией хотят образовать общее государство, избавленное от всякой русской опеки»⁶⁸.

Белофинское правительство высоко оценило русофобские устремления ингерманландцев и особенно создание Карьясальского плацдарма. В Финляндии появился руководящий орган восставших — временный комитет Ингерманландии и начал выходить журнал «Инкеринмаа» («Ингерманландия»), переполненный злобными русофобскими материалами. 17 июля 1919 года официальные круги Финляндии одобрили идею ингерманландцев о создании собственных вооруженных сил. Их организация и руководство поручались подполковнику Ю. Элфвенгрену, прославившемуся своей феноменальной жестокостью в боях с красными финнами. В том же месяце был создан Северный Ингерманландский полк в составе свыше 500 человек, на вооружение которых белофинны выделили 500 винтовок и 8 пулеметов⁶⁹.

27 июля 1919 года Северный Ингерманландский полк с Кирьясальского плацдарма двинулся в глубь советской территории. Наступление полка велось по двум направлениям: в сторону Лемболово и вдоль Ладожского озера на Никулясы. Встретив слабое сопротивление со стороны красноармейских заслонов, противник в течение 27—28 июля занял станцию и деревню Лемболово и ряд населенных пунктов на побережье Ладожского озера.

Хитрые белофинны на случай неудачи вторжения поспешили откреститься от происков своих подручных. Официально было заявлено, что «финское правительство и военные власти ничего не имеют общего с теми ингерманландскими частями», которые ведут наступление⁷⁰. В своей ноте от 31 июля 1919 года советское правительство проявило сдержанность в оценке вероломного нападения и подчеркнуло, что

«будет придерживаться мирной политики в отношениях с Финляндией»⁷¹. Большевики, пытаясь достучаться до деревянных белофинских голов, высказались в ноте также за то, чтобы «сдерживать крайний милитаризм и безудержную реакцию, стремящуюся свергнуть финский народ в безумную войну»⁷².

В течение 29 июля — 8 августа 1919 года части 7-й советской армии и отряд, сформированный из красных финнов и передовых представителей ингерманландского народа, выбили Северный Ингерманландский полк с захваченной территории и даже на короткий срок овладели русофобским гнездом — деревней Кирьясало. Однако 18 августа советские войска, демонстрируя большевистское стремление к миру и созиданию, оставили Кирьясальский плацдарм, который был немедленно занят недобитыми русофобами.

К осени 1919 года Северный Ингерманландский полк значительно пополнился за счет отсталых крестьян и белофинских добровольцев. В октябре полк реорганизовался в три батальона, насчитывающих 1136 человек, из которых в строю было 897 человек, и имел 14 пулеметов. Стараниями Ингерманландского комитета для полка было изготовлено знамя, «представляющее собой синий крест, обрамленный красным на желтом полотне, где синий цвет символизировал р. Неву, красный — крепость Орешек, а желтый — плодородные поля Ингерманландии»⁷³.

В конце октября 1919 года русофобы вновь перешли в наступление. На этот раз Северный Ингерманландский полк двинулся в бой под звуки марша, который наяривала музыкантская команда, и имел своей целью захватить Токсово. Двум особо русофобствующим типам, Т. Маркку и Т. Саволайнену, была поручена почетная миссия: водрузить в Токсове, на вершине Понтусовой горы, знамя Ингерманландии. В начале ноября 1919 года части 7-й советской армии в тяже-

лых боях в районе Лемболово остановили продвижение противника, а затем заставили его отступить.

Тем не менее рассадник провокаций и русофобии Карьясальский плацдарм — просуществовал на Карельском перешейке до декабря 1920 года и был ликвидирован по приказу белофинского правительства. Вместе с Северным Ингерманландским полком в Финляндию ушло 348 мирных жителей. А всего в 1920 году число беженцев с Карельского перешейка составило свыше 8 тыс. человек. Белофинны встретили своих «братьев по оружию» и мирных жителей не слишком приветливо. В 1920 году полк сократили и реорганизовали в Северный Ингерманландский особый батальон, а через какое-то время и вовсе расформировали за ненадобностью. Ингерманландские беженцы влачили в белой Финляндии жалкое существование, мыкаясь в поисках жилья и работы. В 1921 году, досыта нахлебавшись белофинского «гостеприимства», около 3 тыс. человек вернулись обратно в Россию, благо в этом году советская власть объявила амнистию участникам Карьясальской авантюры. Тех же ингерманландцев, кто остался в Финляндии, белофинские власти использовали в разведывательных целях против Советской России⁷⁴.

Весной 1919 года обстановка обострилась и в Карелии. В апреле на заседании правительства Финляндии была одобрена так называемая «малая программа», предусматривающая захват района Олонца с выходом к реке Свирь и Онежскому озеру⁷⁵. В ночь с 20 на 21 апреля белофинны в составе тысячи человек (впоследствии силы наступающих возросли до 3 тыс.) вторглись в пределы Карелии. Наступление развивалось успешно. До конца апреля были заняты Видлица, Олонец и другие населенные пункты. В начале мая К. Маннергейм назначил командующим походом полковника Сихво, которому, в соответствии с указаниями Генерального штаба, предстояло захва-

тить Лодейное Поле, Петрозаводск и соединиться с наступающими с севера вдоль Мурманской железной дороги англо-американскими интервентами. В Олонце белофиннами было сформировано «Олонецкое правительство», которое возглавил местный самогонщик Г. Куттуев. В начале июня это правительство сделало заявление о выходе Олонецкой Карелии из состава России и «присоединении к Финляндии на определенных условиях»⁷⁶.

Командование 7-й армии и Комитет обороны Петрограда направили в Карелию дополнительные войска, в частности финско-эстонский интернациональный отряд, батальон петроградских рабочих и Первый боевой маневренный отряд петроградских курсантов во главе с красным финном Э. Рахья. Летом 1919 года в ходе ожесточенных боев белофинны были разбиты и бежали в Финляндию вместе с «Олонецким правительством». Это поражение было воспринято белофинским руководством как катастрофа. Особенно бесило белофиннов то обстоятельство, что, за исключением десятка прохиндеев, карельское население в своей массе в очередной раз не оказало должной поддержки «освободителям от гнета проклятых рюсся». Единственным результатом белофинского похода было присоединение к Финляндии глухого карельского угла — Поросозерской волости. В деревни Поросозеро обосновался отряд шюцкора и, пользуясь удаленностью от красных войск, занялся третированием местных жителей.

Летом 1920 года в городе Юрьеве (г. Тарту) начались мирные переговоры между Советской Россией и Финляндией. Целью этих переговоров было прекращение состояния войны между обоими государствами и урегулирование всех спорных вопросов. Переговоры проходили достаточно сложно и заняли несколько месяцев.

Наконец, 14 октября 1920 года состоялось подпи-

сание Юрьевского мирного договора. Советское правительство подтверждало объявленное им в декабре 1917 года признание независимости и суверенитета Финляндии. В соответствии с договором за Финляндией оставался практически весь Карельский перешеек (пограничная линия здесь была установлена по реке Сестре, то есть по административному разграничению бывшей царской России и Великого княжества Финляндского) и область Петсамо (Печенга). В свою очередь, Финляндия обязалась освободить захваченные районы Карелии, демилитаризировать группу принадлежавших ей островов в Финском заливе, ликвидировать военно-морские форты Ино и Пумала, не содержать в водах отошедшего к ней арктического побережья военных судов и не строить на этом побережье военных объектов, превышающих установленные потребности. Обе стороны обязались не иметь в бассейне Ладожского озера военных сооружений, служащих агрессивным целям, и крупных военных судов. Кроме того, в договоре специально оговаривалось создание в составе РСФСР Восточно-Карельской автономной области на началах национального самоуправления⁷⁷.

Казалось, что заключение Юрьевского мирного договора давало Советской России возможность приступить к налаживанию мирной жизни в своих северо-восточных приграничных областях, жестоко пострадавших в ходе военных действий против белогвардейцев и интервентов. Однако не тут-то было!

После подписания договора в Финляндии развернулась бурная дискуссия по вопросу толкования отдельных статей соглашения и выполнения большевиками обязательств, касавшихся создания автономной области в Карелии. Вскоре дискуссия демагогов переключилась на идею создания «Великой Финляндии». Русофобский психоз достиг своей кульминации в 1921 году и вылился в вооруженное вторжение бе-

лофиннов в Карелию, известное в истории под названием Карельской авантюры.

Осенью 1921 года на территории Карелии вспыхнуло антисоветское восстание. Во главе выступления стояли деятели из русофобской организации «Карельский союз» (образован в октябре 1920 года в Хельсинки), которым удалось лозунгом «Карелия — карелам» увлечь за собой хулиганов, браконьеров, самогонщиков и другой отсталый крестьянский элемент Карельской трудовой коммуны (образована в июне 1920 года в составе РСФСР). В ноябре 1921 года из Финляндии на помощь восставшим были направлены отряды, сформированные из добровольцев, прежде всего шюцкоровцев. По данным советской разведки, на 20 декабря численность восставших составляла около 7,5 тыс. человек⁷⁸. К концу декабря 1921 года части белофиннов — Архангельский полк, 1-й Карельский лесной полк, Ребольский батальон, отряд Алоярви, Олангский отряд и ряд мелких подразделений — вышли на линию Оланга — Кокосальма — Маслозеро — Тунгуда — Ругозеро — Сегозеро — Поросозеро, оккупировав значительную часть Карелии. В захваченных районах, по сведениям исследователя А. Фридмана, белофинны установили порядки, отличавшиеся средневековой жестокостью. Так, в деревне Кимасозеро некий майор Талвела ежедневно избивал палкой местное население. По его словам, таким способом он выколачивал из них большевистскую дурь. В результате действий оголтелого субъекта скончалась 70-летняя старуха Никитина, а малолетний Иван Тунгудов сошел с ума. Однако наибольшую жестокость белофинны проявляли в отношении захваченных в плен красноармейцев, милиционеров и красных партизан. Например, в деревне Юшкозеро милиционеру Тарасову белофинны выкололи глаза, отрезали нос, уши и пальцы на обеих руках. Взятому в плен Лайконену, красному партизану

из деревни Туливари, унтер-офицер Карвонен, немногословный и замкнутый тип, отрубил голову колуном! Но жестокость «горячих» парней из отряда Алоярви оказалась никем непревзойденной. Эти имели в своем отряде двуручную пилу, специально изготовленную на заводе в Йоэнсу, которой распиливали пленных и местных жителей, заподозренных в финнофобии⁷⁹. А вообще, как установил известный журналист Ю. Нерсесов, любимой забавой белофинских вояк во всех войнах XX века было вбивание в глаза и уши пленным винтовочных патронов и вываривание отрезанных голов (по свидетельству магистра Хельсинкского университета Й. Бэкмана, газета «Суомен Кувалехти» до сих пор относит это варварство к разряду солдатского юмора)⁸⁰.

Между тем командование Петроградского военного округа недооценило размах и характер начавшейся интервенции и полностью игнорировало особенности ведения боевых действий в лесисто-болотистой местности в суровых зимних условиях. В результате наступление 127-й отдельной стрелковой бригады и отдельных экспедиционных частей завершилось неудачей.

18 декабря 1921 года в Карелии было объявлено осадное положение. Президиум Карельского обласполкома и Олонецкий губисполком образовали временный Военно-революционный комитет Карело-Мурманского района. В приказе № 1 ВРК говорилось: «Бандитская авантюра, организованная на средства белой Финляндии, приносит неисчислимые страдания карельскому трудовому народу. Поэтому Карело-Мурманский ревком в единственный и последний раз приказывает всем гражданам Карельской трудовой коммуны, вовлеченным путем обмана в преступное дело, немедленно сложить оружие, оставить бандитские отряды, вернуться домой и заняться мирным трудом по восстановлению разрушенного народного

хозяйства»⁸¹. Из Петроградского и Московского военных округов в район боевых действий были переброшены новые стрелковые и кавалерийские части, три бронепоезда и 17 самолетов. К концу декабря 1921 года группировка советских войск насчитывала свыше 8 тыс. бойцов при 165 пулеметах и 22 орудиях.

В начале января 1922 года советским командованием был разработан план операции по ликвидации белофинских отрядов. Важная роль в операции отводилась курсантам Интернациональной военной школы, прибывшим в Карелию из Петрограда. Ударному отряду курсантов в составе 136 бойцов под командованием красного финна Т. Антикайнена предстояло действовать в глубоком тылу противника.

Январский рейд отряда Антикайнена на Реболы и Кимасозеро, где был разгромлен гарнизон и штаб южной группы противника, сыграл решающую роль в ликвидации белофинской авантюры в Карелии. «Быстрый и окончательный успех красных зимой 1921/22 года можно объяснить главным образом тем, что они захватили белых с направления, откуда меньше всего предполагалось», — так впоследствии оценят белофинны действия красных курсантов-лыжников⁸².

К середине февраля 1922 года захватчики под ударами советских войск бежали на территорию Финляндии, оставив после себя кошмарную славу. Отступая, белофинны громили все, до чего могли дотянуться их длинные руки. В Ухту, например, они направили особый отряд с заданием по уничтожению ценностей, разгрому домов, порче печек, битью стекол и дверей, угону скота⁸³. Участник боевых действий, красный финн О. Аро, вспоминал: «Чем ближе мы подходили к границе, тем отчетливее было видно разрушение, произведенное бандитами. Дома стояли необитаемыми, разбито было все, что можно было разбить. Весь скот был угнан в Финляндию»⁸⁴. Во время пре-

следования белофиннов советским бойцам среди многочисленных трофеев досталась и ужасная пила молодчиков из отряда Алоярви. Долгое время она экспонировалась в Петрозаводском музее, в экспозиции, посвященной разгрому белофинской авантюры в Карелии. К сожалению, в 1941 году белофинские вояки захватили Петрозаводск, разграбили музей и уничтожили это страшное свидетельство своих кровавых злодеяний зимы 1921/1922 годов⁸⁵. К слову сказать, вторжение белофиннов в Карелию стало причиной народных волнений на севере Финляндии. В феврале 1922 года рабочие лесопильного завода «Вярро» в районе Салла объявили забастовку, которая затем переросла в разоружение шюцкоровцев и другой белофинской публики. Революционное выступление рабочих, из-за удаленности района от промышленных центров, не получило должной поддержки. 12 февраля 1922 года 340 финнов, в том числе женщины и дети, при 70 лошадях, в знак протеста против политики белой Финляндии ушли на советскую территорию⁸⁶. Большинство финских беженцев вступили в ряды Красной Армии, а другие начали строить в Карелии счастливую жизнь. Отдельные псевдоисторики стараются выдать народные волнения в Салла за провокацию, инспирированную красными финнами, однако потуги этих деятелей исказить исторический факт тщетны.

Вместе с белофиннами зимой 1922 года в Финляндию бежало и мирное карельское население, запуганное провокационными слухами о предстоящих расправах со стороны чекистов. Таких беженцев оказалось свыше 11 тыс. человек⁸⁷. Однако помышлявшие какое-то время в соседней стране, они, как и ингерманландцы, начали возвращаться обратно. К 1926 году только через официальные пропускные пункты в Карелию вернулось свыше 3 тыс. человек. Количество тех, кто нелегально переходил не охраняемую в то

время границу, неизвестно, но к 1934 году в Финляндии оставалось не более 5 тыс. карельских беженцев из числа тех, кому назад путь был заказан⁸⁸. А «злодеи» чекисты в общей сложности арестовали всего 1165 человек, из которых к октябрю 1922 года с извинениями было освобождено 762 человека, а остальные предстали перед судом как активные участники восстания и пособники белофиннов⁸⁹.

Тем временем в Финляндии носились со своей ненавистью к России как с писаной торбой. Все, от лощеного президента до корявого лесоруба, ненавидели «рюсся». Ненависть, огромная, черная, лютая, становилась жизнью целой страны. Особенно преуспело в этом дикое в своей разнузданной русофобии «Карельское академическое общество», созданное в 1922 году. В воззваниях, выпускаемых «академиками», говорилось: «Итак, во имя нашей чести и свободы пусть прозвучит наш девиз: «Ненависть и любовь»!». Смерть русским, какого бы цвета они ни были. Во имя пролитой крови наших предков смерть губителям наших домов, близких и родины, насильникам, смерть разрушителям калевальского племени! Во имя утерянной части Финляндии и во имя будущего величия: смерть русским! Во имя возрождения величия отечества и пробуждения нашего народа пусть сегодня прозвучит призыв к святой любви и ненависти для всего племени Куллерво и любимой родины»⁹⁰.

Русские, как те, кто жил в Финляндии до революции 1917 года, так и эмигранты, подвергались изощренным унижениям, оскорблениям и притеснениям. Даже живописец с мировым именем И. Репин, доживавший свой век в поселке Куоккала (п. Репино), не избежал унижений, вплоть до того, что местная компания белофиннов била камнями окна в его доме и швыряла во двор дохлых кошек⁹¹. Многие русские, не выдержав издевательств, возвращались обратно в Россию. Так, некая А. Иванова с тремя дочерьми, с

декабря 1923 года проживавшая в Выборге, в августе 1931 года была вынуждена бежать в Ленинград. Документы из советского консульства в Выборге, хранящиеся в российских архивах, свидетельствуют о массовом исходе русского населения из Финляндии. Этот интенсивный процесс продолжался достаточно долго. Но, к сожалению, вопрос о притеснениях русских в 20—30-х годах в Финляндии, совершенно не исследован отечественными историками. А зря, достойная тема, особенно когда вокруг столько воплей и скулеха по поводу притеснений нацменьшинств в Советской России.

А Финляндия продолжала активно бряцать оружием на наших границах. В конце лета 1922 года вновь обострилась обстановка в Карелии. В сентябре на территорию Карельской трудовой коммуны проникло три группы вооруженных белофиннов в количестве 86 человек. По оценке Карельского областного отдела ГПУ, целью этих групп было создание базы в районе Березнаволок — Чиркокемская, опираясь на которую можно было начать новое восстание⁹². В Рованиеми и Кухмониеми, по данным советской загранагентуры, находилось 120 вооруженных типов, готовых в ближайшее время перейти границу, чтобы устроить кровавую заваруху либо, если это не удастся, совершать диверсии и террористические акты. Вообще, угроза повторения крупного нападения белофиннов на Карелию продолжала сохраняться вплоть до начала 1925 года⁹³.

Более того, Финляндия, после окончания Гражданской войны в России, охотно предоставляла убежище всем, кто был готов продолжать вооруженную борьбу против советской власти. Прежде всего русским белогвардейцам, которые создали на финской территории сеть террористических организаций. Так, в Финляндии долгое время действовала боевая организация генерала А. Кутепова. Боевики проживали в Пакенкю-

ле, рабочем районе Хельсинки, где спокойно практиковались в стрельбе и метании бомб. Проводники от финского Генерального штаба обеспечивали их переходы через границу на Карельском перешейке. В конце 20-х годов боевики Кутепова провели теракт в Москве и устроили взрыв Ленинградского партклуба на Мойке, в результате которого было изувечено 26 человек⁹⁴. В то же время в Китае, например, чтобы не портить отношений с РСФСР, не только преследовали белогвардейцев, но и разрешили ввести в Синьцзян советские войска для разгрома отрядов генерала А. Бакича и подхорунжего С. Токарева. Но зачем белофиннам дружественные отношения с ненавистной страной, когда появилась возможность русскими же руками как следует навредить этой самой стране! Присутствие белогвардейцев в Финляндии продолжительное время являлось для Советской России причиной серьезной дестабилизации внутренней обстановки. Например, в 1930—1932 годах на советско-финской границе было задержано свыше 10 тыс. нарушителей, большинство из которых были боевиками белогвардейских организаций⁹⁵.

К началу 30-х годов Финляндия, уже окончательно свихнувшись на почве русофобии, приступила к энергичному поиску союзников, готовых вместе с ней вести недружественную политику в отношении теперь уже СССР. Одним из таких союзников оказалась Эстония, где, как и в Финляндии, русофобия была возведена в ранг государственной политики. Между двумя странами развернулось активное военное сотрудничество, направленное против предотвращения несуществующей советской угрозы. Русофобы проложили по дну Балтийского моря прямую линию связи, по которой стращали друг друга небылицами о готовящемся нападении Советского Союза и строили планы по его отражению. «Уже с начала 1930-х годов, — пишет честный историк Я. Лескинен, — финское и эстонское

правительства дали согласие на проведение совместных военных операций. Обе стороны поддерживали совместные операции, цель которых заключалась в закрытии выхода советского флота из Финского залива»⁹⁶. Президент Финляндии П. Свинхувуд особенно рьяно поддерживал эти планы. Правда, благодаря изменению расстановки политических сил в предвоенной Европе финско-эстонский военный альянс развалился как картонный домик.

В середине 30-х годов началось стремительное сближение белой Финляндии с гитлеровской Германией. Осенью 1933 года состоялась поездка в Берлин представительной делегации ведущих финских журналистов. Министр гитлеровской пропаганды Й. Геббельс объяснил эту поездку необходимостью построения доверительных германо-финских отношений⁹⁷. По возвращении в Финляндию белофинские щелкоперы отработали немецкое гостеприимство по полной программе, представив в газетах фашистский режим как величайшее достижение человечества. Члены Патриотического народного движения, достойные продолжатели дела лапуасцев, фашистской организации, разогнанной в 1932 году за постоянные дебоши, чувствовали себя на вершине блаженства и очень нехорошо косились в сторону редких евреев, имевших неосторожность проживать среди белофиннов (в начале 40-х годов фашиствующие молодчики соберут в Хельсинки всех евреев и передадут их на растерзание своим друзьям в Германию).

В правительственных кругах Финляндии сближение с Германией вызывало так и вовсе неподдельный восторг. Президент Свинхувуд выражал его так: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии. По своему существу финский народ дружественен Германии»⁹⁸. С 1934 года началось установление германо-финских военных связей, направленных против СССР. Согласно тайным соглашениям Финляндия

должна была «гарантировать Третьему рейху право в случае войны разместить свои войска на финской территории, а со стороны гитлеровского руководства давалось обещание своему союзнику получить Советскую Карелию»⁹⁹.

Агрессивные намерения соседней страны вызывали серьезную озабоченность в Советском Союзе. Тем более что тайные германо-финские шашни вскоре стали известны советской разведке. В ноябре 1936 года, выступая на Чрезвычайном VIII съезде Советов, А. Жданов заявил о том, что «Финляндия представляет собой государство, откуда может исходить опасность для Ленинграда, поскольку с финской стороны разжигаются враждебные Советскому Союзу настроения»¹⁰⁰. В ответ на справедливое заявление посланник Финляндии в Москве устроил настоящую истерику по поводу «агрессивных» намерений Советского Союза в отношении Финляндии. Дело дошло до того, что наркомату иностранных дел пришлось давать неврастенику официальное разъяснение о том, что выступление Жданова «не содержало угрозы Финляндии»¹⁰¹. Вообще, необходимо заметить, что в 30-х годах правительственные круги Финляндии больше всего в отношениях с СССР волновало не отсутствие добрососедских отношений, а абстрактное выражение, встречающееся в советской прессе о свином рыле, сующемся в советский огород и после, получив в рыло, горько сожалеющее об этом. Особенно сильно был недоволен по этому поводу президент Свинхувуд, чья фамилия в переводе на русский язык означала «свиноголовый». Всякий раз этот деятель относил данную фразу на свой счет. В связи с чем министерство иностранных дел Финляндии даже заявило советской стороне официальный протест¹⁰². Иных проблем, существующих между двумя странами, в Финляндии замечать не желали.

Со второй половины 30-х годов и без того сквер-

ные отношения сторон стали еще хуже. Виной тому была воинствующая русофобия, царящая в Финляндии.

Ветеран пограничных войск Н. Жуков, свидетель русофобского угара, вспоминал: «Для нас, пограничников, идти в наряд на границу было пыткой. И вот почему. Бывало, идешь вдоль Сестры, а финны, шюц-коровцы эти, с другого берега увидят и давай грозить, а то еще штаны снимут и голую жопу показывают. Вот и думаешь, взять бы винтовку да засадить ему, подлецу, прямо в торец, чтоб не показывал, но нельзя, приказ — на провокации не поддаваться! Обидно было до слез, а ничего не поделаешь». Однако одними угрозами и демонстрацией голых задниц белофинны ограничивать себя не хотели. С 1936 года сообщения Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД об обстановке на советско-финской границе стали напоминать сводки из района военных действий. Так, в 1935 году на карельском участке границы было задержано 77 нарушителей, а в 1936 году уже 87, среди которых было выявлено 8 активных агентов вражеской разведки. Участилось количество обстрелов наших пограничников с территории Финляндии, преимущественно на Карельском перешейке. Всего в 1936 году белофинны устроили 12 вооруженных провокаций, в результате одной из которых был убит младший командир В. Спирин. На Карельском перешейке было установлено постоянное войсковое наблюдение за территорией СССР, велось систематическое фотографирование наших пограничных объектов. Неоднократно осуществлялась переброска подрывной литературы, имело место массовое нарушение водной сухопутной и воздушной границ белофинскими рыбаками, пограничниками и самолетами. Летом 1936 года территория Карельского перешейка была обследована германскими офицерами, которые одновременно консультировали во-

енное строительство белофиннов, развернутое в непосредственной близости от нашей границы¹⁰³.

К концу 30-х годов обстановка на советско-финской границе стала уже совершенно несносной. Так, летом 1939 года в Карелии дело дошло до прямых вооруженных столкновений между советскими пограничниками и группами белофинских диверсантов. В августе этого года в районах Реболы, Ухты и северо-западнее станции Суоярви произошло четыре провокационных нападения на наши наряды, в результате которых двое пограничников были убиты¹⁰⁴.

Для любого другого государства, вероятно, хватило бы и сотой доли всех белофинских художеств, чтобы сурово наказать маленькую, но очень вредную страну. Однако великий Советский Союз, верный мудрым принципам ленинско-сталинской политики мирного сосуществования, долгое время старался адекватно не отвечать на враждебную политику соседней страны. При этом советская сторона прилагала титанические усилия, направленные на нормализацию советско-финских отношений. Не получилось!

Финляндия не вняла голосу разума, предпочтя оставаться глухой, слепой и свихнувшейся на русофобии.

«Шуты гороховые», доигрались

Осенью 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу. В Европе началась Вторая мировая война. В условиях начавшейся войны и сложной международной обстановки Советский Союз был вынужден предпринять ряд мер, направленных на обеспечение собственной безопасности и усиление обороноспособности страны.

В октябре 1939 года одной из таких мер стали пе-

переговоры между СССР и Финляндией о переносе советско-финской границы на Карельском перешейке.

Заметим, что Москва начала вести с финской стороной секретные переговоры по вопросу безопасности своих северо-западных границ еще весной 1938 года, когда были получены «неопровержимые данные о подготовке ввода в Финляндию немецкого экспедиционного корпуса»¹⁰⁵. Советский Союз сделал тогда Финляндии чрезвычайно выгодное предложение как в плане военного, так и торгового сотрудничества. Однако премьер-министр А. Каяндер нашел советские предложения неприемлемыми.

Весной 1939 года переговоры получили продолжение на официальном уровне. Правда, обмен мнениями протекал вяло, что в первую очередь было связано с тем, что «правительство Финляндии все больше склонялось в сторону союза с фашистской Германией»¹⁰⁶. В результате осенью 1939 года Советский Союз, учитывая резкое обострение обстановки в Европе, активизировал переговорный процесс.

На переговорах в Москве, начавшихся 12 октября 1939 года, Финляндии было предложено осуществить обмен территориями. Этот обмен был весьма невыгоден Советскому Союзу и крайне выгоден Финляндии. Советская сторона предложила отодвинуть советско-финскую границу в западной части Карельского перешейка на 50—70 км от реки Сестры, что давало возможность создать необходимые условия для обеспечения безопасности Ленинграда и вместе с тем не затрагивало имевшуюся там финскую систему укреплений (линию Маннергейма). В качестве территориальной компенсации Финляндии предлагались обширные территории в районах Реболы и Поросозеро, куда в 20-х годах она так настырно стремилась. В результате такого обмена Финляндия потеряла бы 2761 кв. км своей территории, но приобрела 5529 кв. км, то есть вдвое больше!¹⁰⁷ При этом И.В. Сталин, пояс-

няя позицию советской стороны, особо подчеркивал: «Мы не требуем и берем, а предлагаем»¹⁰⁸. «В географическом смысле мы не можем, — на пальцах объяснял финской стороне Иосиф Виссарионович, — так же, как не можете вы, ничего сделать. В Ленинграде и его окрестностях 3,5 миллиона жителей, намного больше, чем во всей Финляндии. Поскольку Ленинград нельзя перенести, в силу этого, естественно, надо отодвинуть границу. Мы просим, чтобы граница была расположена в 70 км от Ленинграда. Мы просим 2700 кв. км и предлагаем взамен более 5500 кв. км»¹⁰⁹.

Однако делегация Финляндии, получая из Хельсинки строгие указания, была настроена воинственно и не соглашалась ни на какие территориальные уступки. Этих деятелей не смущало даже то обстоятельство, что им предлагают поменять одни исконно русские земли на другие такие же.

Более того, во время ведения переговоров в Финляндии проводились срочные меры, характерные для кануна войны. Крупнейший специалист по советско-финским отношениям В. Барышников убедительно показал, как Финляндия, прикрываясь переговорами, готовилась к военным действиям против СССР. «12 октября в стране начала осуществляться мобилизация, — пишет историк-патриот. — В тот же день специальным поездом выехали в Турку для последующего отплытия пароходом в Швецию семьи иностранных дипломатов. Вместе с сообщением об этом советским полпредством передавалось в Москву о прекращении занятий в Финляндии в столичных высших и средних заведениях, а также об укрытии в специальных убежищах коллекций музеев, фондов Государственного архива и редких книг университетской библиотеки. В донесении секретаря военного атташе сообщалось также в Наркомат обороны 21 октября, что «полицейские производят массовые аресты полити-

чески неблагонадежных»¹¹⁰. Уже 17 октября маршал К. Маннергейм был назначен главнокомандующим белофинской армией, а на следующий день была создана его ставка. 21—22 октября состоялась инспекционная поездка белофинских парламентариев для осмотра боеготовности войск и укреплений на Карельском перешейке. Вернувшись из поездки, член парламента К. Фрич заявил о полной готовности Финляндии к войне. 21 октября в газете «Ууси Суоми» появилась воинственная статья, в которой предлагалось вести переговоры, исходя из «полной независимости», поскольку «установленной вдоль границы артиллерии достаточно 2—5 минут, чтобы обрушить на Ленинград тонны стали»¹¹¹.

В результате в середине ноября 1939 года советско-финские переговоры окончательно зашли в тупик и были прекращены. Члены белофинской делегации, покидая Москву, вероятно от избытка радости, что в очередной раз уели «проклятых рюсся», перепились и вели себя развязно и шумно¹¹². 23 ноября премьер-министр Каяндер выступил с речью, в которой содержались наглые выпады в адрес Советского Союза.

26 ноября в «Правде» появилась статья «Шут гороховый на посту премьера», где была дана отповедь зарвавшемуся Каяндеру и его заявлениям. Содержание этой публикации, как считают крупные специалисты, было явно оскорбительным для главы белофинского правительства¹¹³. Поэтому последовавший ответ Финляндии оказался предельно жестким. 26 ноября 1939 года в 15 часов 45 минут белофинская артиллерия произвела обстрел советской территории в районе селения Майнила на Карельском перешейке, в результате которого четыре красноармейца погибли и девять получили ранения. 28 ноября, не останавливаясь на достигнутом, белофинны устроили еще целый ряд вооруженных провокаций в Карелии и Заполярье¹¹⁴.

В такой ситуации у Советского Союза не оставалось никакого другого выхода, кроме силового решения проблемы.

«Все ясно до конца. Продажные шуты,
Взбесившиеся псы хозяина тупого,
В развязности своей достигли той черты,
Где нужен крепкий хлыст и где бессильно слово!» —

как метко выразился по этому поводу советский поэт А. Безыменский¹¹⁵.

30 ноября 1939 года Красная Армия перешла границу Финляндии. Началась финская война 1939—1940 годов, одна из войн XX века, вокруг событий которой прохиндеи от истории наворотили столько инсинуаций, что опровергать их честным исследователям придется не одно десятилетие.

Не станем подробно останавливаться на боевых действиях. История этой кампании была правдиво отражена в двухтомнике «Бои в Финляндии», исследовании «Советско-финляндская война на море» и нескольких монографиях, изданных уже в наше время¹¹⁶. Обратим внимание на ряд моментов, по поводу которых особенно цинично привыкли изгаляться разные проходимцы.

Итак, провокация в Майнила в ноябре 1939 года, которая по праву считается отправной точкой последующих военных действий. Этот провокационный артиллерийский обстрел советской территории русофобствующая публика однозначно приписывает советской же стороне. Дескать, Москве нужен был повод к войне, вот сотрудники НКВД его и устроили. Отдельные авторы даже договорились до того, что стреляли по пограничникам не из артиллерийского орудия, а из миномета, мол, его легче таскать и прятать. До недавнего времени версия о советской провокации не встречала достойного отпора со стороны авторитетных историков. Наконец, профессор Барышников блестяще доказал в своей монографии, что майнильские

выстрелы не были советской провокацией, а относятся к разряду до сих пор не разгаданных тайн¹¹⁷. Более того, в 2000 году крупнейший шведский специалист по истории финской войны доктор исторических наук С. Исотало, проанализировав всю доступную информацию, пришел к выводу о том, что выстрелов не было вовсе, что «провокация» в Майнила не более чем один из мифов этой войны¹¹⁸. Между прочим, когда шведский историк выступал со своим докладом на международной конференции в Зеленогорске, засевшие в зале финнофилы принялись кашлять, перхоть, мычать и сучить ногами, пытаясь сорвать выступление ученого. Вообще, нужно заметить, что Исотало, проживающего в Финляндии, из-за его честной и принципиальной позиции в вопросах финской войны всячески затирают и щемят тамошние русофобы. Но ученый не сдается, а отвечает им своими трудами, в которых разоблачает ложь фальсификаторов истории.

Следующий момент финской войны, по поводу которого отдельные личности любят пускать горячую слезу, — это проблема беженцев. Если послушать плаксивую публику, то в глубь Финляндии, спасаясь от «ужасов» советского нашествия, бежало 500 тыс. человек. Это неправда. По подсчетам известного московского историка Д. Сабилло, население приграничных районов Финляндии в 1939 году составляло не более 350 тыс. человек. Из них 200 тыс. эвакуировалось добровольно, около 150 тыс. подверглись принудительной эвакуации и около 6—8 тыс. человек остались в районах, занятых Красной Армией. Так что отныне псевдоисторикам следует оперировать в своих «научных» трудах реальной цифрой беженцев в 200 тыс. человек, не приписывая к ней насильно угнанных и не выдумывая несуществующие сотни тысяч¹¹⁹.

Теперь о тех, кто в 1939 году не попался на удочку белофинской пропаганды о «рогатых комиссарах, по-

жирающих младенцев», и сумел избежать цепких лап шуцкоровцев-эвакуаторов. Прежде всего это были нацменьшинства: карелы, русские и саамы, жившие в приграничных районах в беспросветной нужде и притеснениях, поскольку в независимой Финляндии, как указывалось выше, они считались людьми второго сорта. Уточним: после русских безжалостнее всего в Финляндии притесняли несчастных саамов, людей добрых, тихих и безответных. Когда осенью 1939 года в Финляндии начались приготовления к войне против Советского Союза, жизнь нацменьшинств стала еще беспросветнее и тяжелее. Теперь в них видели не только «недочеловеков», но и потенциальных вредителей и шпионов. Шпиономания обернулась для представителей малых групп населения большими неприятностями. Одних из них арестовывали и избивали в полицейских участках, другие после ареста вообще пропадали бесследно, а некоторых, чтобы убедиться в их благонадежности, часами заставляли горланить воинственные белофинские песни. И горе тому, кто плохо знал слова, пел без задора или недостаточно громко!

Эвакуация населения с Карельского перешейка, Приладожской Карелии и из района Петсамо началась в октябре 1939 года и проводилась в два этапа. Первый поток беженцев организованно и быстро переместился в глубь страны. Второй поток двигался туда же со скрипом и треском, посредством пинков и прикладов. Нередко случалось, что белофинны просто расстреливали целые семьи тех, кто упорно не желал эвакуироваться. (В конце 80-х годов в поселке Песочное жил чекист Н. Солодовников, знавший в районе Райвола (п. Рожино) несколько мест захоронений расстрелянных. Ветеран решил обратить внимание общественности на эти могилы, но понят не был. В те времена общественность искала мифические места жертв сталинских репрессий, а жертвы

белофинского террора ей были не интересны.) Однако, даже несмотря на угрозу смерти, несколько тысяч человек смогли избежать насильственной эвакуации во внутренние районы Финляндии и дождались прихода частей Красной Армии.

На Карельском перешейке «неэвакуантов» насчитывалось около сотни человек, около 8 тыс. осталось в Приладожской Карелии и в районе Петсамо. Для людей, затурканных властью белофиннов, приход советских бойцов оказался самым светлым днем в их беспросветной жизни. А появление в декабре 1939 года правительства Финляндской демократической республики и Финской народной армии стало другим светлым днем. В честь этого события, например, саамами из поселка Керванто, что на побережье Баренцева моря, для красноармейцев было разыграно театрализованное действие, в котором Сталин, одетый в звериные шкуры, бил гарпуном старого злобного сивуча — Маннергейма. Но население старалось оказывать освободителям и более существенную помощь: указывали места, где отступающими белофиннами были заложены мины и фугасы, выступали в качестве проводников, а также весьма успешно выслеживали стоянки белофинских диверсантов, пробравшихся в тыл Красной Армии. В свою очередь, новая власть объединила «неэвакуантов» в комитеты Трудового народного фронта, снабдила продуктами, предметами первой необходимости, и они зажили без притеснений и свинцовых мерзостей прежнего режима¹²⁰.

И, наконец, последний момент, на который необходимо обратить внимание. В своих «трудах» финские русофобы, а вместе с ними и финнофилы постоянно приводят множество цифр, будь то людские потери, количество артиллерийских стволов, танков и т. д. и т. п. Доверять этим цифрам не стоит, поскольку по большей части они высосаны из пальца.

Все свои подсчеты эти «специалисты» ведут чрезвычайно оригинальным способом. Вот, к примеру, один такой деятель, К. Геуст, утверждает, что в первый день войны 8 самолетов «ДБ-3» сбросили на порт в Хельсинки 600 авиабомб¹²¹. В свою очередь, в документах Российского государственного военно-морского архива точно указано, что количество авиабомб, сброшенных эскадрилей Н. Токарева на этот порт в первый военный день, — 45 штук. Спрашивается, откуда Геуст, если он работал с этими документами, нарыл 555 недостающих метательных снарядов? В документах черным по белому значится, что эскадрилья Токарева сбросила 15 «ФАБ-500» и 30 «ФАБ-100». Грамотный человек расшифрует аббревиатуру 15 «ФАБ-500» и 30 «ФАБ-100» как фугасная авиационная бомба, весом 500 и 100 килограммов, а цифры 15 и 30 будут означать количество бомб. Как видите, все очень просто, но только не для Геуста. Этот умник так и не понял, что означают две первые цифры, а сложил килограммы и получил цифру 600. И пошла гулять дурацкая цифра по разным изданиям. А ведь говорят, что сей автор — ведущий финский специалист по авиации. Стоит поздравить Финляндию с подобным «мозгом»! Вот таков уровень и точность всех русофобских подсчетов. В качестве очередного доказательства возьмем «Историю зимней войны», изданную в Хельсинки. В этом труде, например, утверждается, что потери 14-й советской армии в Заполярье составили 900 человек только убитыми. Однако на деле число советских безвозвратных потерь 14-й армии равнялось всего 197 бойцам и командирам. Эту цифру недавно выяснили в архивах отечественные историки¹²². Восстановление истины вызвало в Финляндии глухое ворчание и недовольные реплики.

То есть верить статистическим данным, приведен-

ным в финских и финнофильских «трудах», может лишь отъявленный русофоб либо ненормальный.

Финская война завершилась в марте 1940 года блестящей победой Красной Армии, явившей миру образец воинского умения, мужества и отваги.

«Операция Красной Армии в Финляндии была проведена в высшей степени профессионально и грамотно. Нам есть чему поучиться у русских», — констатировал американский бригадный генерал Беттс, будущий видный военачальник. Отдал должное Красной Армии и белофинский подполковник И. Ханнула. Вспоминая о разгроме пресловутой линии Маннергейма, известный белофинн вынужден был признать: «Прорыв русских был спланирован, подготовлен особенно умело, и руководство им проведено с большим искусством... Мощность огня около ста сосредоточенных батарей была настолько большой, что ее можно сравнить только с наибольшими артиллерийскими сражениями мировой войны»¹²³. «Мы гоняли финнов как вшивых по бане. Гнали их до Выборга, хотели и дальше гнать, но они заключили мир», — делился впечатлениями о финском походе П. Рогатин, боец 123-й стрелковой дивизии.

Мирный договор, подписанный 12 марта 1940 года в Москве, основывался на признании «полной независимости Финляндии и на невмешательстве в ее внутренние дела. Финляндии не было предъявлено каких-либо требований о контрибуциях или разоружении армии»¹²⁴.

Единственной целью договора, как подчеркивалось в его преамбуле, было обеспечение безопасности северо-западных рубежей Советского Союза, важнейших центров и коммуникаций страны — Ленинграда, Мурманского порта и Кировской железной дороги. С учетом этого определялась новая государственная граница между СССР и Финляндией, которая отныне практически восстанавливала историческую россий-

ско-шведскую границу, существовавшую до 1808 года. В состав Советского Союза вошли: весь Карельский перешеек с древним шведским городом Выборг и древнерусской крепостью Корела, носящей финское название Якисальми, районы Приладожской Карелии, район Куолаярви, ряд островов в Финском заливе, а также части полуостровов Рыбачий и Средний (район Петсамо остался в составе Финляндии). Кроме того, Советский Союз получал в долгосрочную аренду полуостров Ханко для создания там военно-морской базы. Стороны также взяли обязательство «воздерживаться от нападения друг на друга и не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против договаривающихся сторон»¹²⁵.

По авторитетному мнению видных современных специалистов, мирный договор от 12 марта 1940 года вошел в золотой фонд мировой дипломатии как крупный вклад в дело мира во всем мире, как образец добрососедства и сотрудничества между двумя странами, основанный на принципах миролюбивой политики.

Прогрессивная общественность Финляндии встретила заключение договора с огромным воодушевлением и восторгом. Одним из первых за добрососедские отношения с Советским Союзом открыто выступил лесоруб О. Хеланен из поселка Мякеля, организовавший в своем доме «Ленинский уголок» и хор лесорубов, который разучивал советские песни, в частности «Принимай нас, Суоми-красавица» (как текст этой песни попал к ним, неизвестно). Затем в мае 1940 года в Хельсинки было создано Общество мира и дружбы с СССР под руководством прогрессивного деятеля М. Рюэмя. К концу года в Обществе было 40 тыс. сторонников мира и друзей СССР¹²⁶.

Однако руководство Финляндии, прежде всего Р. Рюти, К. Маннергейм, Р. Вальден, В. Таннер и дру-

гие белофинские заправки, рассматривали заключение мирного договора как временную вооруженную передышку. Ориентация делалась на то, что мир «не будет постоянным: генералитет и офицерство имеют в виду получить передышку, чтобы затем, осуществив перевооружение армии, разгромить противника»¹²⁷. Вскоре эта ориентация превратилась в навязчивую идею, густо сдобренную свирепой русофобией. «Реваншистски настроенная военщина распространяет слухи о том, что Советский Союз в недалеком будущем потеряет больше, чем Выборг. Финляндия в предстоящей войне заберет большую территорию, чем отдала по мирному договору СССР», — отмечала царящие в соседней стране настроения советская разведка¹²⁸.

«Шерочка с Машерочкой», или Союз двух свастик

С апреля 1940 года было отмечено усиление финско-германских контактов, которые велись по двум направлениям — политическому и военному.

«Весной 1940 года финны напрашивались на протекторат Германии», — позднее скажет о политической составляющей этих связей А. Гитлер¹²⁹. В военных контактах белофинны также стремились всячески угодить своим фашистским друзьям. Генеральный штаб Финляндии направил на ознакомление германскому военному руководству массу аналитических материалов о тактике действий различных родов войск Красной Армии во время финской войны. Во многом эти материалы принижали советскую военную мощь и преувеличивали силы и возможности белофиннов. Затем немецким танковым конструкторам была передана крышка танкового люка, снятого с экспериментального советского танка «СМК», подор-

вавшегося на mine в ходе боев на Карельском перешейке. Как впоследствии оказалось, вместе с ней белофинны подложили немцам и изрядную свинью. Дело в том, что на Кировском заводе, готовя танк «СМК» к боевым действиям, не успели вовремя получить броневую крышку для одного из люков. Тогда было принято решение поставить на ее место временную крышку из малоуглеродистой стали, которую позже и отвинтили белофинны. Немецкие конструкторы, исследовав «подарок», пришли к выводу, что корпуса советских боевых машин целиком сделаны из сырой брони¹³⁰. Из-за этой крышки они до конца войны скрипели зубами на своих союзников. Зато «Проект руководства по допросу военнопленных», составленный белофиннами, привел фашистов в полный восторг. До такой пещерной мизантропии и махрового антисемитизма, который содержался в проекте, не могли додуматься даже в печально знаменитом ведомстве Г. Гиммлера. Так, например, при установлении национальности военнопленного, белофинны пользовались следующей методой: «Азербайджанских тюрков из-за их внешнего вида часто путают с евреями. Их носы все-таки отличаются от еврейского типа носа с горбинкой, и их глаза не так «выпучены», как у евреев. Они также способны произносить трудные слова, содержащие «р», которые для евреев являются камнем преткновения. Во время собственной независимости, 30 лет назад, азербайджанцы использовали хороший способ для распознавания евреев: вставить в предложение слово «кукуруза». Евреи всегда картавили букву «р»¹³¹. Этот «хороший способ» немецкие фашисты приняли на вооружение и с большим успехом применяли его «для распознавания евреев».

Летом 1940 года Германия, в это время уже ведущая разработку плана «Барбаросса», получила право под видом транзита ввести свои войска на террито-

рию Финляндии. Ближайший подручный Маннергейма генерал П. Талвела запишет по этому поводу в своем дневнике, что финны окончательно совершили поворот в сторону Германии¹³². Одновременно с этим крупнейший немецкий торговец оружием И. Фельтиенс получил полную свободу для поставок вооружения в Финляндию. Между Фельтиенсом и белофинским правительством было заключено секретное соглашение № 1187 о поставке 112 орудий, 53 истребителей, 500 противотанковых ружей, большого количества артиллерийских снарядов и противопехотных мин¹³³. Доставка первой партии вооружения была осуществлена до конца 1940 года. «Мы многое уже получили, но оружия требуется, чего бы это ни стоило, еще больше», — отметит один белофинский военный чин¹³⁴. «Финляндия в настоящее время усиленно производит закупку военных материалов, оружия, снаряжения за границей, транспортируя их через Петсамский порт», — сообщала советская разведка¹³⁵. К лету 1941 года белофинны получили из Германии 161 тяжелую гаубицу, 54 легких полевых гаубицы, 350 противотанковых и 112 зенитных орудий, а также необходимое количество боеприпасов¹³⁶. Однако, помимо немецкого оружия, Финляндия, готовясь к реваншу, активно вела закупки вооружения в США, Англии, Швеции и Испании.

Весной 1941 года в Финляндии развернулась вербовка добровольцев в войска СС. Этому предшествовало несколько поездок инспектора сухопутных войск Финляндии генерала Х. Эстермана в Берлин, где ему было указано, что финнам «надлежит делами убедить Германию в своем желании следовать германским курсом»¹³⁷. Лучшим доказательством приверженности этому курсу могло стать формирование добровольческой части СС. Организация вербовки была поручена Э. Риекки, бывшему начальнику сыскной полиции Финляндии, который создал для этих целей

специальный комитет. При этом комитетчики, вероятно от большого ума, пришли к выводу, что из всех арийцев финны самые «ариистые», и потому потребовали для своих добровольцев особых условий: офицера связи, собственной присяги, отдельной от остальных иностранных добровольцев службы и неучастия в военных действиях против Англии. Попытка диктата завершилась большим конфузом. В апреле в Финляндию прибыл эмиссар Гиммлера капитан Шульце, который так наорал на ариистых умников, что те тут же согласились отправлять добровольцев без всяких условий.

До начала июня 1941 года в Германию прибыло 1226 белофинских добровольцев, из которых 421 поденок был направлен в дивизию СС «Викинг», а из остальных сформирован финский батальон СС¹³⁸. В январе 1942 года батальон вошел в состав дивизии «Викинг» и находился на советской территории, где отметился жесточайшими злодеяниями против мирного населения, для которых нет и не может быть срока давности. В этой связи непонятно, кстати, почему Антифашистский центр Симона Визенталя не обращает пристального внимания на Финляндию — страну, где до сих пор спокойно доживают свой век военные преступники из финского батальона СС. Разыскивать и преследовать врагов человечества в джунглях Южной Америки и не замечать фашистского отстойника в Северной Европе! Позор Антифашистскому центру и его подслеповатым сотрудникам!

3—6 июня 1941 года в Хельсинки и в Киле состоялись финско-германские переговоры, где обсуждались вопросы взаимодействия в предстоящих военных операциях и был решен вопрос о базировании германской авиации на финских аэродромах. 12—18 июня белофинский флот и германская флотилия (40 единиц) заняли позиции в шхерных районах Финляндии. Нахождение германских военных кораблей в финских

шхерах за неделю до начала войны, как верно указал прогрессивный историк М. Йокипии, является одним из лучших подтверждений прочного союза двух свастик, существование которого нагло отрицают современные русофобы¹³⁹. 18 июня в Финляндии началась всеобщая мобилизация. Под ружье было поставлено около 600 тыс. человек, что, как с восхищением отмечают некоторые деятели, было вдвое больше, чем мобилизовала любая другая страна из числа союзников гитлеровской Германии¹⁴⁰. Соединения белофинской армии получили операционные направления в ходе предстоящего наступления. В типографии находился приказ Маннергейма о начале военных действий, ожидалось лишь распоряжение для его тиражирования и направления в войска. К началу войны на советско-финской границе были развернуты Карельская, Юго-Восточная белофинские армии и отдельная армия вермахта «Норвегия».

22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Гитлер в своей речи, произнесенной в день нападения, подчеркнул, что в едином строю с германскими войсками на севере находятся «финские братья по оружию», которых «возглавляет маршал»¹⁴¹.

Начало гитлеровского вторжения в СССР было встречено в Финляндии с необычайным подъемом. «Все финны от края до края потеряли рассудок», — позднее вспоминал бывший офицер И. Виролайнен¹⁴². Подъем и ликование белофиннов подогревались идеями создания «Великой Финляндии» с выдвиганием так называемых стратегических границ до Белого моря и Онежского озера, к рекам Свири и Неве. 24 июня в Берлине белофинский посланник Т. Кивимяки вручил рейхсмаршалу Г. Герингу высокую награду Железный крест с цепью. Тронутый вниманием рейхсмаршал заявил, что Финляндия сможет теперь «сражаться вместе с Германией за обладание таких

границ, которые будет гораздо легче защищать, и чтобы при этом имелись в виду этнические факторы»¹⁴³. Посланник Кивимяки тут же связался с Хельсинки и радостно сообщил: «Мы можем теперь взять, что захотим, также и Петербург, который, как и Москву, лучше уничтожить»¹⁴⁴. Однако, не ограничиваясь этим, белофинны визгливо оспаривали у своих друзей фашистов право создания протектората Финляндии над той частью советской земли, где проживали коми, марийцы, чувашаи, остяки и вогулы¹⁴⁵.

26 июня 1941 года президент Рюти в своем выступлении по радио объявил о состоянии войны между Финляндией и Советским Союзом. Затем появился известный приказ Главнокомандующего белофинской армией Маннергейма о начале военных действий против СССР. «Свобода Карелии и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий», — говорилось в приказе — классическом образце человеконенавистничества и экспансии¹⁴⁶. Следом вражеские армии перешли нашу границу, чтобы грабить, насиловать, убивать и осуществлять мечту о «Великой Финляндии».

О событиях на Ленинградском и Карельском фронтах в 1941—1944 годах написано немало, поэтому нет необходимости пересказывать общеизвестные факты. Нет смысла останавливаться и на том жутком режиме, который был установлен оккупантами на захваченных советских территориях. Об ужасах белофинских концлагерей для военнопленных и мирного населения, созданных на территории Финляндии и в Карелии, также известно достаточно много.

Но вот об одном малоизвестном злодействе рассказать обязательно нужно. Свидетельствует Л. Ласоннен, бывшая воспитательница одного из ленинградских детских садов:

«Так получилось, что когда на Карельском перешейке начались бои, эвакуировать наш детский сад

полностью не удалось. А в августе было уже поздно, финны прорвались в район Приозерска. Ужас! Ведь у меня на руках осталась целая группа маленьких детей. Что делать, ума не приложу! Мимо отступал отряд пограничников, вот и нам пришлось отходить вместе с ним. Точнее, детей бойцы понесли на руках. Так шли мы недолго, скоро вышли на берег Ладожского озера и все, дальше пути нет. Финны нас окружили. Несколько дней шел страшный бой, пограничники отбивали атаки противника. А мои детишки от страха кричали и плакали, это было самым ужасным. Каким-то чудом пограничникам удалось дать знать о нашем тяжелом положении военным морякам. Те направили для эвакуации несколько кораблей, но противник сильным огнем не давал им возможности подойти к берегу. Тогда я сказала командиру отряда капитану Жукову, что готова пойти к финнам и предложить им позволить нам отправить с места боя детей. Жуков подумал и согласился. Мы выставили из окопа палку с куском белой материи. Стрельба на берегу стихла. Я вылезла из окопа, дрожу от страха, но иду, делать нечего. Прошла метров сто, слышу: «То-фаришчь, сюта, сюта!» Смотрю, вражеские позиции и один из финских солдат, такой мордатый, мне рукой машет. Подхожу и по-фински говорю, что мне нужен для переговоров их главный командир. Они, честное слово, опешили. Во-первых, пришла молодая девушка, а во-вторых, свободно владеет финским языком. Потом офицер предложил мне следовать за ним. Привел меня к палаткам, где находилась группа военных. В чинах я не разбиралась и потому обратилась к тому из них, кого по виду определила как старшего. Он выслушал и спросил: «А русские сдаваться не будут?» Я ответила, что русские сдаваться не будут, они лишь предлагают позволить им эвакуировать детей, чтобы затем продолжить сражение. Офицер ушел в палатку и связался с кем-то по телефону. После мне

объявили, что скоро дадут ответ. Примерно через полчаса к палаткам подъехала легковая машина, и из нее вылез представительный военный. Тогда я не знала, кто это, но сегодня почти уверена, что на машине приехал командующий 11-м финским корпусом генерал Лаатикайнен. Наверное, ему захотелось лично взглянуть на необычного парламентаря. Он спросил: «Верно ли, что в окружении находятся дети?» Я ответила утвердительно и предложила кому-нибудь из офицеров пойти со мной, чтобы удостовериться в этом. Генерал усмехнулся, пообещал прекратить огонь по кораблям, а на прощание козырнул и сказал: «Запомните, юная большевичка, доблестная финская армия не воюет с женщинами и детьми!»

Когда я вернулась к своим, то к берегу подходил наш военный катер. Мы погрузили на него 30 перепуганных малышей и взяли курс в открытое озеро. Точно не знаю, на сколько метров успели отойти от берега, как по нам ударила финская пушка. Справа от катера взметнулся высокий столб воды, слева — другой. Помню крик матроса: «В вилку взял, гад!» и следом ослепительная вспышка, грохот и холодная темнота. Другому кораблю удалось спасти с нашего катера только меня, все моряки и дети погибли...

После войны мне стало известно, что немецкие фашисты, окружив Брестскую крепость, беспрепятственно позволили выйти из нее семьям комсостава — женщинам и детям, а на Карельском перешейке белофинское зверье действовало таким вот подлым способом»¹⁴⁷.

Подчеркнем, что подобное коварство и беспредельная жестокость являлись характерной чертой белофинской армии во время войны 1941—1944 годов. Впрочем, удивляться тут нечему. Достаточно сказать, что самой популярной песней белофинских вояк была песня «Между глаз», где были такие слова:

Заметим, что в Красной Армии наиболее расхожим и действенным призывом в те годы служил призыв И. Эренбурга «Убей немца!», но агитпроп не придумал ничего подобного по прямоте и откровенности в отношении финнов. Даже солдатский фольклор Ленинградского и Карельского фронтов за все время войны не отличался изощренной финнофобией. Советская авиация, бомбившая территорию Финляндии, наносила удары исключительно по военным объектам. Известен случай, когда штурман 13-й воздушной армии Ленинградского фронта покончил жизнь самоубийством из-за того, что во время налета допустил ошибку и бомбы упали на жилой квартал одного из финских городов! Наша армия воевала с ними так, как воевала во всех предыдущих войнах, — с рыцарским благородством и достоинством.

Хотя только за один Ленинград с этим противником следовало воевать, перечеркнув все нормы человеческой морали и права. Активное участие белофиннов в блокаде Ленинграда, где голодной смертью умерли сотни тысяч ленинградцев, есть тягчайшее военное преступление всех времен и народов, без срока давности. А ведь помимо голодной блокады, они участвовали и в варварских артиллерийских обстрелах города. По свидетельству подполковника С. Смирнова, одного из тех, кто вел контрбатареиную борьбу на Ленинградском фронте, во время этих обстрелов белофинны действовали очень коварными методами. На Карельском перешейке, где линия фронта проходила по советско-финской границе 1939 года, они применяли «кочующие» орудия. В основном это были немецкие 150-мм полевые гаубицы или 149-мм пушки «К-39», которые открывали огонь в момент немецких обстрелов, тем самым маскируя свою стрель-

бу под артобстрелы союзника. Для обстрела северных районов Ленинграда белофинны использовали снаряды с усиленным зарядом. Основными целями у них были районы Финляндского вокзала, Лесного проспекта и почему-то тюрьма «Кресты». Бороться с «кочующими» орудиями противника было непросто, но наши артиллеристы с этой задачей справлялись, поэтому за все время блокады в Ленинграде разорвалось немногим более 150 белофинских снарядов. В начале 1944 года советской разведке стало известно, что белофинны начали переговоры с немцами о поставке 173-мм пушек «К-18». Эти мощные артиллерийские системы с дальностью огня свыше 28 км они хотели установить на Карельском перешейке для более эффективного обстрела Ленинграда. Осуществить этот злодейский замысел им, к счастью, не удалось.

Более того, в недавнем интервью «Санкт-Петербургским ведомостям» историк-патриот Н. Барышников заявил, что белофиннами практически был сформирован 30-тысячный полицейский корпус «для оккупационной службы в Петербурге»¹⁴⁹. А что представляла собой эта «оккупационная служба», известно на примере оккупированного Петрозаводска: репрессии против мирного населения, разграбление и уничтожение культурного и исторического наследия города. Такая же судьба ожидала и Ленинград, где перед тотальным грабежом и вакханалией расправ с населением белофинны планировали осуществить заветную мечту Маннергейма — водрузить на Исаакиевском соборе финское знамя. А будущий президент Финляндии осторожный русофоб Ю. Паасикиви готовился произнести по радио торжественную речь: «Пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна. Для нас, финнов, Петербург действи-

тельно принес зло. Он являлся памятником создания русского государства, его завоевательных стремлений». Благодаря стойкости и мужеству ленинградцев и вражеское знамя, вознесенное над великим собором, и речь по радио так и остались в зловещих мечтах белофиннов.

И даже последний налет вражеских бомбардировщиков на Ленинград 4 апреля 1944 года был произведен белофинскими летчиками (до этого они уже бомбили окраины города)¹⁵⁰. В тот день 35 бомбардировщиков «Ю-88» пытались прорваться к Ленинграду со стороны Ладожского озера. Радиолокационная станция «Редут» взяла вражеские бомбардировщики под наблюдение еще в районе Сортавалы и вела их через всю Ладогу. В районе станции Ириновка их встретил заградительный зенитный огонь и истребители. Три «Ю-88» были сбиты, остальные спешно ушли на территорию Финляндии¹⁵¹.

Весной 1944 года Ставкой ВГК была разработана крупная стратегическая операция с расчетом последовательного нанесения двух ударов — на Выборгском и Свирско-Петрозаводском направлении войсками Ленинградского и Карельского фронтов. Директива Ставки требовала подготовить и провести не позднее первой половины июня операцию на Карельском перешейке с нанесением главного удара в общем направлении Старый Белоостров — Выборг — Лаппеенранта. В случае успеха Ленинградского фронта Карельскому фронту ставилась задача провести Свирско-Петрозаводскую операцию, нанеся главный удар вдоль Ладожского озера.

10 июня 1944 года войска Ленинградского фронта перешли в наступление на Карельском перешейке. В течение десяти дней был разгромлен «Карельский вал», пресловутый рубеж обороны, который противник считал неприступным. 20 июня от присутствия белофиннов был очищен старинный шведский город

Выборг, и советские войска вышли на советско-финскую границу 1940 года. 21 июня началась Свирско-Петрозаводская операция Карельского фронта. К 9 августа войска фронта, преодолев ожесточенное сопротивление противника, достигли линии государственной границы в Карелии. Блестящие операции советских войск летом 1944 года на Карельском перешейке и в Карелии известны в истории как четвертый сталинский удар.

Под воздействием сталинского удара белофинское руководство заявило правительству Германии о том, что больше не хочет быть друзьями фашистов, осуждает их преступную идеологию и плевать хотело на все ранее принятые обязательства¹⁵². Одновременно новые «антифашисты» обратились к правительству Советского Союза с предложением принять финскую делегацию для ведения переговоров о мире.

29 августа Советское правительство дало согласие принять делегацию в Москве при условии, что Финляндия официально заявит о разрыве отношений с Германией и предъявит ей требование о выводе своих войск с финской территории. «Антифашисты» немедленно согласились на эти условия. 2 сентября Финляндия официально объявила о своем выходе из войны и потребовала от немецких «братьев по оружию», окопавшихся в Лапландии, убираться вон.

14 сентября 1944 года в Москве начались советско-финские переговоры. Их участники, в том числе и английские представители А. Керр и Д. Бальфур, были поражены поведением членов финской делегации, которые проявляли столько подобострастия, что порой за них становилось неловко. Министр обороны Финляндии генерал В. Вальден, например, неоднократно шикал на генерала О. Энкеля, когда тот пытался в чем-то возражать советской стороне.

19 сентября 1944 года между Советским Союзом и Финляндией было заключено соглашение о переми-

рии. Этот документ обязал Финляндию очистить Лапландию от немецких войск, а также в течение двух месяцев демобилизовать и перевести в мирное положение собственные вооруженные силы. Соглашением восстанавливалась советско-финская граница, определенная мирным договором 1940 года. Советскому Союзу возвращалась исконная русская территория — область Петсамо (Печенга), уступленная Финляндии по договорам 1920 и 1940 годов. Советская сторона получила возможность создать в районе Порккала-Удд на арендных правах военно-морскую базу. Кроме того, Финляндия была обязана возвратить награбленные в период войны все советские ценности, имущество и материалы, а также выплатить Советскому Союзу репарации в сумме 300 млн. долларов.

«Соглашение о перемирии послужило началом новому, светлому периоду в жизни финского народа», — так оценила подписание документа прогрессивная финская общественность¹⁵³. В самом деле, заключенное соглашение никоим образом не ущемляло государственный суверенитет и национальную независимость Финляндии. Даже установленная сумма репарационных платежей не покрывала и десятой доли прямого ущерба, нанесенного Финляндией в годы войны народному хозяйству Карелии, Ленинграду и Ленинградской области. По неполным данным, общая сумма прямого ущерба одной только Карелии превышала 20 млрд. рублей. Тогда как репарации в 300 млн. долларов составляли менее 2 млрд. рублей¹⁵⁴.

На умеренность советских условий указывали и ведущие органы печати США и Англии. Английский еженедельник «Спектейтор» подчеркивал, что Советский Союз не проявил в отношении Финляндии «даже намек на стремление к мщению»¹⁵⁵. Хотя, как отмечала пресса тех же стран, Финляндия «не могла не нести серьезной ответственности за урон, нанесенный оккупацией советской территории, за соучастие

с фашистской Германией в жесточайшей блокаде Ленинграда и гибели сотен тысяч жителей»¹⁵⁶.

Тем не менее Советское правительство не поддавалось на подстрекательство со стороны союзных держав, жаждущих показательного наказания Финляндии как страны, наиболее близкой к фашистской Германии. Позиция Советского Союза в этом вопросе была озвучена в октябре 1944 года. «Требовать большего от Финляндии было бы нецелесообразно, — писал один из авторитетных печатных органов, — потому, что это скорее бы затруднило, чем облегчило установление с нею добрососедских отношений в интересах прочного мира. А Советский Союз заинтересован в прочных мирных отношениях с соседними странами, и поэтому дальновидная советская политика не может не стремиться к установлению таких отношений и с Финляндией»¹⁵⁷. Более того, как стало недавно известно, Сталин категорически не согласился с предложением маршала К. Ворошилова и даже отругал его за то, что незадолго до заключения соглашения тот выступил с инициативой об установлении госграницы западнее Иматры, Лаппенранты и Котки¹⁵⁸. А в январе 1946 года Советское правительство в очередной раз проявило свой гуманизм и приверженность к миролюбию, официально объявив, что не станет предавать суду главного русофоба и поджигателя войны — маршала Маннергейма¹⁵⁹.

С булыжником за пазухой, лыжной палкой за спиной и с одной на всех извилиной

В феврале 1947 года между СССР, союзными государствами и Финляндией был заключен мирный договор. Документ юридически прекращал для Финляндии состояние войны и подтверждал содержа-

щиеся в Соглашении о перемирии политические, территориальные, репарационные и другие положения.

На следующий год Советский Союз и Финляндия заключили договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который создал основу нормальных взаимоотношений обеих стран, стал важнейшей вехой в процессе формирования и упрочения нового финского внешнеполитического курса. Более того, в соответствии с этим договором Финляндия впервые в своей истории обязалась стать военным союзником СССР¹⁶⁰. С этого момента на многие негативные события, имевшие место в истории советско-финских отношений, было наложено как бы негласное табу, устраивающее руководство обеих стран.

Свыше четырех десятилетий отношения между Советским Союзом и Финляндией был идеальным примером мирного сосуществования. В эти годы Финляндия полностью избавилась от постороннего диктата в своей внешней политике и даже выступала на международной арене в защиту мира, демократии и прогресса. Когда, например, в 1980 году Генеральная Ассамблея ООН приняла под нажимом США резолюцию, требующую вывода советских войск из Афганистана, то Финляндия воздержалась от голосования в поддержку столь одиозного документа. Тогда как в 1983 году финны одними из первых проголосовали за резолюцию ООН, осуждающую грязную агрессию США против демократической Гренады. «Внешнеполитическая доктрина, получившая в Финляндии и СССР название «линия Паасикиви — Кекконена», была в Финляндии очень популярна. Финны считали, что следование такой внешнеполитической линии соответствовало национальным интересам Финляндии. Результатом такой внешней политики считали процветающую торговлю с Советским Союзом, благодаря чему Финляндия достигла сильного экономическо-

го роста в 80-е годы», — пишет исследователь В. Николссон¹⁶¹.

На этом фоне, пожалуй, единственный из советских деятелей, кто предчувствовал сегодняшний разворот событий вокруг Карельского перешейка и Карелии, был Г. Романов, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. Именно ему в 70-х годах принадлежала идея организации на Карельском перешейке как можно большего количества садоводческих дачных товариществ. Романов рассматривал их в качестве стратегического объекта, лишнего препятствия на пути финских реваншистских устремлений¹⁶².

С началом в СССР так называемой «перестройки» прежняя идиллия в советско-финских отношениях стала постепенно отходить на второй план, уступая место косым взглядам и ненависти. Финны, как это уже неоднократно случалось, вновь окрысились на своего восточного соседа. Во многом финское недовольство было вызвано тем, что в 1990 году СССР объявил о прекращении двухсторонней торговли-клиринга с Финляндией. В одночасье Финляндия лишилась всех привилегий прошлых лет, на которых, собственно, и строился ее экономический рост. Торговать с Советским Союзом теперь нужно было на условиях рыночной конкуренции с другими странами, к чему финны в торговле с СССР не привыкли и привыкать не хотели¹⁶³. Им было выгодно, пользуясь отдельными недостатками советской системы, спихивать нам свой залежалый товар. Экономические сложности, возникшие в Финляндии, стали причиной безудержной критики в адрес Советского Союза. «Кончились привилегии в торговле с СССР, нет больше и надобности молчать», — как верно заметил по поводу финских критиков Николссон¹⁶⁴. В средствах массовой информации развернулась шумная антисоветская кампания. Войдя в раж, отдельные деятели договорились даже до того, что обвинили Советский Союз в разжи-

гании войн 1939—1940 и 1941—1944 годов, а бывшего президента Кекконена объявили агентом КГБ. Под антисоветский хай повылазили из темных щелей и различные реваншистские организации типа «Карельского союза».

Период 1991—1992 годов, когда с политической карты мира исчезла страна под названием СССР, оказался в финской экономике рекордным по спаду. За два года, по неполным данным, в Финляндии обанкротилось свыше 8697 компаний¹⁶⁵. Некоторые эксперты прогнозировали падение уровня жизни в стране до уровня Парагвая, а может быть, и еще ниже — до уровня Габона. Ненависть финнов, привыкших за много лет советских торговых привилегий к безбедному существованию, перекинулась на Россию, ставшую правопреемницей СССР. В Финляндии начали расти антирусские настроения, которые подогревались публикой из реваншистских организаций. Волна русофобии совпала по времени с началом массового туризма из России. Негативное отношение к русским проявлялось во всем и повсеместно. В СМИ русские представлялись исключительно в виде воров, пьяниц и проституток. Финские гиды говорили о русских как о типах, интересующихся магазинами вместо музеев. В Хельсинки и других городах в супермаркетах появились объявления по-русски: «Вход только по одному», «Сумки — сюда», «В нашем магазине работает инспектор уголовного розыска»¹⁶⁶.

В 1992 году в русофобский хор вплелись настырные требования о возврате «утраченных» территорий. Эти реваншистские вопли вскоре вылились в формирование так называемого Карельского вопроса, суть которого заключалась в возвращении Финляндии Карельского перешейка, Карелии, района Петсамо и островов в Финском заливе, якобы незаконно аннексированных в свое время Советским Союзом¹⁶⁷. Появились многочисленные проекты, где рассматрива-

лись всевозможные аспекты этого самого возвращения. Так, некий горный советник И. Песси сочинил целый трактат под названием «Принципы развития под юрисдикцией Финляндии территорий, принудительно отторгнутых у нее в 1944 году». Опус советника предусматривал в случае присоединения Карельского перешейка и Карелии превращение их в особую территорию по образцу Аландских островов. Нескольким сотням тысяч русских, проживающих на этих землях, предоставлялась свобода выбора — уехать либо же остаться на месте для проживания в новых условиях. Правда, подчеркивалось, что «финны, эвакуированные с аннексированных земель, или их потомки получают в течение первого года преимущественное право выкупа у финляндского государства находившихся в собственности их предшественников участков земли, строений либо части их. После этого финляндское государство будет продавать по своему усмотрению недвижимую собственность всем высказавшим такое пожелание финнам, а по прошествии определенного времени также и иностранцам»¹⁶⁸. При этом реваншист Песси, ничуть не смущаясь формулировкой столь хитрого пункта, договорился до того, что якобы его «Принципы» способны «показать всему миру, что такими средствами можно мирным путем осуществлять совершенствование условий жизни национального меньшинства под управлением другой нации, а также то, как можно сблизить друг с другом две имеющие разное происхождение группы населения»¹⁶⁹. Вскоре злобный бред реваншистского недоумка был опубликован на русском языке отдельной брошюрой и появился в финских приграничных районах в расчете на русских туристов.

А в России отчетливо проявилась деятельность «пятой колонны», которую, судя по некоторым признакам, заинтересованные финские организации уси-

ленно подкармливали с 1986 года, то есть с начала «перестройки».

В Карелии, например, некое «Карельское движение» орало во всю свою луженую глотку о вековом угнетении карел «проклятым российско-советским империализмом». «Мое убеждение таково, — вещал лидер движения некто Григорьев, потомок самогонщиков времен Карельской авантюры, — есть финская нация, объединяющая племена карел, финнов, вепсов, ижор. В отношении их еще задолго до революции начала проводиться политика геноцида, сознательное расчленение нации на несколько частей. Но положение резко усугубилось после 1920 года, когда оставшаяся за Советской Россией Восточная Карелия была превращена в «подстоличную» Сибирь. На наших землях поселяли десятки тысяч заключенных, велась хищническая вырубка лесов, осушение болот, добыча полезных ископаемых. Были уничтожены старинные традиции землепользования, а вместе с ними фактически оказался разрушенным и генофонд нации. Вместо удобного финского языка ввели новоизобретенный путем механического смешения местных диалектов «карельский литературный язык», но даже и его вскоре запретили. На сегодняшний день карелы — один из самых забытых народов России»¹⁷⁰. Решение проблемы «забитости» российских карел гоп-компания Григорьева видела в присоединении почти всей территории Карелии и Карельского перешейка на конфедеративной основе к Финляндии либо в создании принципиально нового государства на землях исторического расселения карельских племен. Сепаратистам из «Карельского движения» поддакивали деятели и из других нацменских организаций Карелии.

А в Петербурге в начале 90-х годов бесчинствовал финнофильский кружок некоего Блевашова. Финнофилы выступали за «искупление вины за преступления

сталинского режима и восстановление исторической справедливости», то есть за немедленную передачу Финляндии утраченных территорий. Все свои шабаши они фиксировали на фотопленку, чтобы предъявлять потом финским хозяевам в качестве доказательства бурной сепаратистской деятельности. Однажды, правда, пикетируя здание Законодательного собрания города, тогда еще Ленсовет, финнофилы случайно столкнулись с местными монархистами. Лозунги о передаче русских земель соседнему государству вызвали страшный гнев монархистов. В итоге финнофилы, позабыв о «восстановлении исторической справедливости», позорно бежали от Ленсовета, побросав свои плакаты и лозунги. Один из бывших членов блевашовского кружка рассказывал, что, собираясь у кого-нибудь на квартире, они горячо обсуждали, кто из них в недалеком будущем станет главой Виипури (г. Выборга), Кякисальми (г. Приозерска) или, на худой конец, Райвола (п. Рощино). Причем обсуждение велось на полном серьезе с визгом, брызганьем слюной, размахиванием руками, взаимными оскорблениями, угрозами и обидами. Со стороны это сборище напоминало незабвенный союз «Меча и орала», но выглядело не забавно, а отвратительно.

Зашевелились в Петербурге и ингерманландцы. Эти, правда, не проявляли открытых сепаратистских тенденций, а заваливали всевозможные инстанции тоннами заявлений и справок, добиваясь признания их жертвами политических репрессий, что давало немалые льготы и привилегии. Особенно преуспел в этом деле Л. Гильди, яростно отстаивая права всех, кто был когда-то в чем-то ущемлен. Впоследствии защитник даже издал книжку, в которой более чем подробно описал всю свою героическую эпопею борьбы с бюрократами в демократической России, никак не желающими видеть в его подзащитных жертв политических репрессий.

С 1992 года Карельский вопрос занял видное место в отношениях России и Финляндии. Этому предшествовало подписание в январе 1992 года российско-финского соглашения, предусматривающего развитие отношений между двумя странами по принципам СБСЕ.

От имени финского «Карельского союза» Президенту Финляндии М. Койвисто было направлено обращение с требованием о решении Карельского вопроса. В документе говорилось о том, что «районы, отошедшие к СССР в 1940 и 1944 годах в результате военных поражений, могли бы быть превращены в экономически процветающие регионы в том случае, если они вновь будут присоединены к Финляндии», а также содержался призыв сделать возврат к восточным границам 1939 года «национальной задачей номер один»¹⁷¹. Обращение «Карельского союза» подписали более 200 финских общественных деятелей, известных русофобскими взглядами. Кроме того, около 40% населения Финляндии высказались в поддержку данного обращения.

МИД России отреагировал на требование «Карельского союза» следующим заявлением: «По вопросу о границах между двумя государствами существует плюрализм мнений, в том числе и крайние точки зрения. По существующему договору стороны обязуются сохранить границу в соответствии с Заключительным актом совещания в Хельсинки, уважая ее нерушимость и территориальную целостность друг друга»¹⁷².

Недовольные русофобы направили «острые атаки» против посла России в Финляндии Ю. Дерябина. Однако посол, отвечая на каверзные вопросы, как и подобает дипломату, пускался в многословные, ничего не значащие рассуждения. «На вопрос о границе между двумя государствами, — говорил журналистам Дерябин, — долгое время накладывалось табу. Сейчас не существует запретов на обсуждение этой про-

блемы, которая является весьма актуальной и важной для российско-финских отношений»¹⁷³. В результате финские газеты запестрели заголовками: «Юрий Дерябин, не добро пожаловать в Финляндию», а чуть погодя российский посол получил по почте простреленную открытку с надписью: «Вон из Финляндии!»¹⁷⁴

11 июля 1992 года состоялся визит Президента России Б. Ельцина в Финляндию. Накануне его визита на обращение «Карельского союза» последовал официальный ответ финского руководства: «Президент Финляндии заявил, что его администрация не собирается поднимать вопрос о российско-финской границе»¹⁷⁵.

На встрече Ельцин и Койвисто обсудили состояние деловых российско-финских связей, пришли к единодушному мнению о необходимости увековечения памяти советских и финских солдат и офицеров, погибших на двух войнах, и обменялись ратификационными грамотами о вступлении в силу нового Договора об основах отношений между двумя странами, основанного на общеевропейских стандартах. В документе, помимо всего прочего, была также зафиксирована не только нерушимость границ между Россией и Финляндией, но и отсутствие претензий по этому вопросу¹⁷⁶. В связи с чем ведущие российские политики выступили со следующим резюме: «Тем самым однозначно отвергаются требования определенных сил в Финляндии, в частности общества «Карельский союз», о пересмотре российско-финляндских границ»¹⁷⁷.

Однако в Финляндии «Карельский союз» продолжал мутить воду. Дискуссия на тему утраченных территорий затронула и финский парламент, где нашлись как сторонники, так и противники идеи возвращения бывших земель. Председатель парламента И. Суоминен назвал требования реваншистов «неразумными», напомнив, что «в Европе есть немало тер-

риторий, о принадлежности которых тому или иному государству в историческом плане можно поспорить»¹⁷⁸. Окопавшимися в парламенте реваншистами заявление прогрессивного деятеля было встречено злобными выкриками с мест. Какой-то бешеный сторонник «Карельского союза» даже запустил в Суомина авторучкой.

В 1992 году определенное внимание к проблеме Карельского вопроса было уделено и в России. Если не брать в расчет галдеж финнофильствующих деятелей, то серьезные историки — такие, как отец и сын Барышниковы, В. Федоров, О. Ржешевский и другие, участвуя в дискуссиях по этой проблеме, уверенно доказывали, что требования финских реваншистов не имеют под собой никаких оснований.

Между тем неугомонный «Карельский союз» потребовал проведения официальных переговоров по вопросу о возврате Финляндии утраченных территорий. На имя американского и российского президентов союзом был направлен меморандум. «В результате событий, произошедших за последние годы в Европе, были разрушены границы, сложившиеся после Второй мировой войны», — подчеркивали в своем заявлении реваншисты в надежде продолжить это разрушение и далее¹⁷⁹.

В ходе одной из пресс-конференций в Москве Ельцин отклонил идею о том, чтобы вернуть Финляндии «утраченные» территории, буркнув в своей обычной мужиковатой манере: «Карельской проблемы не существует. Поднимать вопрос о пересмотре границ в Европе означает создавать хаос»¹⁸⁰. При этом, правда, заметил о готовности России «проявить гибкость в отношении границ», но оставил свое замечание без каких-либо комментариев¹⁸¹. А американский президент финским реваншистам вообще ничего не ответил.

После этого «Карельский союз» немного поутих.

Во всяком случае, в течение нескольких лет эта организация воздерживалась от громких заявлений по территориальной проблеме.

В России первоначальный накал страстей тоже пошел на спад. Сепаратистское «Карельское движение» как-то скукожилось, полиняло и притихло, кружок Блевашова развалился, а сам он куда-то исчез из политической жизни. Появились, правда, новые финнофилы, но эти, в отличие от прежних, вели себя намного сдержаннее и не устраивали открытых акций в поддержку финских реваншистов, предпочитая русофобствовать на кухнях.

Так продолжалось до середины 90-х годов. С приходом к власти в Финляндии президента М. Ахтисаари, выходца из Выборга, вопли вокруг Карельского вопроса зазвучали с удвоенной силой. В официальных заявлениях Ахтисаари постоянно подчеркивал, что никаких территориальных претензий к России не существует, но в то же время именно при нем «Карельский союз» обрел свое второе дыхание, махровым цветом расцвели и другие реваншистские организации «ПроКарелия» и «Возврат территорий». Изменилась и тактика действий реваншистов.

Потерпев неудачу в «кавалерийском наскоке» 1992 года, они перешли к более целенаправленным и коварным методам действий, причем как в Финляндии, так и в России. И если во времена Ахтисаари эти методы проходили, можно сказать, своеобразную обкатку, то в наши дни, при президенте Т. Халонен, эти методы действуют в полную силу.

С середины 90-х годов в Финляндии была принята специальная правительственная программа «Северное измерение», щедро спонсируемая, помимо прочих, и Европейским союзом. О том, какие «благие» цели преследует эта программа, можно судить по заявлениям финских политиков. Так, в ноябре 1996 года первое лицо финского МИДа Ю. Валтасаари, вы-

ступая в «Финском клубе» в Хельсинки, заявил, что цель «новой программы» Финляндии (то есть «Северного измерения») — использовать в пользу Финляндии минеральные ресурсы Кольского полуострова и лесные ресурсы Карелии. В 1998 году на семинарешабахе «Карельского союза» он сказал, что Карельский вопрос долго обсуждался на государственном уровне и Финляндия весьма недовольна его решением после 1944 года. Осенью 1999 года все тот же Валтасаари, поясняя в Берлине представителям европейской элиты идею «Северного измерения», подчеркнул, что рядом с границей Финляндии сосредоточены лесные и минеральные ресурсы мирового масштаба, которые нужно использовать для процветания развитых стран¹⁸².

В ноябре 1998 года финский МИД подготовил долгосрочный план по финансированию программы «Северное измерение». До 2020 года Финляндия намерена вбухать в эту программу около 80 миллиардов долларов США. «Такая сумма непомерно велика для развития торговли или общественно-культурной деятельности, а значит, речь идет о подготовке широко-масштабного изменения государственных границ с Россией. Геополитические интересы Финляндии распространяются на Кольский полуостров, Карелию, Карельский перешеек, острова Финского залива и даже на Новгородскую область. Но на данный момент приоритет в реваншистской программе — Карелия, поскольку финские политические и экономические круги выказывают большую заинтересованность в скорейшем освоении ее лесных богатств», — приходит к выводу бескомпромиссный борец с финским реваншизмом Й. Бэкман¹⁸³.

Пропагандистским обеспечением «Северного измерения» занимается финансируемая финским МИДом реваншистская организация «ПроКарелия». В последнее время в Финляндии опубликовано множество

книг, которые пропагандируют идеи изменения границ. Авторы этих книг — известные ученые, журналисты, бизнесмены и чиновники финского МИДа, все — злобные русофобы. Вот названия наиболее одиозных трудов: «Карелия обратно — здоровые отношения с Россией», «К Карелии: утраченная Карелия сегодня и завтра», «Наша Карелия за границей», «Карельский вопрос — экономические взгляды», «Маленькая книга о Карелии», «Когда Карелия вернется», «Реформа Карелии», «Возвращение Карелии». А вот какие мысли содержатся в этих сочинениях. Автор «Маленькой книги о Карелии», чиновник финского МИДа и советник правительства Финляндии по России И. Сусилуото, пишет о том, что «захват» Карелии Сталиным — это «травма в душе русских», что нынешнее население республики — «отбросы общества» и что только присоединение Карелии к Финляндии может спасти ее «от полного уничтожения». Автор книги «Когда Карелия вернется», Х. Такала, считает, что Карелия должна стать «автономной областью» Финляндии, где русское население не будет иметь права голосовать на выборах в Финляндии в течение пяти лет (после этого срока — только через языковой барьер). Вся недвижимость на территории Карелии перейдет в собственность финнов, за исключением дачных районов, которые будут уничтожены. Русское население Карелии поселится в специальных местах. Порядок в них станет осуществлять усиленный полицейский контингент, а все правонарушения будут рассматриваться судами в ускоренном темпе. Тем русским, которые добровольно уедут из Карелии, Такала полагает необходимым оказать незначительную денежную поддержку для обустройства на новом месте. Авторский коллектив книги «Реформа Карелии» представил на суд читателей не только план включения в состав Финляндии Карелии и других регионов северо-запада России, но и полный план этнической чистки. В со-

ответствии с этим планом этническая чистка в Карелии займет не менее 10 лет, но основная ее часть будет проведена в течение первых двух лет после воссоединения с Финляндией. Депортации в числе первых подвергнутся чиновники, военные, пограничники, таможенники, работники спецслужб и их семьи. Относительно русских ветеранов финской войны и Карельского фронта в книге ничего не говорится, но надо полагать, что с этой категорией людей дело одной депортацией не ограничится, особенно для бывших партизан, которых финны считают военными преступниками. Всего планируется депортировать из Карелии около 100 тыс. русских, которым предоставят место на «специальной территории» между Петербургом и Новгородом¹⁸⁴.

Помимо реваншистских книг, в Финляндии из года в год растет количество газетных статей на ту же тему с красноречивыми заголовками «Тревога за Карелию», «Карельский вопрос в 2003 году» и т. д. Ведущее место в публикации реваншистских материалов занимает крупнейшая финская газета «Хельсингин Саномат», владельцем которой А. Эркко — известный русофоб. Вместе с муссированием Карельского вопроса финская пресса периодически помещает на своих страницах статьи и заметки, в которых Россия изображается полностью коррумпированной и преступной страной, а все русские люди — жадными, глупыми, ленивыми, плохо пахнущими ворами, лгунами, алкоголиками и проститутками. В противопоставление русским и России в финских газетах утверждается, что финны — старейший народ Европы, а Финляндия — колыбель мировой цивилизации. Абсолютный рекорд здесь принадлежит профессору филологии К. Вику, который заявил со страниц «Хельсингин Саномат» о финнах как о создателях европейской культуры, прародителях всех германских народов и даже первых правителях Европы. Другой ненормаль-

ный, Я. Вилкун, разродился в газете «Кескисуомалайнен» статьей, где утверждал, что некогда столица Бельгии Брюссель была «захолустной финской деревней»¹⁸⁵. Заметим, что летом 2002 года Комитет по пресечению расизма и дискриминации Совета Европы сделал Финляндии серьезные замечания по поводу того, что финские СМИ ведут разнузданную русофобскую пропаганду. Но что для «создателей европейской культуры» замечания какого-то Комитета! Ненависть по отношению к России и русским только усилилась!

Кроме того, в последнее время в Финляндии участились публикации в поддержку чеченских террористов и прогнозы о скором распаде России на несколько мелких государств. Посол Финляндии в Лондоне П. Салолайнен уверен, что такой распад произойдет в 2022 году, после чего европейские и азиатские соседи России легко разделят между собой ее богатства и территории¹⁸⁶. Кстати, по данным российских спецслужб, в Финляндии активно действуют филиалы ряда международных террористических организаций, ведущих сбор средств на поддержку как исламских террористов вообще, так и чеченских террористов в частности. Свою деятельность филиалы осуществляют не без поддержки со стороны финских спецслужб и правительства Финляндии. По сведениям осведомленного источника, финские реваншисты делают ставку на привлечение чеченских бандитов к участию в возможной войне против России.

В качестве «дымовой завесы» для прикрытия своих далекоидущих замыслов финские реваншисты умело разводят демагогию о том, что планы об отторжении российских земель строят ненормальные маргиналы, чье мнение не имеет веса в финском обществе, такие, например, как некий С. Лехто. Этот Лехто на полном серьезе величает себя «маршалом правительства оккупированных территорий» и уже «прославился»

тем, что однажды отправил посылку с дерьмом в адрес Карельского комитета ветеранов Великой Отечественной войны¹⁸⁷. Однако верить заверениям реваншистов о маргиналах не надо — врут! Петербургский журналист Ю. Нерсесов, начав исследовать этот вопрос, установил, насколько влиятельные финские политики последовательно готовят возвращение «оккупированных территорий». Помимо тех, чьи имена уже упоминались, назовем спикера финского парламента Р. Уосукайнен. В 2000 году эта тетка, баллотируясь на пост президента страны, выдвинула лозунг о том, что «Карелию следует вернуть назад, но без населения», за что огребла 13% голосов избирателей¹⁸⁸. Вот еще несколько одиозных имен: председатель «Карельского союза» депутат парламента М. Лаукканен, brutальные военные — генерал-лейтенант Р. Мерио, командующий военным округом Кюме и бригадный генерал К. Хиетанен¹⁸⁹. К настоящему времени «Карельский союз» состоит из 470 обществ и насчитывает 60 тыс. человек, мечтающих о «Великой Финляндии»¹⁹⁰. Идеи реваншистов разделяют от 20% до 38% финского населения, а среди молодежи поддержка этих идей доходит даже до 40%¹⁹¹. В 2004 году деятели из «Про-Карелии» собрали 100 тыс. (и намерены собрать 500 тыс.) подписей под воззванием к правительству начать переговоры с российской стороной о возвращении «утраченных» территорий¹⁹².

В России деятельность финских реваншистов развивается в соответствии с планом некоего политолога Ю. Сеппенена, который разработал «тактику и стратегию постепенного изымания утраченных территорий из состава России»¹⁹³. В основу этого плана положена так называемая «ползучая оккупация», когда в свободных экономических зонах приграничной полосы создаются многочисленные совместные предприятия, четко сориентированные на финскую экономику. Местная промышленность при этом активно ра-

зоряется. Кроме того, предусмотрена долгосрочная аренда земельных участков, а также всяческое противодействие строительству крупных промышленных объектов и отводу земель под новые садоводства. При использовании подобных методов, по мнению Сеппенена, на «утраченных» территориях со временем разовьется замкнутая на Финляндию инфраструктура, появится финское население с разнообразной движимой и недвижимой собственностью, финский язык станет господствующим и... ныне существующие «пограничные столбики можно будет сохранять как музейную редкость»¹⁹⁴.

С середины 90-х годов в Карелии и на Карельском перешейке появилась масса сомнительных предприятий с финским уставным капиталом. Так, например, в 1995 году только в Выборгском районе Ленинградской области насчитывалось более 200 иностранных предприятий, основным инвестором которых выступала Финляндия (свыше 60% предприятий)¹⁹⁵. За прошедшие годы их количество многократно увеличилось, и «бизнес» этих «бизнесменов» идет в соответствии с рецептами Сеппенена. Приведем ряд примеров. В 2000 году ЗАО «Хонкавааран Маасторакеннус» вошло в гранитный карьер «Гаврилово-1» и оттяпало в свое пользование участок, равный, по маркшейдерским замерам, 11,2 млн. кубометров горной массы. При этом серьезно пострадали экономические интересы Октябрьской железной дороги, старейшего разработчика карьера¹⁹⁶. В том же году некий «Йоханнес-клуб», созданный при активном участии финского АО «Карелия трейд», начал борьбу за право аренды на 49 лет самых крупных островов Выборгского залива — Лисьего, Большого и Малого Березовых. Какой прибыльный бизнес вознамерился открыть этот клуб на уникальных островах, сказать трудно, но то, что за почти полувековой срок аренды на них можно создать маленькую Финляндию, — это точно. В 2001 году в

поселке Кондратьево финские энергетические компании завладели развалинами старой гидроэлектростанции. После восстановления ГЭС акционеры планировали поставлять электроэнергию в Финляндию. Хотя, по оценкам независимых экспертов, для этих целей было бы значительно дешевле и проще построить в Выборгском районе новую ГЭС¹⁹⁷. Зачем тогда, спрашивается, финнам нужны заброшенные руины? Ответ прост — происходит «ползучая оккупация» по Сеппенену. В этом же ракурсе следует рассматривать и галдеж со стороны различных псевдоэкологических организаций, выступающих против отвода земель на Карельском перешейке под новые садоводства и строительство промышленных объектов с российским уставным капиталом.

Одновременно с «ползучей оккупацией» финские реваншисты ведут в России, прежде всего на Карельском перешейке и в Карелии, активную пропаганду. Эта кампания направлена как на то, чтобы внушить мысль «об исконном финском происхождении» «утраченных» территорий, так и на то, что русские получили их «преступным путем», а значит, должны вернуть «законным» владельцам. Методы пропаганды весьма и весьма разнообразны и ведутся, можно сказать, на двух уровнях.

Первый уровень предусматривает использование реваншистами мелких агентов влияния и, например, установку памятников, прославляющих финское оружие (в 2001 году такой памятник был открыт на Карельском перешейке, в районе поселка Свекловичного, где летом 1941 года наши войска попали в окружение). Своих агентов реваншисты привлекают к выполнению различных заданий. То выступит на каком-нибудь семинаре пожилой представитель «ташкентского фронта» и красочно наврет о том, как с ним гуманно обходились в финском плену во время войны 1941—1944 годов. То в каком-нибудь коллективе за-

ведется субъект, который будет постоянно бухтеть о «преступлениях» Сталина в отношении финнов. Таких людей, кстати, не так уж и мало и их деятельность не столь и безобидна, как может показаться на первый взгляд. Многие граждане попадают на удочку этих прохвостов и начинают свято верить и в финский «гуманизм», и в сталинские «преступления». Реваншистская агентура — циничные типы, с картонной душой и вывихнутой моралью. С одним из таких отпетых финнофилов по фамилии Орехов имел неосторожность познакомиться известный историк В. Степаков. «Свою любовь к Финляндии и финнам этот неприятный тип подчеркнуто демонстрирует, где только возможно, — рассказывает историк. — Но в то же время он их презирает, считает недоумками и за глаза называет исключительно «чухнами», а Финляндию именует «Чухляндией». И очень гордится своим умением, как он выразился, делать деньги на «чухнах».

Второй уровень реваншистской пропаганды рассчитан, соответственно, на охват более широких масс населения. В Карелии, к примеру, с начала 2000-х годов представители финской Церкви христиан евангельской веры и «Карельского просветительского общества» развернули неприкрытую антирусскую пропаганду и открыто подстрекают жителей республики к выходу из состава России. Летом 1999 года в Петербурге на финские деньги была выпущена карта Ленинградской области, на которой у большинства названий населенных пунктов и водоемов в скобках имелась финская транскрипция, чтобы подчеркнуть их «исконную» принадлежность. В 2001 году вновь в Петербурге при содействии Министерства труда Финляндии появилась чрезвычайно одиозная книга «Ингерманландский излом», в которой рассказывалось об «угнетении» ингерманландцев в России и их борьбе с «жестокими угнетателями». Вообще, стоит заметить, что Петербург давно уже стал рассадником

финских реваншистских идей, где издается масса литературы сомнительного содержания, направленная на подрыв целостности государства. И никто — ни авторы, ни издатели, ни типографии — не несут при этом никакой ответственности. Создается такое впечатление, что местное управление ФСБ состоит поголовно из финнофилов, которым все по барабану. Позор петербургскому УФСБ, не пресекающему сепаратистскую пропаганду!

Однако наиболее активная работа реваншистов по внедрению в общественное сознание профинской точки зрения ведется вокруг финской войны 1939—1940 годов, ключевого события в истории Карельского вопроса. К 2005 году в России об этой войне появилось не менее десятка толстенных томов и тонких брошюр, где все события подаются с позиций финского «Карельского союза». А чтобы читателю было понятней, о каких творениях и творцах идет речь, процитируем (с незначительными сокращениями) следующую рецензию.

«В одном из своих последних выступлений известный петербургский историк В. Старцев, — пишет журналист А. Фридман, — с горечью отметил, что в настоящий момент отечественной исторической науке настоящую угрозу создает разнузданное вторжение невежд от истории. Точнее, покойный Старцев имел в виду не самих невежд как таковых, а их многочисленные творения, выдаваемые за научные труды.

Возьмем, к примеру, советско-финский конфликт 1939—1940 годов. История этого боестолкновения была правдиво отражена еще в апреле 1940 года в материалах VI сессии Верховного Совета СССР и книге «Бои в Финляндии». В 1988 году издательством «Наука» был выпущен двухтомник «Зимняя война», в котором ведущие специалисты по истории советско-финских отношений закрыли все «белые пятна» этого старого конфликта.

Тем не менее рядовой читатель вынужден изучать «зимнюю войну» по сомнительным творениям, поскольку авторы последних, не обремененные исследовательской работой в архивах и необходимостью строго следовать исторической правде, клепают свои «труды» быстро и издают их громадными тиражами. За последнее время чего они только не написали: от «Тайн финской войны» до «Загадок финской войны».

Иногда, правда, случается, что среди кучи «тайн» и «загадок» попадаются и своего рода шедевры. Вот один из недавних: сборник «Принимай нас, Суоми-красавица», изданный какой-то малоизвестной организацией и, разумеется, претендующий на научный подход и объективное освещение событий.

Говорить о сборнике с научной точки зрения просто нелепо, поскольку материалы, представленные в нем, являются обычным пересказом чужих мыслей и выводов, взятых из отечественных и зарубежных публикаций. Стоит заметить, что из зарубежных источников большинство творцов шедевра предпочло пользоваться наиболее сомнительным — четырехтомником «Talvisodan historia», изданным в Хельсинки в 70-х годах. Правда, некто П. Винокуров переплюнул всех. Этот, прости Господи, историк использовал в качестве одного из источников для своей статьи одиозный финский видеофильм: «44-я дивизия: прогон сквозь строй». Во как! Учитесь, академики: чем в архивах-то рыться, посмотрел фильм «Линия Маннергейма» и валяй одноименную монографию!

Не обошлось в оном «труде» и без нескольких статей, в которых авторы натушно пытаются представить финскую фашистскую организацию «Шюцкор» в виде безобидного общества больших патриотов Финляндии. Это, между прочим, наводит на мысль о заказном характере сборника и финансовой поддержке его выхода в свет заинтересованными финскими кругами. Вообще-то за подобную профашистскую пропа-

ганду следует давать по рукам, и достаточно крепко, чтобы другим было неповадно. В противном случае эти деятели допишутся и до отрицания исторического факта Холокоста!

Кто же творцы «шедевра»? Их много, и почти все не имеют прямого отношения к истории как науке. Например, автор ряда статей некий А. Зубкин — по профессии телефонный мастер и член петербургского клуба военно-исторической реконструкции (кто не знает — это такая организация, где взрослые дядьки шьют себе военные мундиры и играют в «войнушку»)»¹⁹⁸.

Вот такая рецензия. В общем, понятно, о чем и для каких целей творят финнофилы вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом — тянуть телефонные кабели, например. И если профессиональный историк побрезгует взять в руки подобный «шедевр», то обыватель прочтет и обязательно запомнит, что «мирные» финны катались на лыжах, кушали сыр «Виола» и читали эпос «Калевала», когда на них напал «злодей» Сталин и «отнял» Карельский перешеек и Карелию. Впрочем, именно такого результата и добиваются финские реваншисты, когда всячески поддерживают издание подобных «трудов».

Финские реваншисты ведут против России войну пока еще не объявленную. И пока их бешеному натиску активно противостоит лишь горстка патриотов, разоблачающих ложь и коварные замыслы реваншистов. Это — историки отец и сын Барышниковы, Й. Бэкман, С. Исотало, И. Пыхалов, журналисты А. Фридман и Ю. Нерсесов. Слава патриотам и позор всем другим историкам и журналистам, не определившим своей позиции в столь актуальном вопросе!

Непонятна и позиция правительства России, спокойно наблюдающего за русофобским угаром в соседней стране и финской «ползучей оккупацией» в своей собственной. Где президент РФ, где Госдума,

где МИД, где ФСБ, где Генпрокуратура, наконец, стоящие на страже целостности России и дающие достойный отпор реваншистам и финнофильствующим типам? Таковых в списке борцов с финским реваншизмом почему-то не значится. А ведь серьезные аналитики прогнозируют экстремальные ситуации на границах с Финляндией, где могут быть спровоцированы пограничные конфликты¹⁹⁹. Ибо идея «Великой Финляндии» жива и процветает, а лапы у финских реваншистов необычайно длинные и загибающиеся, в чем наша страна уже неоднократно убеждалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1997. В Большом порту закончилась зима // Санкт-Петербургские ведомости. 2005, 26 апреля. Вопрос — ответ // Санкт-Петербургские ведомости. 2005, 9 февраля. Даринский А.В. Невский край: Санкт-Петербург и Ленинградская область. Природа. Население. Хозяйство. Районы. СПб., 2000. Экономическое досье // Вести. 1996, 30 июля.

² Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990. С. 121.

³ Там же. С. 117.

⁴ Пыхалов И. Государство из царской пробы // Спецназ России. 2005, январь.

⁵ Шаскольский И.П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII — начало XIV вв. Петрозаводск, 1987. С. 12.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 76.

¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9—10. История России с древнейших времен. М., 1990. С. 90—91.

¹¹ Бородкин М.М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С. 25—26.

¹² Гардберг К.И. Посещение Выборга Густавом Вазой в 1555 г. // Страницы Выборгской истории. Сборник статей. Книга 2-я. Выборг, 2004. С. 34.

¹³ Бородкин М.М. Ук. соч. С. 32.

¹⁴ История Северной войны 1700—1721 гг. М., 1987. С. 96—97.

¹⁵ Там же. С. 100—101.

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. М., 1956. С. 190, 191, 192, 193, 194.

¹⁷ История Северной войны... С. 177.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Пыхалов И. Ук. соч.

20. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX—XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Книга 1: Европа и Америка. Справочник. М., 1995, С. 246.
- 21 Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. М., 1998. С. 459.
- 22 Пыхалов И. Ук. соч.
- 23 Захаров Г. Русско-шведская война 1808—1809 гг. М., 1940. С. 7.
- 24 Отечественная история: Энциклопедия. В 5 т.: Т. 1: А-Д. М., 1994. С. 355.
- 25 Похлебкин В.В. Ук. соч. С. 251.
- 26 Там же.
- 27 Захаров Г. Ук. соч. С. 55.
- 28 Там же. С. 62.
- 29 Пыхалов И. Ук. соч.
- 30 Захаров Г. Ук. соч. С. 11, 17.
- 31 Пыхалов И. Государство... // Спецназ России. 2005, февраль.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Отечественная история... С. 357.
- 35 Там же. С. 245.
- 36 Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг. Статьи, воспоминания, документы. М., 1934. С. 267.
- 37 Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг.: Документы. М., 1993. С. 52.
- 38 Там же. С. 21.
- 39 Отечественная история... Т. 2.: Д-К. М., 1996. С. 34.
- 40 Там же. С. 35.
- 41 Павлов Д., Петров С. Ук. соч. С. 61.
- 42 Дубровская Е.Ю. Русские войска и Великое княжество Финляндское в XIX — начале XX вв. // Новый часовой. 2001, № 11—12. С. 26—27, 31.
- 43 Там же. С. 31.
- 44 Там же.
- 45 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. Т. 5. Воспоминания зарубежных современников. М., 1979. С. 153.
- 46 Открытое письмо к тов. Ленину // Финляндская революция. Сборник статей. М., 1920. С. 26.
- 47 Куусинен О.В. Революция в Финляндии (Самокритика). Пг., 1919. С. 11—12.
- 48 Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000. С. 9.
- 49 Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 годы (Воспоминания и материалы). М.; Пг., 1923. С. 77.
- 50 Смирнов В.М. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 128—129.
- 51 Свечников М.С. Ук. соч. С. 38, 47; Сюкияйнен И.И. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 163.

- ⁵² Сюкияйнен И.И. Ук. соч. С. 249.
- ⁵³ Свечников М.С. Ук. соч. С. 74.
- ⁵⁴ Смирнов В.М. Ук. соч. С. 169.
- ⁵⁵ Сирола И. Рабочая революция международна // Финляндская революция... С. 35.
- ⁵⁶ Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 114.
- ⁵⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 506; Мери В. Ук. соч. С. 114.
- ⁵⁸ Новоселова З.А. Русские учебные заведения Выборга XIX — начала XX вв. // Страницы Выборгской истории. Краеведческие записки. Выборг, 2000. С. 290.
- ⁵⁹ Новоселова З.А. Гражданин Выборга: военный врач М.М. Карпинский (1868—1937) // Страницы Выборгской истории... Книга 2-я. С. 305.
- ⁶⁰ Килин Ю. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 26.
- ⁶¹ Мери В. Ук. соч. С. 118.
- ⁶² Таргайнен М.А. Ингерманландский излом. Борьба ингерманландских финнов в Гражданской войне на северо-западе России (1918—1920 гг.). СПб., 2001. С. 58—59.
- ⁶³ Корнатовский Н. Сталин — руководитель обороны Петрограда. Весна—лето 1919 года. Л., 1939. С. 12.
- ⁶⁴ Степаков В. Здесь остановили врага. Из истории Карельского укрепленного района (1918—1944 гг.) // Ратоборец (военно-исторический выпуск газеты ЛВО «На страже Родины»). 2001, октябрь.
- ⁶⁵ Пухов А.С. Петроград не сдавать! Коммунисты во главе обороны Петрограда в 1919 г. М., 1960. С. 76, 118.
- ⁶⁶ Сталин И.В. Сочинения. Том 4. Ноябрь 1917—1920. М., 1947. С. 185.
- ⁶⁷ Березовский Н.Ю., Бережной С.С., Николаева З.В. Боевая летопись Военно-морского флота, 1917—1941. М., 1992. С. 144.
- ⁶⁸ Таргайнен М.А. Ук. соч. С. 157.
- ⁶⁹ Там же. С. 169, 175.
- ⁷⁰ Там же. С. 183.
- ⁷¹ Там же. С. 184.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 218.
- ⁷⁴ Там же. С. 286.
- ⁷⁵ Килин Ю. Ук. соч. С. 34.
- ⁷⁶ Там же. С. 35.
- ⁷⁷ Гражданская война и военная интервенция... С. 585.
- ⁷⁸ Килин Ю. Ук. соч. С. 59.
- ⁷⁹ Фридман А. О Зигмунде Фрейде и финнах // Новости Ленинградской области. 2001, 13—19 июня.
- ⁸⁰ Нерсесов Ю. Финляндия готовится к реваншу // Версия в Питере. 2002, 5—11 августа.
- ⁸¹ Хесин С.С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 гг. Военно-политический очерк. М., 1949. С. 89—90.
- ⁸² Степаков В. Спецназ России. СПб.; М., 2002. С. 50.

- ⁸³ В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. М., 1932. С. 199.
- ⁸⁴ Там же. С. 201.
- ⁸⁵ Фридман А. Ук. соч.
- ⁸⁶ В боях за Советскую Карелию... С. 209.
- ⁸⁷ Килин Ю. Ук. соч. С. 66.
- ⁸⁸ Там же. С. 68.
- ⁸⁹ Там же. С. 69.
- ⁹⁰ Вихавайнен Т. Ук. соч. С. 50—51.
- ⁹¹ Фридман А. Население Финляндии встречало бойцов Красной Армии как освободителей // Новости Ленинградской области. 2001, 20—27 июня.
- ⁹² Килин Ю. Ук. соч. С. 70.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Прянишников Б.В. Незримая паутина. ВЧК — ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993. С. 134, 135, 142.
- ⁹⁵ Пограничные войска СССР, 1929—1938. Сборник документов и материалов. М., 1972. С. 8.
- ⁹⁶ Лескинен Я. Секретное военное сотрудничество между финской и эстонской армиями против Советского Союза в 1930-х гг. // Новый часовой. 2004, № 15—16. С. 222.
- ⁹⁷ Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 113.
- ⁹⁸ Там же. С. 115.
- ⁹⁹ Там же. С. 138.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 150.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. С. 120.
- ¹⁰³ Пограничные войска СССР... С. 59—61.
- ¹⁰⁴ Чугунов А.И. Граница накануне войны. М., 1985. С. 11.
- ¹⁰⁵ Прохоров Д. Операция «Дело седьмого апреля» // Версия в Питере. 2005, 17—23 января.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Барышников В.Н. Ук. соч. С. 239.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 240.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 241.
- ¹¹⁰ Там же. С. 246.
- ¹¹¹ Там же. С. 247.
- ¹¹² Там же. С. 259.
- ¹¹³ Там же. С. 279.
- ¹¹⁴ Пограничные войска СССР, 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 57—58; Чугунов А.И. Ук. соч. С. 14.
- ¹¹⁵ Безыменский А. Довольно! // Правда. 1939, 29 ноября.
- ¹¹⁶ Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1—2. М., 1941. Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 1—3. М.; Л., 1945—1946. Ч. 2. М.; Л., 1946. Советско-финляндская война 1939—1940. В 2 т. СПб., 2003.
- ¹¹⁷ Барышников В.Н. Ук. соч. С. 278—287.
- ¹¹⁸ Исотало С. Выстрелов в Майнила не было // 105 дней «зим-

ней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939—1940 гг. СПб., 2000. С. 43—44.

¹¹⁹ Фридман А. Население Финляндии встречало...

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Геуст К. Бомбы на столицу // Родина. 1992, № 12. С. 58.

¹²² Петров П.В., Степаков В.Н., Фролов Д.Д. Война в Заполярье (1939—1940 гг.) // Вопросы истории. 2002, № 8. С. 128.

¹²³ Ханнула И.О. Некоторые выводы из решающих моментов боев на Карельском перешейке // Правда. 1940, 17 августа.

¹²⁴ Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 121.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 141.

¹²⁷ Там же. С. 124.

¹²⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 1. Накануне. Книга 2-я (1 января — 21 июня 1941 г.). М., 1995. С. 9—10.

¹²⁹ Барышников Н.И. и др. Ук. соч. С. 128.

¹³⁰ Конструктор боевых машин. Л., 1988. С. 98.

¹³¹ Фролов Д.Д. Из истории зимней войны 1939—1940 гг. Советские военнопленные, финская пропаганда на фронте и настроения граждан СССР во время зимней войны. Сборник документов. Петрозаводск, 1999. С. 46—47.

¹³² Барышников Н.И. и др. Ук. соч. С. 131.

¹³³ Йокиппи М. Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940—1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 59.

¹³⁴ Там же. С. 61.

¹³⁵ Органы государственной безопасности СССР... С. 10.

¹³⁶ Йокиппи М. Ук. соч. С. 60—61.

¹³⁷ Там же. С. 113.

¹³⁸ Там же. С. 115.

¹³⁹ Там же. С. 231.

¹⁴⁰ Вихавайнен Т. Ук. соч. С. 171.

¹⁴¹ Барышников Н.И. и др. Ук. соч. С. 153.

¹⁴² По обе стороны Карельского фронта, 1941—1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 68.

¹⁴³ Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941—1944. СПб.; Хельсинки, 2002. С. 40.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Барышников Н.И. и др. Ук. соч. С. 160.

¹⁴⁶ Барышников Н.И. Блокада Ленинграда... С. 71.

¹⁴⁷ Фридман А.О Зигмунде Фрейде...

¹⁴⁸ Вихавайнен Т. Ук. соч. С. 173.

¹⁴⁹ «Оккупация Петербурга». Войска Маннергейма готовились к разграблению города на Неве // Санкт-Петербургские ведомости. 2005, 24 марта.

¹⁵⁰ Барышников Н.И. Блокада Ленинграда... С. 196.

¹⁵¹ Данковцев М. «Редуты». О них не упоминалось в военных сводках // Санкт-Петербургские ведомости. 2005, 31 марта.

¹⁵² Барышников Н.И. и др. Ук. соч. С. 279.

¹⁵³ Барышников Н.И. Блокада Ленинграда... С. 251.

- 154 Барышников Н.И. и др. Ук. соч. С. 287.
- 155 Там же.
- 156 Там же. С. 288.
- 157 Там же. С. 289.
- 158 Хилтунен Р. Почему Сталин не согласился с Ворошиловым? // Санкт-Петербургские ведомости. 2001, 23 мая.
- 159 «Оккупация Петербурга»...
- 160 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 13. М., 1956. С. 22—24.
- 161 Николссон В. Финляндия с Россией и без. Мн., 1995. С. 68—69.
- 162 Степаков В.Н. Ленинградцы в борьбе за Кремль. М., 2004. С. 125.
- 163 Николссон В. Ук. соч. С. 69.
- 164 Там же.
- 165 Рекордный по банкротствам год // Санкт-Петербургские ведомости. 1992, 12 июня.
- 166 Николссон В. Ук. соч. С. 71.
- 167 Рощупкин В. Эхо «незнаменитой войны» // Граница России. 1995, апрель.
- 168 Вистулов Н. Карельский вопрос: вчера, сегодня, завтра // Новости Ленинградской области. 2000, 10—30 ноября.
- 169 Там же.
- 170 Хозиков В. Карельский вопрос // Санкт-Петербургские ведомости. 1992, 23 октября.
- 171 Карельский вопрос вновь на повестке дня // На страже Родины. 1992, 13 февраля.
- 172 Там же.
- 173 Как сообщают... // Невский вестник. 1992, № 13.
- 174 Николссон В. Ук. соч. С. 75.
- 175 Степаков В. Исчерпан ли Карельский вопрос? // Невское время. 1992, 30 апреля.
- 176 Договор между Финляндской республикой и Российской Федерацией об основах отношений // Дипломатический вестник. 1992, № 2—3. С. 7—9.
- 177 Вистулов Н. Ук. соч.
- 178 Наша Карелия // Санкт-Петербургские ведомости. 1992, 6 июня.
- 179 Каковы же подробности? // Санкт-Петербургские ведомости. 1992, 22 августа.
- 180 Там же.
- 181 Там же.
- 182 Бэкман Й. Карельский вопрос и экономические интересы Финляндии // Выступление на семинаре в Карельской академии наук в Петрозаводске 25—26 сентября 2003. С. 1.
- 183 Там же. С. 1—2.
- 184 Там же. С. 3—4.
- 185 Нерсесов Ю. Ук. соч.
- 186 Там же.
- 187 Петров С. Финский «маршал» мечтает о русских землях // Новости Ленинградской области. 11 сентября — 6 октября 2000.

- ¹⁸⁸ Анчуков С.В. Финны // Дуэль. 2000, август; Нерсесов Ю. Ук. соч.
- ¹⁸⁹ Нерсесов Ю. Ук. соч.
- ¹⁹⁰ Молчанов А.К. На грани войны и мира: Карельский перешеек и Северное Приладожье в 1939—1948 гг. СПб., 2005. С. 50.
- ¹⁹¹ Молчанов А.К. Ук. соч. С. 50; Финские реваншисты активизировались // Версия в Питере. 2005, 7—13 марта.
- ¹⁹² Молчанов А.К. Ук. соч. С. 51.
- ¹⁹³ Вистулов Н. Ук. соч.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ Экономическое досье...
- ¹⁹⁶ Кобрин В. Зачем поддерживаем финского «производителя»? // Новости Ленинградской области. 2000, 11 сентября — 6 октября.
- ¹⁹⁷ Петров С. Финское наступление на Карельском перешейке // Новости Ленинградской области. 2001, 21—27 февраля.
- ¹⁹⁸ Фридман А. Почему молчат ученые? // Новости Ленинградской области. 2001, 4—10 июля.
- ¹⁹⁹ Холмогоров Е. Мертвая петля // Спецназ России. 2005, март.

Глава 3

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ. ПРИЗРАК РЕВАНШИЗМА

Куда немцы тянут клешни

Калининградская область — территория на побережье Балтийского моря, на границе с Польшей и Литвой. Протяженность участка государственной границы около 652 км, из них по Балтийскому морю — 183,5 км, по рекам и озерам — 243,9 км. Общая площадь области составляет 15,1 тыс. кв. км, из них около 2 тыс. кв. км — реки, озера, заливы и прибрежная часть моря. Население — 887 тыс. человек.

В регионе развиты рыбная промышленность, транспортное и энергетическое машиностроение, производство технического оборудования для газовой, целлюлозно-бумажной промышленности, янтарное производство и производство бумаги для глубокой печати. Развито морское и речное судоходство, основные порты: Калининград и Балтийск. Сельское хозяйство ориентировано на мясомолочное и звероводческое (пушное) производство. Областные курорты — Светлогорск и Зеленоградск имеют общероссийскую известность. На территории Калининградской области находится крупнейшее промышленное месторождение янтаря, содержащее более 90% мировых запасов этого «солнечного камня», запасы бурого угля оцениваются в 50 млн. тонн, торфа — в 3 млрд. кубомет-

ров. На шельфе Балтийского моря открыты немалые запасы нефти, оцениваемые в 22 млн. тонн. В области расположены уникальные природные заповедники — Балтийская и Куршская косы¹.

От части «гауптвахты» до российской провинции

На исходе III тысячелетия до н. э. на берегах Балтийского моря появились загадочные племена, о происхождении которых ученые до сих пор не могут прийти к единодушному мнению. Ряд исследователей считает загадочных пришельцев праславянами, предками племени пруссов, которое к началу VI века н. э. населяло значительную часть побережья Балтийского моря, в том числе и современную Калининградскую область.

Письменных свидетельств по истории древних пруссов сохранилось не так уж и много. Те из них, которые дошли до наших дней, свидетельствуют о том, что племя имело суровый и воинственный нрав.

Сохранились также материальные свидетельства интенсивных связей древних пруссов с Киевской Русью. В эпоху киевского князя Владимира Святославовича многие пруссы служили в его дружине, а прусские торговые люди вели на территории княжества активную торговлю янтарем.

В XIII веке на земли пруссов вторглись рыцари Тевтонского ордена, направленные в этот поход папой Григорием IX, известным мракобесом. Нашествие началось в 1233 году, а окончательно сломить сопротивление племени крестоносцам удалось лишь в 1275 году, после падения одного из крупных прусских укреплений — городища Камменсвике (в р-не п. Тимофеевка). Завоеванная орденом земля получила название — Пруссия.

Перед Тевтонским орденом открылась возможность создания на захваченной территории собственного государства. Предпосылками к этому стали заложённые в ходе похода крепости и замки — Бальга (п. Веселое), Варген (п. Котельниково), Кёнигсберг (г. Калининград) и др., вокруг которых быстро возникали поселения из колонистов, двигавшихся следом за орденом в надежде пожить за счет покорённых народов.

За короткий срок на территории Пруссии появилось около 150 замков, а крепость Кёнигсберг превратилась в крупнейший исходный пункт онемечивания бывших прусских земель. С 1300 года развернулось усиленное заселение Пруссии выходцами из Германии, Дании, Голландии и других стран. К началу XV века население орденового государства составляло 480 тыс. человек, большинство из которых были немцы. А само создание Тевтонского государства превратилось в постоянный угрожающий фактор внешней политики германской империи, выражаемый термином «*Drang nach Osten*», или «Натиск на Восток». И, как верно отметил историк Г. Ольшевский, характер этого «натиска» возник «из агрессивных биологических антипольских и антиславянских качеств «германской расы» или немецкого народа»².

В 1409 году у агрессивного Тевтонского ордена вновь зачесались руки, и большое рыцарское войско во главе с магистром Ульрихом фон Юнгингеном выступило в поход против Польши. Началась «Великая война» между орденом и польско-литовским союзом. В 1410 году под Танненбергом (Грюнвальдом) состоялось решительное сражение, в котором рыцари потерпели сокрушительное поражение от объединённых польско-литовских войск, в составе которых было не менее 8 тыс. русских воинов и даже одна тысяча татар. В январе 1411 года между орденом и союзом

начались переговоры, которые завершились подписанием Торнского мирного договора.

Поражение в «Великой войне» стало причиной внутренних неурядиц в Тевтонском государстве. Представители городов и дворянство отказывались подчиняться рыцарям ордена, требуя себе дополнительных льгот и привилегий. В 1454 году дразги переросли в вооруженную борьбу против рыцарей, что в итоге обернулось кончиной Тевтонского ордена и возникновением Прусского герцогства, которое долгое время безумно раздражало императора Священной Римской империи германской нации Карла V.

Герцог Альбрехт Бранденбургский, первый правитель герцогства, отличался от brutальных орденских магистров кротким нравом и изрядной любовью к просвещению и изящным искусствам. При нем в Пруссии началось развитие науки и культуры, которых до этого здесь никто не признавал. Достаточно сказать, что герцог Альбрехт основал в Кёнигсберге первую публичную библиотеку, положил начало типографскому делу и развитию журналистики, приглашал ко двору известных художников, музыкантов и ученых. В 1544 году Альбрехт торжественно открыл Кёнигсбергскую академию, состоявшую из четырех факультетов: теологического, юридического, медицинского и философского.

В начале XVII века правление Пруссией перешло в руки правителей маркграфства Бранденбург. В 1618 году произошло объединение Пруссии и Бранденбурга в одно государство — Пруско-Бранденбургское, управлял которым курфюрст Георг Вильгельм. Однако объединенные земли были весьма слабо связаны друг с другом географически, имели различия в традициях и религии. К тому же прусское дворянство оказалось не в восторге от политического союза с Берлином и своей оппозиционной деятельностью к

середине XVII века поставило новоиспеченное государство на грань распада.

Укрепление Пруско-Бранденбургского союза началось с 1640 года с приходом к власти курфюрста Фридриха Вильгельма. Курфюрст сумел обуздать прусских оппозиционеров, создал централизованную государственную систему с сильной бюрократией и постоянную армию, насчитывающую 22 тыс. человек. В 1655 году Вильгельм образовал Генеральный военный комиссариат, который отвечал за сбор налогов и выполнял чисто военные функции, являясь прообразом будущего Прусского Генерального штаба³. Однажды курфюрст заявил, что «на мече и науке должно быть основано значение этого государства без прошлого, с одним будущим», и приступил к реализации своих амбициозных замыслов⁴. К 1670-м годам амбициозный правитель как выгодными политическими союзами, так и силой оружия сумел достичь впечатляющих успехов. Эти успехи привели к небывалому взлету международного престижа Пруско-Бранденбургского государства, а сам курфюрст был прославлен в одной балладе как «Великий». С этого момента от других стран Европы государство Фридриха Великого стала отличать доминирующая роль армии, которая с неизбежностью вела к милитаризации всего общества. В своем завещании он писал: «Хотя союзы и могут быть достаточно хороши для обеспечения безопасности, однако собственная армия — лучше»⁵. К концу его правления численность армии достигла 30 тыс. человек, что составляло примерно 3% населения государства.

В начале XVIII века Фридрих III, преемник курфюрста Вильгельма Великого, посредством политических комбинаций добился от императора Священной Римской империи германской нации разрешения на объявление прусского герцогства королевством, а се-

бя — королем Пруссии, Фридрихом I. Произошло это достаточно просто — путем присвоения названия Пруссия всему Бранденбургско-Прусскому государству. «Была Пруссия, — указывает историк Ф. Гаузе, — в которую входили Берлин, Магдебург, Минден и Клеве, а позднее Рейнланд и Вестфалия, и была провинция с тем же названием»⁶. Коронация Фридриха I состоялась в январе 1701 года в Кёнигсберге. Королевский титул принес провинции Пруссия полную независимость от Польши, хотя ее западная часть все еще оставалась под польским суверенитетом и была отделена от основной государственной территории. Это разделение владений Фридриха I на две части в дальнейшем служило основанием экспансионистских устремлений Пруссии в отношении Польши. Позднее, в 1772 и 1793 годах, когда последовали разделы Польши между Австрией, Россией и Пруссией, провинцию Пруссию разделили на две части — Западную и Восточную Пруссию, представлявших область бывшего орденового государства⁷.

В 1713 году умер первый прусский король Фридрих I. На престол вступил его сын Фридрих Вильгельм I. В отличие от отца новый король был экономным до скарעדности, презирал все иностранное, в том числе культуру и науку, ввел в стране военно-полицейские порядки и насаждал телесные наказания как лучший способ воспитания начиная со школьной скамьи. Прусская армия была еще одной слабостью Вильгельма I. После назначения его командиром пехотного полка он все свободное время занимался муштрой своих солдат. Для повышения жизненного тонуса король любил рисовать солдатиков. «Фельдфебель на троне» — так называли Вильгельма I злые языки. К концу его правления прусская армия насчитывала почти 90 тысяч при населении в 2,5 млн. человек⁸.

Во время Северной войны 1700—1721 годов между Пруссией и Россией сложились постоянные дипломатические связи. Русский царь Петр I неоднократно бывал в Кёнигсберге, а в 1713 году посетил Берлин, где обсуждал с «фельдфебелем на троне» вопрос о союзном договоре. Русскими представителями в Пруссии были Ю. Трубецкой, А. Измайлов, фон дер Литт, А. Головкин. Со специальными поручениями в Берлине и Кёнигсберге в разное время побывали фон Паткуль, И. Измайлов, А. Остерман, П. Толстой, П. Ягужинский, А. Меньшиков. В то же время постоянными представителями прусского короля в России были фон Кайзерлинг, Т. Цедельский, фон Шлиппенбах. Однако, как отмечают современные историки, дружественные отношения между Пруссией и Россией во время Северной войны нельзя идеализировать. Со стороны Пруссии «они строились отнюдь не на абстрактных чувствах любви к «варварской» России, а на холодном политическом расчете, в интересах исключительно собственных»⁹. В 1720 году Пруссия под нажимом Англии заключила со Швецией договор, по которому прусский король обещал не оказывать никакой помощи России и даже заплатить шведам за Штеттин (этот город в 1713 году был взят русскими войсками, а затем передан во владение Пруссии)¹⁰.

В 1740 году на прусский престол вступил Фридрих II, сын «фельдфебеля», получивший в наследство безотказно функционирующий бюрократический государственный аппарат и сильную армию, занимавшую по своей численности четвертое место в Европе. Став королем, Фридрих II немедленно взялся за дальнейшее усиление армии, сформировав 16 пехотных батальонов, 1 гвардейский, 5 гусарских эскадронов, и вторгся в Силезию, развязав войну за австрийское наследство. В августе 1756 года прусские войска вошли в Саксонию и заняли ее территорию, положив тем самым начало Семилетней войне 1756—1763 годов.

Этот военный конфликт затронул интересы многих европейских государств. Россия в коалиции с Францией, Австрией, Швецией, Польшей и Саксонией вступила в схватку против Англии, Пруссии и трех германских княжеств (Ганновер, Гессен-Кассель, Брауншвейг). В кампанию 1757 года русская армия генерал-фельдмаршала С. Апраксина заняла Мемель, Тильзит (г. Советск), Гумбиннен (г. Гусев), Инстербург (г. Черняховск) и двинулась на Кёнигсберг. В августе этого года в сражении под Гросс-Егерсдорфом русские наголову разгромили войска прусского фельдмаршала Х. Левальда. Однако успех этого сражения закреплен не был. Генерал-фельдмаршал Апраксин из-за прогерманских интриг в Петербурге вывел армию из прусских пределов. В конце года он был отстранен от командования. Начальство над русскими войсками было вверено генерал-аншефу В. Фермору.

Зимой 1758 года русские вновь заняли Тильзит, а следом за ним — Кёнигсберг. Гарнизон этой мощной крепости отступил без боя, после чего Кёнигсбергский магистрат, в ответ на обещание русского командования оградить город от грабежа, сообщил о готовности торжественно встретить русские войска. Генерал-аншеф Фермор, назначенный императрицей Елизаветой Петровной генерал-губернатором покоренных прусских областей, доносил из Кёнигсберга: «Все здешние начальные и чиновные люди встретили меня в замке и отдались с глубочайшей покорностью в протекцию вашего императорского величества. При вступлении в город с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкою производился во всем городе колокольный звон, играли на трубах и литаврах по башням, а мещане, поставленные в парад, отдавали честь ружьем с барабанным боем и музыкой»¹¹.

Первое, что сделал генерал-губернатор Фермор в Кёнигсберге и других покоренных городах провин-

ции, это отдал распоряжение о приведении к присяге жителей и чиновников. Причем церемония была назначена на 14 января 1758 года — день рождения Фридриха II. «Можно только предполагать, какие чувства испытывали жители, преданные в душе королю», — пишут авторы одного недавнего исследования¹². Это далеко не так. Жители Кёнигсберга и других городов приносили присягу на верность российской короне с величайшей радостью и восторгом. Преданности к своему правителю у них абсолютно не было, поскольку прусские короли, начиная с «фельдфебеля» и заканчивая его сыном Фридрихом II, создали в Пруссии настолько тяжелую атмосферу солдатчины, что отвращение к ней не испытывал разве что сумасшедший. Известный итальянский поэт Альфьери, посетивший Пруссию незадолго до Семилетней войны, назвал Берлин «омерзительной огромной казармой», а саму страну «колоссальной гауптвахтой»¹³. И, видимо, неспроста в день принятия российской присяги философ И. Кант выкинул в окно из библиотеки Кёнигсбергского университета все воинские уставы и многочисленные сочинения «фельдфебеля» наподобие «Генеральных принципов ведения войны». Позднее Кант направил Елизавете Петровне письмо, в котором объявил «о своем желании верой и правдой служить новой власти»¹⁴. Словом, жители прусской провинции охотно переходили в русское подданство, проявляя при этом удивительный энтузиазм, ибо повсюду происходили пышные торжества, на домах укреплялись русские гербы, в комнатах развешивались портреты Елизаветы Петровны. В Кёнигсберге несколько дней подряд светила иллюминация, а на его монетном дворе в рекордно короткие сроки были выпущены новые монеты с изображением «дщери Петровой» — русской императрицы¹⁵.

В феврале 1758 года в Кёнигсберг был доставлен указ Елизаветы Петровны, который стал практически

конституцией новой российской провинции. Пруссия получила такие права, свободы и льготы, каковых не имела ни одна внутренняя губерния России. Указом императрицы подтверждались все льготы, которые имели ранее все общества и отдельные лица. Гарантировалась свобода религии, свобода внутренней и внешней торговли. Все государственные доходы провинции поступали в казну за исключением денег церкви и благотворительных обществ. Жители провинции освобождались от службы в русской армии, а чиновникам предоставлялась свобода выбора — служить в русской администрации или не служить. Кёнигсбергскому университету гарантировались все расходы и свобода обучения¹⁶.

Управление провинцией в разное время осуществляли губернаторы В. Фермор, Корф, В. Суворов (отец будущего генералиссимуса), П. Панин и Ф. Воейков. Отношения между новыми властями и населением складывались бесконфликтно, за исключением нескольких случаев, когда на имя императрицы были направлены жалобы о плохом поведении русских солдат.

Между тем осенью 1760 года русские войска вступили в Берлин, но оставались в нем недолго. В декабре 1761 года умерла Елизавета Петровна. Новый российский император Петр III, известный германофил, прекратил военные действия против своего кумира Фридриха II и вернул ему все завоеванные прусские земли. 20 мая 1762 года губернатор Панин получил указания о передаче провинции пруссакам. Однако дворцовый переворот летом 1762 года и приход к власти в России Екатерины II несколько отсрочили этот процесс. Передача власти в провинции Пруссия произошла лишь в августе, а вывод русских войск по разным причинам затянулся до весны 1763 года.

И снова часть «гауптвахты»

В начале XIX века Пруссия продолжала пребывать в состоянии политической раздробленности. Она состояла более чем из 300 феодальных владений — королевств, герцогств, княжеств, епископств и других государств. В 1806 году Пруссия вступила в войну с Францией и потерпела сокрушительное поражение. Окостенелое «прусское феодальное государство развалилось под натиском войск наполеоновской Франции»¹⁷. В 1807 году по Тильзитскому мирному договору Пруссия должна была выплатить Франции 100 млн. франков контрибуции и лишилась почти половины своей территории (области, расположенные между Эльбой и Рейном, и часть польских земель, аннексированных ею при разделах Польши). В Пруссии разместились французские войска, превратившие страну в огромный бивуак. Те из жителей Восточной Пруссии, кто еще помнил нахождение здесь русских во времена Семилетней войны, теперь с ужасом и отвращением взирали на бесчинства французских оккупантов. Только в 1807 году ущерб, нанесенный Восточной Пруссии наполеоновской солдатней, составил 40 млн. талеров.

После поражения в войне с Наполеоном в Пруссии началась коренная реорганизация всего военного дела. Генерал-квартирмейстер-лейтенантом фон Шарнгорстом было начато преобразование прежнего генерал-квартирмейстерского штаба в генеральный штаб. Главную обязанность штаба он видел в том, чтобы своевременно выявлять недостатки в армейских порядках и ведении военных действий. Генеральному штабу, считал Шарнгорст, особенно большие права следовало предоставить в области отбора и подготовки офицеров, чтобы назначение на высшие военные должности зависело от способностей, а не от происхождения¹⁸. К 1812 году благодаря энергии во-

енных реформаторов реорганизация прусской армии была проведена, разумеется, в той степени, в какой позволяли существующие политические условия. В 1813—1814 годы прусские войска принимали участие в военных действиях против наполеоновской Франции.

На Венском конгрессе 1815 года 34 немецких государства, в том числе Пруссия, со своей восточной провинцией и четыре вольных города (Бремен, Гамбург, Любек и Франкфурт-на-Майне) подписали Генеральный акт о создании Германского союза. Конгресс не стал восстанавливать Священную Римскую империю германской нации, которая прекратила свое существование в 1806 году. В то же время конгресс не пытался объединить все немецкие государства под эгидой Германского союза. Цели коалиции были другие — создать военный противовес Франции. После образования союза в Пруссии пышным цветом расцвели полицейский деспотизм, произвол бюрократии, цензура, вмешательство властей в судопроизводство, преследования демократов. Все усилия прусского короля Фридриха Вильгельма III были направлены на укрепление господства дворянства, бюрократии и военщины. А Восточная Пруссия была окончательно низведена до положения провинции.

Объединение Германии началось в середине XIX века при короле Вильгельме I, которого прусский министр-президент Отто фон Бисмарк назвал «джентльменом на троне... которого одна мысль о его прусской *porte-ерее* [портупее] смогла удержать на должном пути»¹⁹. Процесс объединения занял почти девять лет и осуществлялся «железом и кровью». Начавшись войной против Дании и Австрии, он завершился войной с Францией, выступавшей против объединения Германии.

К началу военных действий против Франции Пруссия располагала 368 батальонами, 304 эскадронами

и 202 батареями с 1212 орудиями²⁰. Военная мощь в значительной мере влияла на характер и дух прусского генерального штаба. Под впечатлением успешной кампании против Австрии «все шире распространялся взгляд, что война отнюдь не крайнее средство политики, а важнейшее и безошибочное средство решения международных конфликтов»²¹. Летом 1870 года началась франко-прусская война, которая велась с небывалой жестокостью. Бисмарк требовал от своих солдат «брать меньше пленных, а больше уничтожать врага на поле боя»²². Во время осады Парижа 18 января 1871 года в Версальском дворце состоялась пышная церемония провозглашения Вильгельма I германским кайзером и Германской империи, в которую вошли 22 немецких государства и три вольных города — Любек, Бремен и Гамбург. Позднее в состав империи были включены Эльзас и Лотарингия, захваченные у Франции.

В конце XIX века Германия выдвинулась в число великих европейских держав. Во вновь созданной империи Пруссия — страна реакционной военщины — играла доминирующую роль, задавая тон в государственном аппарате, дипломатии и, прежде всего, в армии²³. Известный русский писатель Г. Успенский так писал о германской империи 70-х годов: «Вы только переехали границу... хватъ, стоит Берлин с такой солдатчиной, о которой у нас не имеют понятия... Палаши, шпоры, каски, усы, два пальца у козырька, под которым в тугом воротничке сидит самодовольная физиономия победителя, попадаются на каждом шагу поминутно: тут отдают честь, здесь меняют караул, там что-то выделывают ружьем, словно в помещательстве, а потом с гордым видом идут куда-то... Но существеннейшая вещь — это полное убеждение в своем деле... Спросите любого из этих усов о его враге и полюбуйтесь, какой в нем сидит образцовый сознательный зверь»²⁴. В это время Восточная Прус-

сия стала самостоятельной провинцией, отделившись от Западной Пруссии. Провинция имела два округа — Кёнигсберг и Гумбиннен, а также 36 уездов, где проживало свыше 1 млн. человек.

Поднявшись после 1871 года до уровня одной из ведущих стран Европы, Германия быстро превратилась в мощную индустриальную державу, преследующую далеко идущие экспансионистские цели. Опираясь на свой высокий экономический потенциал и на боеспособную армию, окруженную ореолом непобедимости, Германская империя ринулась в борьбу за колонии, источники сырья, рынки сбыта и стратегические базы во всех частях земного шара. «Мы не можем терпеть, — заявил, выступая в рейхстаге, стас-секретарь ведомства иностранных дел Бернард фон Бюлов, — чтобы какая-либо иностранная держава говорила нам: что ж поделать, мир уже поделен... Стоять бездейтельно в стороне, как мы часто делали раньше <...>, предаваясь мечтаниям, пока другие делают пирог, — этого мы не можем и не хотим. Не можем по той простой причине, что теперь мы имеем интересы во всех частях света»²⁵.

На рубеже XIX—XX веков энергичный натиск Германской империи, стремящейся к переделу мира, обострил противоречия с ее конкурентами, прежде всего с Францией, Великобританией и Россией, вызывая конфликты и столкновения, что в конечном счете неизбежно вело к войне. Подготовка этой войны была положена в основу всей германской политики. Главным инструментом Германии, предназначенным для глобальной схватки за мировое господство, служила армия, оснащенная самым современным оружием. За 1875—1914 годы армия увеличилась с 1,4 млн. до 3,8 млн. человек. В это же время произошел стремительный рост военно-морского флота. В 1913 году германский флот по мощи занял второе место в мире. В 1898 году общая численность его личного со-

става равнялась 17 тыс., а в 1914 году она превысила 79 тыс. человек²⁶. В 1905—1906 годах германским Генеральным штабом была разработана стратегия «блицкрига», или «молниеносной войны». В основу «блицкрига» были положены следующие принципы: быстрое сосредоточение и развертывание действующей армии и нанесение максимально мощного первого удара, способного оказать существенное влияние на весь дальнейший ход военных действий.

Летом 1914 года в Европе началась война между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Францией, Великобританией, Россией, Бельгией, Черногорией и Сербией — с другой, немного позднее охватившая свыше 30 государств.

С первых же дней войны Восточная Пруссия стала ареной ожесточенных военных действий. Оборона восточных границ Германии была возложена на 8-ю армию под командованием генерала М. Притвица. В составе армии было 14 пехотных, 1 кавалерийская дивизии, 418 пулеметов, 972 легких и 72 тяжелых орудия²⁷. Сама Восточная Пруссия была превращена в мощный укрепленный плацдарм, который на правом фланге прикрывался системой Летценских укреплений, а с левого фланга — крепостью Кёнигсберг.

В свою очередь русское командование Северо-Западного фронта выделило для действий против Восточной Пруссии две армии: 1-ю под командованием генерала П. Ренненкампа и 2-ю — под командованием генерала А. Самсонова. В составе обеих армий было 18 стрелковых, 8 кавалерийских дивизий, 1200 легких и 12 тяжелых орудий²⁸. По замыслу Восточно-Прусской наступательной операции войскам 1-й армии была поставлена задача: перейти в решительное наступление в обход Мазурских озер с севера с целью разбить противостоящего противника и отрезать его главные силы от Кёнигсберга. Через двое суток предусматривалось ввести в сражение 2-ю армию в

обход Мазурских озер с юго-запада с задачей разбить сосредоточенные там соединения противника и воспрепятствовать их отходу за Вислу²⁹.

17 августа 1914 года войска 1-й армии перешли границу Восточной Пруссии и двинулись вдоль железной дороги по направлению к Гумбиннену. Под этим городом произошло жестокое сражение, в котором русские войска проявили высокие боевые качества: «упорно оборонялись, практикуя контратаки, отлично стреляли, храбро и стремительно вели штыковые атаки»³⁰. Части 8-й германской армии были разбиты и в беспорядке бежали, оставив на поле боя 12 артиллерийских орудий.

Однако дальнейшее наступление 1-й армии развивалось медленно, что позволило противнику оправиться от удара и двинуть основную часть своих сил против 2-й армии. В сражении в районе Алленштайн-Остероде войска Самсонова потерпели поражение и были вынуждены отойти за реку Нарев. Следом генерал Ренненкампф принял решение на отход своей армии за реку Неман. В середине сентября 1914 года Восточно-Прусская наступательная операция была прекращена.

В дальнейшем военные действия в Восточной Пруссии вела 10-я русская армия под командованием генерала Ф. Сиверса. Русские части вышли на линию Голдап — Гумбиннен — Ласденен (г. Краснознаменск), где фронт надолго стабилизировался. В феврале 1915 года 10-я армия под напором противника оставила территорию провинции.

Незначительный период нахождения русских войск в Восточной Пруссии стал для ее жителей глотком свежего воздуха в затхлой атмосфере германской «гауптвахты». Русские (как и в 1758 году) принесли с собой освобождение от прусского солдафонства, тормоза прогресса и демократии. К сожалению, это освобождение оказалось очень недолгим.

Эрих Кох и его любимый «гауптвахтный» угол

В январе 1933 года с приходом к власти А. Гитлера в Германии установилось господство фашизма. Началась самая черная страница в истории человечества XX века.

В Восточной Пруссии фашизм появился еще в 1928 году в лице функционера НСДАП Э. Коха, развившего бурную деятельность по созданию местной организации нацистской партии. За короткий срок ему удалось образовать восточнопрусскую организацию НСДАП и наладить в Кёнигсберге выпуск партийного печатного органа «Прусской газеты». Опираясь на восточнопрусский «Стальной шлем», Кох организовал ряд провокаций против местных организаций коммунистического союза «Рот фронт», которые закончились вооруженными стычками и гибелью нескольких коммунистических вожаков. Летом 1933 года гауляйтер Кох был назначен обер-президентом Восточной Пруссии.

Гитлеровские идеи о верховенстве германской нации над другими, о необходимости «жизненного пространства» для немцев в Европе и за ее пределами нашли в Восточной Пруссии самую благодатную почву. Кёнигсбергский университет стал генератором и проводником этих зловещих идей. Большинство профессуры безоговорочно поддержали нацистскую идеологию и политику. Осенью 1933 года, когда в Германии началась акция по уничтожению сочинений Маркса, Энгельса, Манна и других авторов, пробуждающих, по мнению гитлеровцев, «нездоровые настроения среди немцев», в Восточной Пруссии самые большие костры из книг полыхали во дворе Кёнигсбергского университета. Профессора и студенты, по воспоминаниям очевидцев, ругаясь и отпихивая друг друга, швыряли в огонь связки томов, спеша очистить уни-

верситетскую библиотеку от еврейских ересей. Особенно преуспел в этом деле некий профессор Фойгт, за что был удостоен рукопожатия самого обер-президента Коха. Оценив усердие ученых, гитлеровский режим выделил университету значительные средства на расширение и укрепление научной и учебной базы.

В восточнопрусских школах и гимназиях ученики ходили на занятия строем под барабанный бой и писали сочинения на темы: «Разговор между солдатом СА и кандидатом в СА», «Какие возможности предлагаются мне, как ученику, для участия в строительстве под руководством фюрера», «Воспитание в гитлерюгенде» и т. д.³¹. Восточнопрусский «Стальной шлем» был преобразован в СА (штурмовые отряды НСДАП). Посты бургомистров всех городов провинции заняли члены нацистской партии. К концу 1933 года в Восточной Пруссии были ликвидированы все партии и организации, оппозиционные гитлеровскому режиму.

Официальный печатный орган НСДАП газета «Фелькишер беобахтер» неоднократно отмечала успехи гауляйтера и обер-президента Коха в управлении Восточной Пруссией. Сам Кох настойчиво расширял влияние НСДАП среди населения, хотя мог бы особенно и не стараться, поскольку жители провинции и без того являли собой законченных наци. В 1935 году, когда в Германии был принят направленный против евреев закон «О защите немецкой крови и немецкой чести», ученые из Кёнигсбергского университета выступили с программой воспитания немецкой молодежи. Среди многочисленных пунктов этого педагогического «шедевра» был, например, и такой, как игра «поймай еврея», предназначенная для физического развития членов гитлерюгенда. Игра по отслеживанию и поимке «отбросов общества» должна была проводиться на улицах немецких городов, под присмотром взрослых наставников из СА, в случае сопротивления «отбросов» допускалось применение палок и

железных прутьев. От еврейского населения Кёнигсберга, насчитывавшего в 1933 году свыше 3 тыс. человек, благодаря фашистским игрищам и другим забавам в начале 40-х годов не осталось ни одного человека.

«Моя любимая провинция, провинция с большим будущим», — говорил о Восточной Пруссии обер-президент Кох. В 1934 году он создал собственное предприятие «Эрих Кох штифтунг» — мощный концерн, поглотивший все восточнопруссские текстильные и деревообрабатывающие предприятия. При поддержке Гитлера Кох добился принятия государственной программы, направленной на укрепление экономики Восточной Пруссии. Военные заказы и гражданские строительные программы обеспечили снижение уровня безработицы в провинции со 102 тысяч в 1933 году до 18 тысяч к 1936 году. В 1940 году, после принятия в Берлине плана войны против Советского Союза, Восточной Пруссии отводилась ключевая позиция в рамках установления «нового порядка» в покоренной Восточной Европе. Обер-президент Кох планировал сделать Восточную Пруссию центром единого экономического пространства от Балтийского до Черного морей, где на арийских «сверхчеловеков», работали бы сотни тысяч восточных «унтерменшен»³². В 1941—1944 годах Кох был рейхскомиссаром Украины, на территории которой совершил немало гнусных злодеяний. После войны этот изувер, к сожалению, сумел избежать заслуженной виселицы и скончался в собственной постели.

В 1939 году, после захвата Польши гитлеровской Германией, к Восточной Пруссии была присоединена часть польской территории, а также Клайпедская (Мемельская) область Литвы. К этому времени Восточная Пруссия делилась на четыре правительственных округа: Кёнигсберг, Гумбиннен, Алленштайн и

Цихенау. Округа состояли из 5 городских и 36 сельских районов³³.

Незадолго до нападения Германии на Советский Союз в Восточной Пруссии была создана сеть лагерей для приема военнопленных и трудоспособного населения, а в самом Кёнигсберге организована база по приему, хранению и распределению культурных ценностей. Именно на эту базу фашистские разбойники будут свозить все ценности, награбленные в советских музеях, в том числе и из пригородных дворцов Ленинграда, среди сокровищ там окажется и знаменитая «Янтарная комната».

День вторжения Германии в СССР — 22 июня 1941 года — в округах Восточной Пруссии был отмечен всеобщим ликованием и народными гульбищами.

Конец фашистской провинции

Расплата пришла в Восточную Пруссию осенью 1944 года. К этому времени многие жители провинции считали себя завзятыми «антифашистами», проклиная в душе бесноватого фюрера и его шайку. Антифашистскому настрою фашистов в немалой степени способствовали налеты английской авиации летом 1944 года, когда был уничтожен весь центр старого Кёнигсберга и 150 тыс. жителей города остались без крова.

18 октября 1944 года войска 3-го Белорусского фронта с боями вступили на территорию Восточной Пруссии. Первым населенным пунктом, избавленным от коричневой чумы, стал Неммерсдорф (п. Маяковское), где во время контратак противника пострадало мирное население. Факт гибели в ходе боевых действий гражданских лиц в Неммерсдорфе до сих пор используется, чтобы опорочить освободительную миссию Красной Армии. Недавно в Германии вышли две

слезливые книжки, авторы которых описывают «зверства» советских воинов в Неммерсдорфе. Здесь и изнасилованные, распятые на дверях сараев немки, и старухи с разбитыми черепами, и еще много разных кошмаров и ужасов. Немецким историкам вторят и отечественные германофилы — такие, как некто Адонин, призывающий в своей газетной статье порыдать вместе с ним над «невинными» жертвами Неммерсдорфа³⁴. Верить немецким историкам и германофилу не следует: «Фактов аморальных явлений и чрезвычайных происшествий среди офицеров и солдат не отмечено», — свидетельствуют архивные документы³⁵. «Мы вели войну против вооруженных фашистов, а не против мирных людей. Конечно, горе и смерть проникали и в мирные жилища, но это была общая трагедия войны и вина тех, кто ее развязал», — дополняют сухие строки документов воспоминания советских ветеранов войны³⁶.

В начале января 1945 года началась Восточно-Прусская наступательная операция 3-го и 2-го Белорусского фронтов. Общая численность участвовавших в операции войск составляла 1 млн. 669 тыс. человек, имевших на вооружении свыше 25 тыс. орудий и минометов, 3859 танков и самоходных орудий и 3097 самолетов³⁷. Наши войска превосходили противника в живой силе в 2,7 раза, в артиллерии — в 2,6, в танках — в 4,7, в самолетах — в 2,9 раза³⁸. Цель Восточно-Прусской операции заключалась в том, чтобы отсечь группировку войск под командованием генерала Г. Рейнгардта от главных сил немецко-фашистских армий, прижать ее к морю, расчленить и уничтожить по частям, полностью очистив от противника территорию Восточной Пруссии и Северной Польши. В ходе наступления советским войскам предстояло в трудных условиях озерно-болотистой местности преодолеть сильно укрепленную оборонительную систему, глубина которой достигала 150—200 км.

13—14 января 1945 года войска фронтов перешли в решительное наступление. Попытки немецкого командования удержать оборону успеха не имели. К концу января группировка Рейнгардта была рассечена на три части: Земландскую, Кёнигсбергскую и Хейльсбергскую. За время боев советские войска захватили в плен около 52 тыс. солдат и офицеров, более 4,3 тыс. орудий и минометов, 569 танков, 335 броневиков, свыше 13 тыс. автомашин и 1704 военных склада³⁹.

С 10 февраля 1945 года начался второй этап Восточно-Прусской наступательной операции — ликвидация изолированных группировок противника. Ликвидировать наиболее сильную группировку, Хейльсбергскую, пришлось довольно продолжительное время. Только 29 марта были подавлены последние очаги сопротивления фашистов на полуострове Бальга. Все южное побережье залива Фришес-Хафф (Калининградский залив) перешло под контроль 3-го Белорусского фронта. Войска получили приказ разгромить Кёнигсбергско-Земландскую группировку немцев, овладеть крепостью Кёнигсберг и военно-морской базой Пиллау (г. Балтийск), расположенной на Земландском полуострове.

В штурме Кёнигсберга должны были участвовать три общевойсковые и одна гвардейская армии 3-го Белорусского фронта, средняя укомплектованность стрелковых дивизий которых не превышала 35—40%. Для проведения операции советские войска имели свыше 5 тыс. орудий и минометов, 538 танков и самоходных установок и свыше 2 тыс. самолетов⁴⁰.

Гарнизон Кёнигсберга насчитывал около 130 тыс. человек, имевших на вооружении до 4 тыс. орудий и минометов, 180 танков и 170 самолетов, которые базировались на аэродромах Земландского полуострова⁴¹. При этом гарнизон окопался в фортах, дотах, дзотах и других укреплениях и состоял из самых отъявленных фашистов. Командовал им генерал О. Ляш,

старый член НСДАП, награжденный рыцарским крестом с дубовыми листьями. По приказу генерала не задолго до штурма весь город был расписан лозунгами: «Мы не капитулируем!» А по улицам разъезжал грузовик с музыкантами, играющими бравурные марши для поднятия боевого духа защитников.

6 апреля 1945 года начался штурм Кёнигсберга. Наши войска ворвались в город, где начались ожесточенные уличные бои, которые продолжались несколько суток. 9 апреля гарнизон Кёнигсберга капитулировал. В ходе боев советские войска уничтожили до 42 тыс. и взяли в плен около 92 тыс. человек, в том числе четырех генералов во главе с Ляшем и более 1800 офицеров. В качестве трофеев было захвачено 3,7 тыс. орудий и минометов, 128 самолетов и много другой военной техники и снаряжения⁴².

13 апреля 1945 года началась операция по ликвидации Земландской группировки противника. 25 апреля была захвачена военно-морская база Пиллау. Однако бои на косе Фрише-Нерунг (Калининградская коса) продолжались до начала мая и закончились капитуляцией остатков фашистских войск.

По пути прогресса и демократии

В мае 1945 года завершилась история фашистской Германии и ее бандитского плацдарма — Восточной Пруссии, откуда германские агрессоры неоднократно предпринимали походы против своих восточных соседей.

Между союзными державами — СССР, Великобританией и США — началось обсуждение вопроса о послевоенном устройстве Германии.

Стоит заметить, что впервые о демократическом будущем германского государства говорилось на самом высоком уровне еще в ноябре 1941 года. Тогда

во время беседы с советским полпредом премьер-министр Великобритании У. Черчилль выдвинул идею о расчленении Германии. При новой встрече с полпредом Черчилль развил свою мысль: «Основная задача состоит в том, чтобы раз и навсегда ликвидировать германскую опасность. Для этого необходимо полное разоружение Германии, по крайней мере, на целое поколение, и раздробление Германии на части, прежде всего отделение Пруссии от остальных частей Германии»⁴³. В свою очередь, в декабре 1941 года И. Сталин на переговорах с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом также предложил разделить Германию на несколько самостоятельных государств, а часть Восточной Пруссии передать СССР.

Новый разговор о судьбе послевоенной Германии состоялся на Тегеранской конференции в 1943 году. На ней вновь прозвучала идея Сталина о передаче СССР части Восточной Пруссии. Руководители союзных держав отнеслись к этой идее с большим пониманием. В феврале 1944 года в своем письме к Сталину Черчилль указал, что передачу Советскому Союзу Кёнигсберга и прилегающих к нему районов английского правительство считает «справедливой претензией со стороны России... Земля этой части Восточной Пруссии обогрета русской кровью, щедро пролитой за общее дело... Поэтому русские имеют историческую, хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию»⁴⁴. На Ялтинской конференции в феврале 1945 года к мнению Черчилля о восточной провинции Германии присоединился и президент США Ф. Рузвельт.

Окончательно вопрос о Восточной Пруссии был решен на Потсдамской конференции летом 1945 года. 23 июля правительства Великобритании и США подтвердили свое согласие о передаче Советскому Союзу Кёнигсберга и прилегающей территории.

В заявлении сторон говорилось: «Конференция

рассмотрела предложение Советского правительства о том, чтобы впредь до окончательного решения территориальных вопросов при мирном урегулировании прилегающая к Балтийскому морю часть западной границы СССР проходила от пункта на восточном берегу Данцигской бухты к востоку — севернее Браунсберга — Гольдапа к стыку границ Литвы, Польской Республики и Восточной Пруссии. Конференция согласилась в принципе с предложением Советского правительства о передаче Советскому Союзу г. Кёнигсберга и прилегающего к нему района, как описано выше»⁴⁵. Польша, кстати, воспользовавшись удобным случаем — конференцией победителей, сумела выцганить себе изрядный кусок немецкой провинции. Руководители союзных держав удовлетворили настойчивую просьбу поляков, хоть президент США и не выказывал большого восторга от этой затеи. Он придерживался той точки зрения, что полякам вообще ничего не надо давать.

Как считает группа ведущих специалистов во главе с профессором Г. Кретиным, передача Восточной Пруссии СССР никоим образом не противоречила существующим международно-правовым актам. Союзники сохранили Германию как государство, но лишили ее части бывшей империи, причем той, которую считали оплотом агрессии, и, опасаясь в последующем возрождения нацизма и милитаризма, решили эту часть территории как государственное образование ликвидировать и передать под управление другим державам⁴⁶. Тем более что современное международное право допускает в качестве меры ответственности государства-агрессора изъятие определенной части его территории, прежде всего той, которая использовалась в качестве плацдарма для нападения. При этом Кретинин и ученые строго указывают на то, что передача Восточной Пруссии была актом окончательным и бессрочным. А деятелей, утверждающих о

якобы 50 годах, разрешенных СССР находиться на этой территории, Кретинин и ученые не без основания заносят в разряд лжецов.

Так был решен вопрос о Восточной Пруссии. С этого момента бывшая провинция фашистской Германии вступила на путь прогресса и демократии.

Новая жизнь на бывшей фашистской земле

После окончания войны обстановка в Кёнигсберге и прилегающих районах долгое время оставалась напряженной. В развалинах городов, лесах и брошенных фольварках скрывались сотни недобитых фашистов — как обычных военнослужащих вермахта, так и агентов «Вервольфа». Только в одном Кёнигсберге в течение пяти дней после завершения уличных боев было взято в плен около 3 тыс. немецких солдат и офицеров, прятавшихся в домах и подвалах⁴⁷. Проявляло себя и гитлеровское подполье, совершая террористические акты и диверсии. «Великий Сталин учит нас не кичиться успехами, не зазнаваться, высоко держать революционную бдительность и военную дисциплину. Эти указания вождя особенно относятся к нам, работникам военной комендатуры города, бывшего колыбелью реакционного пруссачества. Враг — подл и коварен. Разгромленные на поле брани гитлеровцы уходят в подполье и насаждают всякие шпионские, террористические и диверсионные группы для подрывной работы. Своевременно разоблачить и обезвредить эти группы можно только тогда, когда каждый боец и офицер военной комендатуры будет бдителен и дисциплинирован, будет с честью и достоинством выполнять возложенные на него задачи», — отмечал в своем приказе от 1 мая 1945 года военный комендант Кёнигсберга генерал-майор М. Смирнов⁴⁸.

К 1 сентября 1945 года сотрудниками кенигсбергского оперативного сектора и подразделениями 11-й гвардейской армии было ликвидировано 43 диверсионно-террористических группы и выявлено 38 тайников, которые были заложены еще осенью 1944 года. Из тайников было изъято: пушек — 2; минометов — 2; противотанковых ружей — 151; пулеметов — 300; автоматов, винтовок, пистолетов — 4030; мин, гранат, снарядов — 47 451; патронов — 803 500; взрывчатых веществ — 2491 кг; радиостанций — 6; множительных аппаратов — 17⁴⁹. Кроме того, контрразведывательным органам пришлось вести борьбу с бандами, состоящими из дезертиров Советской армии, и выявлять нацистских преступников, скрывавшихся под личиной мирных жителей. Операции по обезвреживанию террористов, бандитов и военных преступников велись вплоть до 1947 года.

Другой заботой советских военных властей стали 139 тыс. немецких граждан, оставшихся в Восточной Пруссии, из которых 63 тыс. находились в Кёнигсберге. По этому поводу, кстати, немецкими историками и германофилами придумано немало злобных измышлений. Фальсификаторы договорились до того, что якобы после взятия Кёнигсберга из монголов был сформирован специальный полк, который занимался уничтожением гражданских лиц, а трупы сбрасывал в реку Прегель. Ничего подобного в Восточной Пруссии не было. Временное управление по гражданским делам, образованное в мае 1945 года, оказывало немецким гражданам всестороннюю помощь и строго следило за порядком, немедленно реагируя на отдельные случаи недостойного поведения советских военнослужащих. «Немцев обижать запрещаю!» — как выразился на одном из совещаний генерал-майор В. Гузий, начальник Временного управления.

Помимо борьбы с вражеским подпольем и обустройства немецкого населения, военным властям и

Временному управлению приходилось решать задачи по разминированию мест боев и восстановлению хозяйства Восточной Пруссии.

7 апреля 1946 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ об образовании «на территории города Кёнигсберг и прилегающих к нему районов» Кёнигсбергской области с включением ее в состав РСФСР⁵⁰. Летом 1946 года было подписано постановление № 1522 Совета Министров СССР, которое открыло путь к массовому переселению советских людей в новый край. Тогда же Кёнигсбергская область была переименована в Калининградскую. До конца 1946 года в область на добровольных началах переселилось из РСФСР и Белоруссии 58 743 человека.

К этому времени немецкое население бывшей восточной провинции, придя в себя от ужасов военного времени и отъевшись на советских харчах, начало проявлять недовольство как новой властью, так и присутствием новых людей. Немецкое недовольство, по свидетельствам переселенцев, выражалось в открытом вредительстве: поджоге стогов сена, порче сельскохозяйственных машин, отравлении скота⁵¹. Однако большинство немцев занималось злостным саботажем, отказываясь под разными предлогами от работ по восстановлению народного хозяйства области. Нашлись и те, кто вел антисоветскую пропаганду, в частности «распространяли слух о скорой войне России с Америкой и Англией, предсказывали поражение России, [и] что это поражение будет в пользу немцев и поэтому рекомендовали уклоняться от работ»⁵².

Советское правительство не стало тратить время на перевоспитание закоренелых фашистов. Совет Министров СССР избрал другой путь, решив этот вопрос кардинально, но достаточно гуманно. В октябре 1947 года и феврале 1948 года было принято два постановления под одним названием «О переселении

немцев из Калининградской области РСФСР в Советскую зону оккупации Германии». Организация переселения возлагалась на МВД СССР. Переселенцам разрешалось брать с собой до 300 кг личных вещей.

Первый эшелон с немцами вышел из Калининграда 22 октября 1947 года. Последний поезд был отправлен 21 октября 1948 года. За это время было вывезено свыше 100 тыс. человек (последняя группа немцев покинула территорию области в 1951 году). В дороге от болезней и старости умерло 48 человек. Как отмечают очевидцы, немцы уезжали из области, не скрывая своей радости по поводу отъезда⁵³. Самые жадные уничтожали то имущество, которое не могли забрать с собой. Некоторые, вероятно назло новой власти, кончали жизнь самоубийством⁵⁴. В 1948 году немцы, выселенные из Калининградской области, основали в Гамбурге общество «Восточная Пруссия». Через пару лет организация внесла в свой устав реваншистскую формулировку о праве на утраченную землю, напустив демагогического тумана: «Землячество стремится к воссоединению Восточной Пруссии со всей Германией на основе мира и свободы»⁵⁵.

А в Калининградской области кипел созидательный труд советских людей. К лету 1947 года военными властями были подготовлены условия для постепенного перехода к конституционным органам власти и управления. К этому же времени полностью определилось и административно-территориальное деление области, а населенные пункты получили прекрасные русские названия. И. Дынин, участник послевоенного восстановления, вспоминал: «Сделано очень много. Сделано все правильно. Восстановили города. Построили в Калининграде эстакадный мост. Полгорода вновь выстроили... У немцев за многие столетия столько не сделано, что сделано сейчас в Калининграде. А в Краснознаменске! Построили больницу, райком, райисполком, новые кварталы, дома двух-

этажные. Краснознаменск стал на город похож. Много усилий и труда вложено»⁵⁶. Так, шаг за шагом бывшая фашистская провинция превращалась в самую западную область СССР, где люди жили спокойно и счастливо.

А в Германии все это время кое-кто скрипел зубами от злобы и вынашивал темные реваншистские планы.

Drang nach Osten—2

С началом горбачевской перестройки над Калининградской областью стали сгущаться зловещие тучи. Под видом исследований «белых пятен» истории в калининградских средствах массовой информации развернулась разнузданная кампания по внедрению в общественное сознание чувства вины перед немцами, выселенными из области в 1947—1948 годах. Германофилы, избегая разговоров о преступлениях немецких фашистов на территории СССР и других европейских стран, настырно бубнили о «злодеяниях и варварстве» русских в Восточной Пруссии и призывали к всеобщему покаянию.

В 1990 году открылись границы Калининградской области, и сюда устремился поток германских туристов, прежде всего из общества «Восточная Пруссия». Последние с восторгом предавались воспоминаниям о том, как хорошо им жилось здесь при Эрихе Кохе и как плохо стало жить, когда сюда пришли русские «варвары». Число германских туристов, посещающих Калининградскую область, доходило до 50 тыс. в год. Одновременно общество «Восточная Пруссия» развернуло на территории области энергичную «просветительскую» деятельность. Активистами общества заключались договоры о сотрудничестве с различными организациями, проводились симпозиумы, вы-

ставки и памятные мероприятия. Вся эта возня имела своей целью «вербовку» новых германофилов и беспардонное выпячивание немецкой истории края.

После распада СССР в печати появилось сообщение, где утверждалось, что якобы во время одной из встреч с германским канцлером Г. Коелем президент РФ Б. Ельцин предложил продать Калининград обратно Германии. В свою очередь, канцлер якобы поблагодарил «друга Бориса» за проявленную заботу, но ответил, что «у него хватает забот и с Восточной Германией»⁵⁷. Это сообщение так и осталось на уровне слуха, но именно оно послужило началом кампании за передачу Калининградской области немцам.

Первыми поддержали эту идею калининградские германофилы, развернув на страницах печати дискуссию о необходимости добиваться для Калининграда статуса вольного порта, а также исправления исторической «несправедливости», допущенной «злодеем» Сталиным в отношении Восточной Пруссии. Стараниями «пятой колонны» в городе стала выходить газета на немецком языке «Koenigsberger Express» и на всех углах появилась реклама дешевого немецкого пива и разного ширпотреба.

Весной 1992 года в Германии состоялся так называемый Вайкерсхаймский конгресс, который принял резолюцию «Кёнигсберг-2000». В этом документе, в частности, говорилось: «Округ Кёнигсберга (Северо-Восточная Пруссия) как российский эксклав не жизнеспособен. Политически самостоятельный регион Северо-Восточная Пруссия мог бы явиться для области перспективой на лучшее будущее»⁵⁸. Следом за немцами пасти разинули Литва и Польша, решив, что без их голоса в устройстве «лучшего будущего» Калининградской области обойтись невозможно. Литовцы провели несколько «научных» конференций, где была поставлена под сомнение правомочность решения Потсдамской конференции 1945 года о передаче

Восточной Пруссии Советскому Союзу. Ряд деятелей, из-за очков прославивших самыми умными людьми в Литве, даже потребовал присоединения Калининградской области к литовскому государству в качестве компенсации «за вред, причиненный в годы советской власти»⁵⁹. В свою очередь, Польша также заявила о необходимости произвести польско-литовский раздел российской области.

Зимой 1994 года в Европарламенте была принята резолюция о Калининградской области, суть которой заключалась в том, чтобы вывести область из состава России, превратив ее в самостоятельную территориальную единицу. Более того, весной 1995 года в конгрессе США началась кампания по сбору подписей под проектом резолюции, требующей от России полной демилитаризации Калининградской области с дальнейшей передачей ее под управление международной инстанции. Проект резолюции был внесен на рассмотрение Палаты представителей конгресса конгрессменом К. Кацем.

Суэта Литвы, Польши и других международных субъектов вокруг Калининградской области явно не понравилась немецким реваншистам. В июне 1995 года в Берлине состоялось некое учредительное собрание, на котором с участием российских немцев была принята конституция государства под названием «Свободная Пруссия», расположенном на территории Калининградской области. Реваншисты громогласно заявили, что этим актом они восстановили субъект международного права (пока в изгнании), уже способный вести переговоры как с Россией, так и с другими заинтересованными государствами.

Приезд летом 1996 года в Калининградскую область президента Б. Ельцина несколько умерил пыл создателей «Свободной Пруссии» и прочих деятелей реваншистского толка. В интервью информационному агентству Интерфакс Ельцин заявил о том, что у

России «ни к кому территориальных претензий нет, но и к себе ничьи территориальные претензии мы не принимаем»⁶⁰. Президент также подчеркнул, что «Россия не уйдет из Балтики и нашу военную базу в г. Балтийске мы будем укреплять и развивать. Не для того Петр Первый прорубал окно в Европу и выходил в Балтийское море, чтобы мы это окно заколотили»⁶¹. В том же году был принят закон «Об особой экономической зоне (ОЭЗ) в Калининградской области», направленный на развитие промышленности анклава и облегчение жизни населения, оторванного от основной территории страны.

Однако из-за разработки закона «Об особой экономической зоне» Калининградскую ОЭЗ стали превращать в плацдарм для «тихой оккупации» и дырявый карман для государственной казны. Законом была предоставлена возможность подозрительным негосударственным структурам, частным лицам и общественным организациям Германии быть равноправными участниками ОЭЗ и учреждать фирмы со стопроцентным германским капиталом. В то же время в результате роста беспошлинного ввоза на территорию области импортных товаров образовалась «таможенная дыра», федеральный бюджет недополучал сотни миллионов рублей. Из-за перенасыщения потребительского рынка области дешевым импортом многие местные предприятия разорились. К 1998 году спад производства в области составил 72%, что значительно снизило денежный уровень населения.

Возможность ползучей экспансии и экономические сложности Калининградской области спровоцировали новый этап возни вокруг территориального вопроса.

Литва, например, выдвинула претензии на половину Виштынецкого озера, пограничную реку Неман и линию раздела территориальных вод в Балтийском море⁶². А в конце 1997 года несколько политических

партий Литвы обратились в ООН и к литовскому сейму с предложением передать Калининградскую область под временное управление Организации Объединенных Наций.

Но среди всех жаждущих отхватить кусок русской земли немецкие реваншисты оказались наиболее последовательными и коварными. С середины 90-х годов в Германии большую популярность получила идея создания на территории Калининградской области некой Балтийской республики, заселенной российскими немцами Поволжья, а также переселенцами из Казахстана. К концу 90-х годов в области обреталось уже свыше 10 тыс. немцев, организованных в различные общества: «Землячество немцев в Калининградской области», «Айнтрахт», «Новая сила», «Свобода» и т. д.⁶³. Вместе с появлением в области немецких «земляков» заметно активизировалась деятельность римско-католической церкви, религиозных объединений протестантов, сект и других учреждений, под «крышами» которых прочно окопались идеологические посланники немецких реваншистов. Среди русскоязычного населения области была развернута оголтелая сепаратистская пропаганда. При этом, опираясь на закон 1996 года об особой экономической зоне, реваншистские организации активно осуществляли «тихую оккупацию». В уставе одной из фирм, учрежденных реваншистами, было записано, что ее цель — «аренда участков с целью заселения и освоения территорий»⁶⁴. Имелось в виду — этническими немцами. Более того, вся эта пришлая камарилья совместно с местными германофилами принялась всячески дискредитировать и запугивать русские патриотические организации, выступающие против реваншистских устремлений Германии.

С приходом к власти в России президента В. Путина ситуация вокруг Калининградской области не изменилась.

В западной прессе стали с пугающей периодичностью появляться сенсационные сообщения, касающиеся Калининградской области. То сообщают о том, что на территории области «обнаружено» тактическое ядерное оружие, то начнут рассуждать о необходимости «гуманитарной миссии» на этих землях, то со ссылкой на «авторитетные» источники заявят, что Россия вот-вот отдаст анклав Германии. Делалось это не случайно. Западные любители чужих территорий пытались таким образом проверить на прочность новую российскую власть. А в начале 2001 года в Москву прибыл один из проверяльщиков — комиссар Европейского союза К. Паттен, курирующий в Еврокомиссии внешние связи. Продемонстрировав неплохую осведомленность о ситуации в анклаве, Паттен предложил программу, которая на языке ЕС называлась «окультурированием» Калининградской области. В рамках этой программы предполагалась всесторонняя оценка инфраструктуры анклава, оказание ему финансовой помощи, а также определенное представительство его администрации в структурах ЕС. Как верно отметили российские политологи, предложение комиссара ЕС не означало каких-то территориальных претензий. Все делалось «в духе высокого гуманизма и общечеловеческих ценностей. Ну, а если со временем жители Калининградской области предпочтут эти ценности российскому гражданству, то на то, дескать, их воля»⁶⁵. И кроме того, московский вождь высокопоставленного деятеля из ЕС являлся своеобразным предостережением Германии, чтобы в одиночку не пыталась «схарчить» заманчивый «Калининградский пирог».

Ответом европейским «друзьям» России стал визит в Калининградскую область весной 2001 года полномочного представителя президента РФ в Северо-Западном регионе В. Черкесова. Главной целью визита полпреда было продолжение изучения эконо-

мической и социальной ситуации в самом западном регионе России. На встрече с промышленниками и предпринимателями области Черкесов отметил, что одной из приоритетных задач федеральная власть считает создание стабильных, понятных и предсказуемых условий для деловой жизни региона. Зимой 2001 года правительством РФ было поручено Министерству экономического развития и торговли представить новый, концептуально иной проект федерального закона об особой экономической зоне в Калининградской области.

Укрепление Россией своей западной области вызвало ответные меры немецкой стороны. Германией для развития бизнеса, точнее — «тихой оккупации», было направлено в Калининградскую область около 250 млн. марок⁶⁶. Германофилы тоже совершили наглый выпад против российской государственности. В мае 2002 года был разработан новый законопроект об ОЭЗ в Калининградской области и представлен на рассмотрение в Минэкономразвития. Присутствовавший на обсуждении представитель администрации Калининградской области, явный германофил, в знак протеста против законопроекта, вносящего существенные изменения в закон 1996 года, демонстративно покинул совещание, громко хлопнув на прощание дверью⁶⁷. Но именно из-за этого демарша принятие нового законопроекта было отложено на неопределенный срок.

Осенью 2004 года немецкие реваншисты предприняли очередную попытку проверить Россию на прочность. В сентябре депутат бундестага от ХДС Ю. Климке совершил визит в Калининградскую область. Во время своей поездки Климке встречался с официальными лицами области, в беседах с которыми совал свой длинный нос в те сферы, которые принято обсуждать при закрытых дверях и без иностранных подданных. Так, в беседе с председателем Совета депу-

татов Калининграда Е. Ганом сей немецкий визитер настырно допытывался, насколько присутствие Балтийского флота препятствует развитию экономики, и нагло намекал, что российские войска следует убрать из области.

Вернувшись в Берлин, реваншист Климке тут же состряпал депутатский запрос на имя руководителя внешнеполитического ведомства ФРГ Й. Фишера. Запрос поддержало 70 депутатов бундестага, среди них Э. Маршевски и Э. Штайнбах — деятели, известные своими реваншистскими взглядами. В депутатском запросе содержалась идея создания литовско-российско-польского региона, который соответствовал бы исторической области Восточной Пруссии. При этом не уточнялось, должно ли это быть некое отдельное от соответствующих стран образование или что-либо иное. Однако направление было обозначено недвусмысленно и четко. Инициаторы запроса предложили назвать этот регион «Пруссия» и выказали серьезную озабоченность присутствием в нем российских войск, которые, по их мнению, мешают развитию экономики и туризма.

Российский МИД отреагировал на попытку авторов запроса проигнорировать исторические международно-правовые реалии и итоги послевоенного урегулирования в Европе решительным протестом. К позиции МИДа присоединились депутаты Госдумы, центральная и региональная пресса, заклеившие Климке и его свору позором. Однако среди людей доброй воли нашлись и адвокаты реваншистов из племени германофилов. Так, некто Немировский, подвизавшийся в информагентстве Росбалт, выступил в защиту внуков прусских душителей свобод и демократии. В своей статье этот германофил горько посетовал на то, что, дескать, организаторов запроса не так поняли, и строго предупредил, что отныне Кали-

нинградская область не получит от обиженных климке никаких инвестиций для развития экономики.

В начале 2005 года в прессе появилось сообщение о том, что представитель президента РФ в Северо-Западном округе И. Клебанов будто бы заявил о необходимости передачи Калининградской области в Евросоюз⁶⁸. Данная информация была расценена МИДом РФ как еще одно проявление информационной войны вокруг Калининграда. Тем более что последние действия российского правительства, в частности принятие нового законопроекта об ОЭЗ в Калининградской области и выступление президента Путина перед депутатами Федерального собрания в апреле 2005 года, где была затронута тема Калининграда, позволяют надеяться, что самая западная область страны останется в составе России.

Необходимо помнить, что немецкие реваншисты и их пособники германофилы не оставят своих гнусных замыслов по захвату нашей земли и создания на ней плацдарма для дальнейших экспансионистских планов. Люди, будьте бдительны!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Беликов А. Янтарный рубеж // Граница России. 1995, июль; Большой энциклопедический словарь. М., СПб., 1997; Леонов Н. Российский плацдарм в центре Европы // Русский дом. 1998, № 6.

² Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны: исторические очерки. Документы. Материалы. Калининград, 1996. С. 82.

³ Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Пруско-германский генеральный штаб 1640—1965: к его политической роли в истории. М., 1966. С. 5.

⁴ Монархи Европы: судьбы династий. М., 1996. С. 308.

⁵ Там же. С. 309.

⁶ Восточная Пруссия... С. 187—188.

⁷ Там же.

⁸ Монархи Европы... С. 314.

⁹ Восточная Пруссия... С. 235.

¹⁰ История Северной войны 1700—1721 гг. М., 1987. С. 123.

¹¹ Волков В. Российская Пруссия // Русский вестник. 1993, № 2.

- ¹² Восточная Пруссия... С. 252.
- ¹³ Монархи Европы... С. 320.
- ¹⁴ Восточная Пруссия... С. 253.
- ¹⁵ Волков В. Ук. соч.
- ¹⁶ Восточная Пруссия... С. 254.
- ¹⁷ Монархи Европы... С. 323.
- ¹⁸ Ферстер Г. и др. Ук. соч. С. 9.
- ¹⁹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Том 11. М., 1940. С. 259—260.
- ²⁰ Ферстер Г. и др. Ук. соч. С. 45.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 53.
- ²³ Монархи Европы... С. 330.
- ²⁴ Ферстер Г. и др. Ук. соч. С. 58.
- ²⁵ Там же. С. 79—80.
- ²⁶ Там же. С. 81—82.
- ²⁷ Зайончковский А. Мировая война 1914—1918 гг. Том 1. Кампании 1914—1915 гг. М., 1938. С. 108, 110.
- ²⁸ Там же. С. 110.
- ²⁹ Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 322, 343.
- ³⁰ Зайончковский А. Ук. соч. С. 116.
- ³¹ Восточная Пруссия... С. 397.
- ³² Там же. С. 406.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Адонин В. Снимем грех с души и примиримся // Янтарный край. 1993, 3 сентября.
- ³⁵ Восточная Пруссия... С. 424.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 т. Т. 10 Завершение разгрома фашистской Германии. М., 1979. С. 92.
- ³⁸ Восточная Пруссия... С. 435.
- ³⁹ История Второй мировой войны... Т. 10. С. 111.
- ⁴⁰ Там же. С. 117.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 121.
- ⁴³ СССР в борьбе за мир: документы и материалы. М., 1971. С. 430.
- ⁴⁴ Переписка председателя Совета Министров СССР с Президентами США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1976. С. 242—243.
- ⁴⁵ Восточная Пруссия... С. 483—484.
- ⁴⁶ Там же. С. 484.
- ⁴⁷ Там же. С. 442.
- ⁴⁸ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб., 2002. С. 186.
- ⁴⁹ Овсянов А.П. В казематах Королевского форта: очерки о фортификационных сооружениях старого Кёнигсберга. Калининград, 1999. С. 253.

- ⁵⁰ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев... С. 21.
⁵¹ Там же. С. 188.
⁵² Там же. С. 186.
⁵³ Там же. С. 228.
⁵⁴ Там же. С. 227.
⁵⁵ Восточная Пруссия... С. 476.
⁵⁶ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев... С. 242.
⁵⁷ «До свидания, Кёнигсберг!» // Советская Россия. 1995, 25 ноября.
⁵⁸ Заявление Калининградского общества «Русь» // Русский вестник. 1997, № 2—4.
⁵⁹ Дергачев Ю. Так ли уж нерушимы принципы нерушимости границ? // Граница России. 1996, март.
⁶⁰ Щеблыкин О. С Балтики — ни шагу! // На страже Родины. 1996, 6 июля.
⁶¹ Там же.
⁶² Беликов А. Ук. соч.
⁶³ Заявление Калининградского общества...; Леонов Н. Ук. соч.
⁶⁴ Вишняков В. В особых зонах и интерес особый // Парламентская газета. 2002, 27 августа.
⁶⁵ Виктор К. ЕС у «Калининградского пирога» // Санкт-Петербургские ведомости. 2001, 24 января.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Вишняков В. Ук. соч.
⁶⁸ Монетизация и развал России // Новый Петербург. 2005, 17 февраля.

Глава 4

МАЛЕНЬКАЯ ВОРОВКА С БОЛЬШИМИ ПРЕТЕНЗИЯМИ

Чего недостает эстонским «друзьям»

Ивангород, старинный русский город-крепость, основанный в 1492 году на берегу реки Нарвы, население 11,9 тыс. жителей. Административно входит в состав Кингисеппского района Ленинградской области. В городе находится завод котельного оборудования и трубопроводов, льножутовая фабрика, в окрестностях города расположена Нарвская ГЭС.

Печорский район Псковской области, общая площадь примерно 1,5 тыс. кв. км. Центр района — город Печоры с населением 12,5 тыс. человек. В городе находится завод коллекторно-дренажных труб, трикотажная фабрика и знаменитый Псково-Печерский монастырь, основанный в XV веке. В обители 11 церквей, три из которых — пещерные (в пещерах круглый год держится температура +5 °С). Территория окружена крепостной стеной с девятью башнями. Эти укрепления помогли обители выстоять в 200 сражениях. За 500 лет своего существования монастырь ни разу не закрывался. Даже во времена Великой Отечественной войны, когда Псковская область была занята фашистами, в обители каждый день продолжались службы. А в пещерах тогдашний наместник успешно прятал наших разведчиков и партизан¹.

К истории вопроса

С 1721 года земли, где жили эстонцы, именуемые Эстляндией, вошли в состав Российской империи. Русский царь Петр I, отвоевавший эту область у шведов, установил в ней так называемый «особый прибалтийский порядок», который просуществовал фактически до середины XIX века. Этот «особый порядок», как было принято в Российской империи, предусматривал для нацменов огромные льготы и привилегии. Поэтому к началу XX века эстонцы расплодились, окультурились и начали проявлять неприкрытые антирусские и сепаратистские настроения.

В феврале 1917 года, после падения самодержавия, эстонцы заявили о стремлении к созданию национальной автономии в рамках Российской республики. И уже с первых шагов формирования автономной государственной единицы они поставили вопрос о расширении своей территории. Под нажимом эстонских политических деятелей Временное правительство России согласилось присоединить к Эстляндии ряд северных уездов соседней Лифляндской губернии, где большинство населения составляли эстонцы. Весной 1917 года в Петрограде было издано постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии», согласно которому в ее состав включались 4 уезда Лифляндии.

Осенью 1917 года, вскоре после Октябрьской революции, Совет народных комиссаров России передал в состав Эстляндской губернии город Нарву и все прилегающие к нему населенные местности и мануфактуры (ранее Нарва входила в Ямбургское земство Петроградской губернии). В конце 1917 года передовыми представителями эстонского народа в Эстляндии была провозглашена советская власть, а сама губерния объявлена автономной частью РСФСР.

В свою очередь местные русофобы, опираясь на отсталую часть эстонского населения, создали так называемый Совет старейшин эстонского земского собора, который в феврале 1918 года опубликовал манифест «Ко всем народам Эстонии». В нем впервые провозглашалась независимость Эстонского государства и определялась его территория. Однако окончательное установление границ в областях, «граничащих с Латвией и русским государством», предполагалось установить «путем народного голосования, когда кончится нынешняя мировая война»². Раскол Эстляндии на красных и белых положил начало гражданской войне в губернии.

3 марта 1918 года между РСФСР и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией в Брест-Литовске был заключен мирный договор, отдельные условия которого непосредственно касались Эстляндии. С территории этой губернии следовало незамедлительно вывести войска Красной армии. Уезды Лифляндии, переданные Временным правительством в состав Эстляндии, возвращались латышам, но город Нарва оставался у эстонцев. При этом Брестский договор формально сохранял суверенитет РСФСР над Эстляндией. Однако летом 1918 года, в связи с обострением внешнеполитической обстановки, правительство Советской России вынуждено было заключить «Добавочный договор» к Брестскому договору, в котором заявило, что отказывается от верховной власти над Эстляндией. Правительство Германии, воспользовавшись удобным моментом, провозгласило создание в Прибалтике так называемого Балтийского герцогства, включавшего Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губернии бывшей Российской империи. Но объединение эстонцев, латышей и литовцев оказалось на редкость нежизнеспособным и развалилось через пару месяцев после скандалов и взаимных претензий.

В ноябре 1918 года Красная армия заняла Нарву, где была создана Эстляндская трудовая коммуна (ЭТК), провозгласившая независимую Эстляндскую Советскую республику, которая была признана Декретом СНК РСФСР. Стоит заметить, что во главе ЭТК стояли одни из лучших представителей эстонского народа. В декабре 1918 года на территорию Эстляндии вступил Северный корпус Белой армии, перешедший под командование белоэстонского правительства К. Пятса. За короткий срок белоэстонцы смогли создать довольно значительную армию. Большую помощь в этом им оказывала белая Финляндия, которая поставляла не только вооружение, но и добровольцев — 3600 человек, в большинстве своем из каторжан. Не усидели на месте и русофобствующие ингерманландцы, озабоченные созданием «Великой Ингерманландии». Эти деятели заключили с правительством Пятса договор о формировании в Таллине ингерманландских воинских частей, вошедших в состав белоэстонской армии.

Зимой 1919 года Северный корпус и белоэстонцы перешли в наступление и вскоре ликвидировали ЭТК в Нарве. 19 мая правительство Пятса вновь объявило о создании независимой Эстонской Республики.

Весной 1919 года Северный корпус и белоэстонская армия развернули наступление на красный Петроград. Особой прытью при этом отличались ингерманландские добровольцы. Высадившись на побережье Копорского залива, они заняли Сойкинскую волость и тут же засуетились с созданием своей нелепой республики. «Издавна пригретые за широкой пазухой России, — как справедливо писал по этому поводу один из русских журналистов, — маленькие народцы оттачивают острые ножички, примачиваются вплотную к лежащему страдальцу и не спеша, деловито выкраивают из живого тела русского государства приглянувшиеся им куски»³. Сепаратистская

возня ингерманландцев стала причиной трений между командованием белоэстонцев и командующим Северным корпусом генералом А. Родзянко, который обвинил эстонцев в поддержке сепаратистских устремлений нацменов. Вскоре трения переросли во взаимное недоверие, что сказалось на совместной вооруженной борьбе белоэстонцев и русских белогвардейцев против большевиков и стало одной из причин неудачного похода на Петроград в 1919 году.

В начале 1920 года между Эстонией и Советской Россией начались переговоры, которые завершились заключением мирного договора. Пользуясь тяжелым положением советского государства, где еще шла Гражданская война и царила разруха, белоэстонцы нагло навязали свои условия мира. В договоре определялась советско-эстонская граница: она выходила за пределы бывшей Эстляндской губернии, так как шла по правому берегу реки Нарвы, оставляя в пользу эстонцев часть территории Ямбургского земства Петроградской губернии с Ивангородом, Печорскую, Слободскую, Паниковскую и часть Изборской волости Псковской губернии. В договоре также оговаривались вопросы о получении гражданства лицами неэстонского происхождения, проживающими на территории Эстонии. Условия этой статьи лишали возможности получить эстонское гражданство большинство русских эмигрантов, а также некоторых жителей частей Петроградской и Псковской губерний, отошедших к Эстонии. Согласно условиям договора Россия также обязывалась выплатить эстонцам 15 млн. рублей золотом.

После провозглашения СССР во внешней политике советского государства по отношению к Эстонии вопрос о пересмотре границ не затрагивался. Даже напротив: Советский Союз неизменно подтверждал их неизменность. Весной 1932 года в Москве был заключен «Договор о ненападении и мирном разреше-

нии конфликтов между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонией». В договоре гарантировалась взаимная неприкосновенность границ, установленных в 1920 году. В свою очередь, Эстония вынашивала тайные планы войны с Советским Союзом. В начале 1930-х годов она заключила секретное соглашение с белой Финляндией о совместных военных действиях против СССР. Тайное финско-эстонское сотрудничество длилось почти десятилетие⁴.

Начало Второй мировой войны, приведшее к резкому обострению внешнеполитической ситуации в Европе, вынудило Эстонию 28 сентября 1939 года пойти на заключение пакта о взаимопомощи с СССР. В документе отмечалось, что советско-эстонские договоры 1920-го и 1932 годов по-прежнему являются прочной основой взаимоотношений и обязательств двух стран, что свидетельствовало о сохранении границ и территорий Эстонии, установленных по договору 1920 года. По условиям так называемого конфиденциального протокола, прилагаемого к пакту о взаимопомощи, Советский Союз получил право ввести в Эстонию свои войска. 1 октября выступая по радио, президент К. Пятс заявил: «Пакт о взаимопомощи не затрагивает наших суверенных прав. Наше государство остается самостоятельным, таким, каким оно было до сих пор. Заключение пакта означает, что Советский Союз проявляет по отношению к нам свою доброжелательность и оказывает нам свою поддержку, как в экономическом, так и в военном деле»⁵. 13 октября 1939 года пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонией был зарегистрирован под № 4643 в Официальном регистре Лиги Наций. При этом все ведущие западные газеты отметили, что заключенный пакт способствует развитию демократии и добрососедских отношений в Европе. В середине октября на территорию Эстонии вошли советские войска, общей численностью до 25 тыс. человек. Войска были вве-

дены не в результате военных действий, а на договорной основе, указывает на этот факт исследователь Н. Дьякова, поэтому данный акт с точки зрения международного права никак нельзя трактовать как оккупацию⁶.

Однако вскоре Эстонию захлестнули антисоветские и русофобские настроения, которые вылились в нарушение условий заключенного пакта. Коварная Эстония вступила в тайные сношения с Латвией, Литвой и Финляндией, направленные против СССР, а эстонские вооруженные силы развернули активные военные приготовления. Так, в телеграмме от 14 июня 1940 года полпред СССР в Эстонии К. Никитин отмечал, что в стране проведена тайная мобилизация, усилена полиция, в ряде уездов местному населению роздано оружие⁷.

Демонстративное нарушение эстонской стороной условий пакта о взаимопомощи вынудило Советский Союз 16 июня 1940 года выдвинуть ультимативное требование о формировании в Эстонии нового правительства. «Которое было бы способно и готово, — говорилось в ультиматуме, — обеспечить честное проведение в жизнь советско-эстонского Пакта о взаимопомощи» и ликвидировать угрозу провокаций против советских частей, дислоцированных на эстонской территории⁸. В тот же день вероломное правительство Пятса приняло советские условия и подало в отставку.

21 июня 1940 года в Эстонии было сформировано Народное правительство из демократических представителей эстонской общественности. В том же месяце состоялись выборы в Государственную думу, на которых убедительную победу одержал блок Союза трудового народа, возглавляемого коммунистами. 22 июля 1940 года Госдума Эстонии приняла решение о провозглашении Эстонской советской республики, а также Декларацию о вхождении Эстонии в со-

став СССР. «Только вхождение Эстонии в состав Союза Советских Социалистических Республик обеспечивает подлинный суверенитет нашего государства, свободное национальное развитие нашего народа, расцвет нашей промышленности и сельского хозяйства, нашей национальной культуры, могучий подъем материального и культурного благосостояния эстонского народа, процветания нашей любимой родины», — было отмечено в Декларации⁹.

В начале августа 1940 года Верховный Совет СССР постановил принять Эстонию в состав Союза. Добровольное вхождение эстонцев в союз братских народов стало величайшим событием в истории этой прибалтийской страны. Жизнь эстонского народа пошла по светлему пути, наполнившись глубоким смыслом. Однако счастье оказалось недолгим.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно напала на СССР. Из всего населения Эстонии на защиту социалистического Отечества поднялось в общей сложности до 50 тыс. человек¹⁰. Оставшаяся часть населения — русофобы, уголовники, отсталые слои рабочего класса и крестьянства отблагодарили советскую власть за проявленную доброту и заботу тем, что горячо приветствовали приход фашистов.

После оккупации Эстонии германскими войсками из асоциального элемента была создана организация «Омакайтсе» («Самозащита»), которую фашисты использовали для проведения карательных акций, несения охранной и конвойной служб. Только летом 1941 года участниками этой преступной организации было убито 946 советских активистов и совершено 426 карательных акций. К 1 ноября 1941 года ими было проведено 5033 облавы, арестовано 41 135 человек, из которых без суда и следствия казнено 7357 человек¹¹. В ходе войны эстонские подразделения участвовали в карательных операциях против партизан в Литве, Белоруссии, Украине, на территории Ленин-

градской и Псковской областей. Кроме того, так называемый «Эстонский полк» в составе 3 тыс. человек был отправлен в белофинскую армию, а эстонские полицейские охраняли еврейские гетто в Польше, Югославии и даже в Италии.

Преступному эстонскому элементу, как установил известный историк И. Пыхалов, принадлежит и «пальма первенства» в таком негодяйском деле, как формирование восточных частей СС. Первой такой частью стал эстонский батальон «Нарва», вошедший в состав 5-й танковой дивизии СС «Викинг». 28 августа 1942 года началось формирование эстонского легиона СС. Осенью этого года первая группа эстонцев была отправлена в Германию, в учебный лагерь Хайде, где формировалась 3-я эстонская добровольческая бригада войск СС. В ноябре 1943 года бригада прибыла на фронт в район Невеля, а в январе 1944 года она была развернута в 20-ю дивизию СС¹². Но стоит подчеркнуть, что на фронте эстонские части СС были небоеспособны и нестойки, в них отмечался большой процент самострелов и дезертиров. На это качество своих бывших холуев указывают современные немецкие исследователи. Однако эстонские эсэсовцы отличались большими «способностями» при проведении карательных акций против мирного населения, о чем также пишут немецкие историки.

В 1944 году Красная Армия освободила территорию Эстонии от фашистских оккупантов. Счастливая жизнь вновь вернулась в республику, хотя отдельные элементы — из русофобов, военных преступников, уголовников — активно противодействовали ее установлению. Советским органам госбезопасности пришлось вести с ними борьбу до 1956 года.

В год освобождения Эстонии Верховный Совет СССР восстановил историческую справедливость. 23 августа 1944 года был принят Указ об образовании Псковской области в составе РСФСР. Согласно указу

к вновь образованной области присоединялись Печорская, Слободская, Паниковская волости и часть Изборской волости Эстонской ССР, за исключением населенных пунктов с преобладанием эстонского населения (волости Мяэ и Мяремяэ). Таким образом к России вернулись уезды бывшей Псковской губернии, потерянные в 1920 году. В ноябре 1944 года по Указу Верховного Совета СССР российско-эстонская граница была установлена по реке Нарва. В состав РСФСР перешел Ивангород, старинная русская крепость, основанная в 1492 году, когда об эстонцах никто не знал и не слышал.

А последнее изменение административных границ между РСФСР и Эстонией произошло в 1957 году. В октябре этого года по указу Верховного Совета СССР было проведено частичное изменение границы «по фактически сложившемуся землепользованию»¹³. В состав Псковской области перешла восточная часть Ряпинасского района Эстонии с населенными пунктами Малая Кулилка, Ключи и Тамме, а Эстонской ССР были переданы населенные пункты Подмочилье и Пердага.

Мастера на все руки: от воровства до территориальных поползновений

В 1991 году в результате известных событий Эстония вновь стала независимым государством.

Эстонская независимость началась с ущемления прав русских в республике, перехода на национальную валюту — крону, введения визового режима и откровенного грабежа России, прежде всего Ленинградской и Псковской областей. Беспардонное воровство стало возможным из-за «прозрачности» наших границ и нерасторопности правительства Б. Ельцина. Сотрудники милиции и Министерства безопасности России,

которым одно время было поручено охранять экономические интересы в Северо-Западном регионе, просто физически не могли проконтролировать деятельность эстонских расхитителей русских богатств.

В январе — мае 1992 года только через границы Псковской области в Эстонию было вывезено товаров на сумму 517,6 млн. рублей. При этом 70% различных грузов (в основном нефтепродукты, цветные металлы, лес и т. д.) вывозилось вне пунктов контроля¹⁴. Дело дошло до того, что Эстония, не имея собственных запасов цветных металлов, стала чуть ли не основным их экспортером в страны дальнего зарубежья. Стоит заметить, что вывозились не только металлы и нефть, но также продукты питания и даже партии собачьих ошейников¹⁵. Летом 1992 года, выступая на пресс-конференции, председатель Ленинградского областного Совета народных депутатов В. Густов заявил: «Сложившаяся ситуация, при которой в Эстонию ввозится все что угодно, а оттуда — ничего, введение визового въезда ставят Россию, и в первую очередь Ленинградскую и Псковскую области, в крайне невыгодное положение. Российское правительство явно затягивает решение всего комплекса вопросов по налаживанию пограничного контроля, в результате чего республика теряет порядка 10—12 млн. рублей. Не исключено, что области придется прибегнуть к такой форме охраны границы, как создание рабочих отрядов, поскольку погранвойска, несмотря на свою готовность к этому шагу, не могут его предпринять без президентского указа»¹⁶.

В том же 1991 году Эстония поставила перед правительством России вопрос о «пересмотре» границ на основе договора 1920 года, ссылаясь на то, что эти переговоры не были денонсированы. Свои территориальные претензии Эстония распространяла на земли, находящиеся на правом берегу реки Нарвы (Ленинградская область), и район Печоры (Псковская

область). При этом на эстонских пяти кронах был красноречиво помещен абрис русской Ивангородской крепости, а министр иностранных дел Эстонии Т. Велисте дал указания всем эстонским посольствам откопать ветхие карты Эстонии 1939 года, где Печоры входят в состав этого государства, чтобы было проще объяснять «правомочность» эстонских домогательств.

Осенью 1992 года, выступая в Государственном собрании Эстонии, премьер-министр М. Маар заявил: «Предстоит взять под надежный контроль границы Эстонии, реорганизовать и усилить границы»¹⁷. По времени заявление высокопоставленного русофоба совпало с появлением в приграничных районах Эстонии представителей НАТО, формированием в районах Выру и Пильвы эстонских батальонов «Калев», «Куперьяновский», «Нарвский» и «Прогресс ради мира». Одновременно публика из организаций «Петсеримаа» («Печоры») и «Кайтселийт» («Союз защиты») начала осуществлять «экскурсионные» поездки в Печорский район Псковской области. Потомки лиц, депортированных отсюда после 1944 года, вели себя вызывающе нагло, запугивали население, заявляли претензии на русские дома и земли. Однажды группа эстонских русофобов потребовала освободить здание Печорского военкомата, а его сотрудников выдворить за пределы района. В другой раз эстонские «хозяева» установили «пограничные знаки на территории области в нескольких десятках километров от действительной границы»¹⁸. При этом в Печорском районе сотрудниками службы безопасности Эстонии проводилась активная работа по созданию «пятой колонны» из эстонофилов. Агенты развернули среди русского населения агитацию за переход в эстонское гражданство, чтобы иметь возможность обосновать свои территориальные претензии тем, что на этих землях живут не российские, а эстонские граждане.

В Эстонии была даже разработана специальная инструкция по ведению психологической войны в Печорском районе. В ней, в частности, говорилось: «Печеряне психологически относятся к сенсорному типу людей, которые в большой степени воспринимают информацию на слух, чем в напечатанном виде, поэтому секретным спецпропагандистам Эстонской Республики легче действовать через беседы с печерянами, которые этой осенью в большом количестве посещают с нужными документами Таллин для получения «синих паспортов» эстонского гражданина. Надо учитывать, что МВД России, погранвойска, органы ФСБ не контролируют ситуацию с «синими паспортами», которые могут дать гражданам Эстонии преимущество в референдуме. Возвращающиеся с «синими паспортами» из Таллина граждане Эстонии русской национальности должны разлагать печорские земли Псковщины»¹⁹.

В 1992 году Ленинградский областной совет народных депутатов, не дожидаясь соответствующих документов правительства России, принял решение об установлении пятикилометровой пограничной полосы на границе с Эстонией, чтобы предотвратить вывоз сырья, товаров и продуктов из России. Аналогичное решение было принято и Малым советом Псковского областного Совета. А вскоре Верховный совет Российской Федерации своим постановлением придал границе с Прибалтийскими республиками статус государственной. В соответствии с поставленной задачей российские пограничники приняли под охрану государственную границу с Эстонией на участке в 247 километров. Когда к концу 1992 года были подведены итоги служебно-боевой деятельности пограничных частей и подразделений, то стало ясно, что эстонскому вору неплохо дали по загребущим рукам. Только на участке Псковского пограничного отряда был предотвращен вывоз из страны около 900 тонн цветных

металлов, 500 тонн горюче-смазочных материалов, задержано более тысячи нарушителей, конфисковано сотни единиц огнестрельного и газового оружия²⁰.

Одновременно правительство России вело выяснение позиций Эстонии по территориальному вопросу. Хотя эта позиция была понятна и без всякого выяснения: эстонцы, размахивая забытым договором 1920 года, требовали то, что им никогда исконно не принадлежало — земли Кингисеппского района Ленинградской области и Печорский район Псковской области.

В конце концов, устав ждать конструктивных подвижек в переговорах с Эстонией и пресекая ее попытки сформировать на территории наших приграничных районов «пятую колонну» из эстонофилов, Россия в одностороннем порядке приступила к обозначению на местности своей государственной границы. Указом Президента РФ Б. Ельцина предусматривалось обозначить российско-эстонскую границу до декабря 1994 года. Реально же на сухопутной границе, за которую отвечала Федеральная пограничная служба, все 682 пограничных столба были установлены уже к 7 ноября 1994 года. При этом на территорию Псковской области пришлось 538 столбов²¹. Осенью этого года на Псковщине побывал президент Б. Ельцин, посетивший военный городок «Печоры» и пункт пропуска «Куничина гора». Особенно президент остался доволен тем, что «пограничники выполнили его указ и соответствующее постановление правительства по обозначению государственной границы с опережением установленных сроков»²².

Односторонние действия российской стороны по установке и укреплению линии российско-эстонской границы вызвали в Эстонии большое недовольство и активизацию мер, направленных против России. В 1994 году Эстония и две других прибалтийских страны подписали с блоком НАТО документ «Парт-

нерство во имя мира». Основой этого «партнерства» стала разработка совместной деятельности и оказание военной помощи Прибалтийским республикам. Чтобы Эстония могла погромче бряцать оружием на наших границах, в рамках оказания военной помощи ей предусматривалась поставка следующих видов вооружений: от штурмовых винтовок «М16А1» с 40-мм подствольным гранатометом «ХМ-148» и 155-мм гаубиц до вертолетов «СН-47» «Чинук» и ранцевых ядерных фугасов для спецподразделений²³.

В декабре 1994 года премьер-министр Эстонии А. Таранд заявил об отказе от притязаний на часть территории Ленинградской и Псковской областей общей площадью около 2 тыс. кв. км. Прогрессивный политический деятель объяснил свое решение невозможностью вернуться к реалиям 1920 года. «Мы должны быть реалистами, а не жить прошлым», — отметил Таранд.

Однако в начале 1995 года новое правительство Эстонии во главе с русофобом Т. Вяхи вновь заговорило об «утраченных» эстонских территориях. Осенью этого года Москва решительно отвергла территориальные домогательства эстонцев, подчеркнув, что «не намерена менять свою позицию»²⁴. «Мы не признаем существования территориальной проблемы с Эстонией», — заявил высокопоставленный сотрудник МИДа РФ²⁵. Твердая позиция России заставила Эстонию умерить свои антирусские настроения. В декабре 1995 года правительство Вяхи отказалось от территориальных претензий к России²⁶.

С этого момента в отношениях между Россией и Эстонией вопрос об «утраченных» территориях не поднимался. Во всяком случае, громких заявлений официальных лиц по этому поводу не наблюдалось, хотя между странами велись переговоры о заключении пограничного договора, закрепляющего линию государственной границы. Впрочем, верить в благо-

родство и здравый смысл Эстонии не стоит. Страна, где бывшие военнослужащие 20-й эстонской дивизии СС возведены в ранг народных героев и где царит пещерная русофобия, не собирается отказываться от территориальных претензий на русские земли. Просто в настоящее время официальный Таллин предпочитает действовать в этом направлении посредством хитрых проектов и маргиналов из различных русофобских организаций. О том, что это так, говорят недавние события. В феврале 2005 года в Таллине и Тарту состоялись пикеты, участники которых требовали передать в состав Эстонии часть российской территории — прежде всего Печорский район Псковской области. Организаторы этих акций — представители народности сету, недовольные тем, что линия современной границы не учитывает их интересов. Подумать только, интересы сету! Читатель, ты что-нибудь слышал об этих сету?! А недавно в Ивангороде прошли общественные слушания по проекту «Waterjoy»²⁷, который предусматривает создание культурного центра и аквапарка на границе Эстонии и России. Предусматривается, что комплекс может использовать ресурсы двух стран. Например, потреблять дешевую российскую электроэнергию и уже имеющиеся на эстонской стороне коммуникации²⁸. Сомнительный проект, больше похожий на очередной вариант «ползучей оккупации». Сначала эстонцы влезут со своим аквапарком на нашу территорию, потом сюда набегут какие-нибудь сету, а затем их отсюда палкой не выгонишь. Знаем мы эти штучки! Словом, территориальные поползновения продолжаются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1997. Март М. Святые пещеры // Аргументы и факты. 2004, № 39.

² Дьяков А. Н. Балтийские соседи // Граница России. 1995, февраль.

- ³ Таргяйнен М.А. Ингерманландский излом. Борьба ингерманландских финнов в Гражданской войне на Северо-Западе России (1918—1920 гг.). СПб., 2001. С. 101.
- ⁴ Лескинен Я. Секретное военное сотрудничество между финской и эстонской армиями против Советского Союза в 1930-х гг. // Новый часовой. 2004, № 15—16. С. 217.
- ⁵ Полпреды сообщают...: сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990. С. 74.
- ⁶ Дьякова Н. Ук. соч.
- ⁷ Полпреды сообщают... С. 376, 378.
- ⁸ Там же. С. 389—390.
- ⁹ Там же. С. 485.
- ¹⁰ Таллин в огне: сборник статей ветеранов войны и воспоминаний участников героической обороны Таллина и Моонзундского архипелага 7 июля — 2 декабря 1941 года. Таллин, 1971. С. 14.
- ¹¹ Пыхалов И. Как «порабощали» Прибалтику // Спецназ России. 2002, июль.
- ¹² Там же.
- ¹³ Дьякова Н. Ук. соч.
- ¹⁴ Беликов А. Псковский рубеж: четыре года спустя // Граница России. 1996, июль.
- ¹⁵ Тимофеев И. Если крепости не сдаются... // Вести. 1992, 7 июля.
- ¹⁶ Михайличенко М. У эстонцев граница — на замке, у нас — ни границы, ни замка // Вести. 1992, 7 июля.
- ¹⁷ Костомаров Б. Печоры: что тревожит комитет // Русский вестник. 1993, № 1.
- ¹⁸ Зазулин А. Тревожное приграничье Псковщины // Советская Россия. 1995, 5 сентября.
- ¹⁹ Константинов О. Чухонцы готовятся к войне? // Русский вестник. 1996, № 5.
- ²⁰ Беликов А. Ук. соч.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Константинов О. Ук. соч.
- ²⁴ С телетайпной ленты // Границы России. 1995, октябрь.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Интервью // Граница России. 1995, декабрь.
- ²⁷ Аквапарк посредине Наровы // Санкт-Петербургские ведомости. 2005, 7 мая.
- ²⁸ Вслед за китайцами кусочек России получают эстонцы // Версия в Питере. 2005, 31 января — 6 февраля.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У России много «друзей», очень много. В какую сторону ни ткни, обязательно попадешь в такового. Причем все «дружья» наши — алчные, коварные и злые. И всем им от нас что-то надо, все от нас чего-то требуют. Одни добиваются от России покаяния и возмещения ущерба неизвестно за что, другие учат жизни и демократии, третьи считают, что русская земля должна принадлежать им.

18 мая 2005 года между РФ и Эстонией был подписан договор о госгранице. Договор закрепил Государственную границу в ее нынешнем начертании — по бывшей административной границе с незначительной корректировкой «на условиях адекватной территориальной компенсации»¹. Согласно документу, стороны уступили друг другу по 128,6 га суши и по 11,4 кв. км поверхности озер. После подписания договора, отвечая на вопрос журналистов о том, имеет ли Эстония к России претензии, глава эстонского МИДа У. Паэт сказал, что «сейчас я не могу положительно или отрицательно ответить на этот вопрос»². По его словам, данный вопрос стоит на повестке дня российско-эстонских переговоров, которые будут продолжены.

Ответ Паэта надо понимать так, что и в дальнейшем Эстония намерена домогаться от России «возврата» исконных русских земель — Ивангорода и Пе-

чорского района Псковской области. Ожидать иного от эстонских русофобов не следует.

20 мая 2005 года Госдума ратифицировала Дополнительное соглашение между РФ и КНР, уточняющее прохождение линии границы на двух спорных участках. Китаю передается остров Большой на реке Аргунь, остров Тарабаров и большая часть Большого Уссурийского острова на реке Амур, общей площадью 337 кв. км.

Напомним, что российско-китайская граница на Дальнем Востоке протяженностью 4259 км исторически складывалась в течение нескольких столетий и пролегла по естественным рубежам пограничных рек Амур, Уссури, Аргунь, Сунгача, озера Ханко, далее по рекам Беленхэ и Туманной до корейской границы. Юридически прохождение границы было оформлено Айгунским и Пекинским договорами в середине XIX века. Долгое время такое территориальное разграничение между двумя странами было незыблемым. Однако после известного обострения отношений между СССР и Китаем в конце 50 — начале 60-х годов XX века китайцы начали предъявлять территориальные претензии к нашей стране. Их перестала устраивать пограничная линия на отдельных участках границы, проходящая не по фарватеру, а по одному из берегов реки. Тем более что к этому времени установилась международная практика, согласно которой границы по рекам проводились по фарватерам. Китайские претензии вылились в 1969 году в вооруженную попытку захвата советских территорий, в частности острова Даманский на реке Уссури. Советская страна, ответив решительным отпором, надолго устранила территориальные проблемы на Дальнем Востоке.

В конце 80-х годов Китай вновь начал проявлять недовольство по поводу разграничения советско-китайской границы. В целях нормализации отношений в 1991 году было подписано «Соглашение между Сою-

зом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской границе на ее Восточной части». В 1994 году аналогичное соглашение было подписано с Российской Федерацией и Китаем о Западной части российско-китайской границы. Оба соглашения были ратифицированы и вступили в силу. В соответствии с документами была проведена новая демаркация границы на трех спорных участках: Уссурийском, Хасанском и Ханкайском. В результате уточнения границы на Ханкайском участке к России отошло 0,9 кв. км пахотных земель, а к Китаю — 2,6 кв. км неугодий³. На Хасанском участке границу, проходящую по водоразделу между озером Хасан и рекой Туманной (Тумыньцзян), отнесли на 3,2 кв. км в глубь российской территории⁴. На Уссурийском участке на реке Уссури за Россией осталось три острова общей площадью 26,6 кв. км. Китай получил пять островов, в том числе и остров Даманский, общая площадь которых 47,3 кв. км. К России также отошел остров Полуденный на Амуре (20,7 кв. км) и острова в устье Сунгари (71 кв. км)⁵. Стоит отметить, что в ряде источников территориальные потери России в результате демаркации границы оцениваются в 1,5 тыс. кв. км сухопутной территории в Приморье и порядка 600 островов на реках Амур и Уссури⁶.

Решение пограничных вопросов в соответствии с соглашениями 1991 и 1994 годов было практически завершено в 1996 году. Несогласованным остался вопрос о трех островах (Большой, Тарабаров и Большой Уссурийский) на реках Аргунь и Амур.

В ходе визита в Китай президента В. Путина в октябре 2004 года этот вопрос был решен в пользу китайцев. В мае 2005 года Госдума своим решением придала Дополнительному соглашению юридическую силу. «Нельзя упускать из виду тот факт, что снят

серьезный раздражитель в отношениях с Китаем», — заявил глава МИДа С. Лавров⁷.

А снят ли «раздражитель», господин Лавров? Ведь не секрет, что в реестр дальнейших территориальных требований Китая включены все Приамурье, Приморье и даже Забайкалье. Более того, китайцы воспитываются в духе территориальных претензий к нашей стране: в учебниках для школ и вузов утверждается о якобы незаконном, насильственном отторжении царской Россией «исконных» китайских земель, об «империалистическом» характере русско-китайских договоров о границе⁸. В недавнем интервью директор Института национальной безопасности С. Белковский заявил, что через пять лет популяция китайцев в этих регионах станет такой, что «они смогут сформировать собственные политические силы»⁹. Вот и наш лучший «друг» З. Бжезинский считает, что Россия стоит перед выбором: уступить эти обширные территории Китаю либо отдать их США и Западу¹⁰. Что скажете, господин Лавров? И как быть с другими — японцами, финнами, немцами, которых давно «раздражает» в одном месте от желания прихватить себе русской земли?

В недавнем послании Федеральному Собранию РФ президент Путин заявил о стратегически важных регионах России, которые следует развивать. «Имею в виду Дальний Восток, Калининградскую область, другие приграничные территории», — сказал президент¹¹. Благие намерения президента Путина, что и говорить. Особенно на фоне непрекращающихся претензий японцев по поводу Южных Курил, финско-немецкой «ползучей оккупации» в Карелии и Калининградской области, «интересов» сету в Печорах, а также недавнего заявления фашистской Латвии о том, что Пыталовский район Псковской области является «исконной» латвийской территорией.

Чего не хватает намерениям Путина, так это жестких действий, направленных на сохранение целостно-

сти страны, и прежде всего указанных регионов. В самом деле, что делается, чтобы решительно пресечь территориальные поползновения «друзей»? Практически ничего, даже протесты МИДа если и звучат, то отличаются политкорректностью, чтобы ненароком не обидеть каких-нибудь хищных соседей.

А ведь Россия в настоящий момент поставлена перед выбором: остаться великой державой либо превратиться в обрубок с ампутированными районами и областями, что приведет к дальнейшим территориальным претензиям «друзей», всплеску сепаратистских настроений внутри страны и исчезновению России с карты мира. Что делать? История знает немало примеров, когда государства применяют все доступные способы и средства, включая военную силу, чтобы отстоять неотъемлемое право суверенитета на свои территории. Достаточно вспомнить жесткую позицию бывшего премьер-министра Великобритании М. Тэтчер относительно принадлежности бесплодных Фолклендских (Мальвинских) островов, расположенных за тысячи миль от Англии.

Руководство России обязано занять самую жесткую позицию в отношении любой страны, заявляющей претензии на русские земли. «Получат Пыталово как от мертвого осла уши!» — недавно отреагировал на наглое заявление Латвии президент Путин. Вот так же следует поступать и впредь. Словом, долой ненужную политкорректность. Даешь здоровое хамство и эгоизм с человеческим лицом!

Устранение с поста руководителя МИДа Лаврова, мямли и вообще подозрительного типа, было бы еще одним шагом по укреплению целостности России. Необходимо также гнать взащей из приграничных областей и районов все сомнительные фирмы и общественные организации, осуществляющие «тихую оккупацию». И крайне важно нанести сокрушающий удар по «пятой колонне» внутри самой России. Всех

этих японо-, финно-, германо-, эстоно- и прочих филов, ведущих сепаратистскую пропаганду, надо объявить пособниками реваншистов и как следует приструнить. И не надо бояться обвинений в репрессиях. Это не репрессии, а защита государственных интересов и целостности страны.

В противном случае уже в ближайшем будущем наши «добрые друзья» и их пособники разорвут и растащат Россию по маленьким кусочкам...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Госграница без претензий // Санкт-Петербургские ведомости. 2005, 19 мая.

² Там же.

³ Дьякова Н. Восточный рубеж // Граница России. 1996, июль.

⁴ Кушнир Д. Над границей слухи ходят хмуро // Граница России. 1996, апрель.

⁵ Там же.

⁶ Братчикова В. Приморская мина // Русский Восток. 1995, март. Крылов К. Точка на карте // Спецназ России. 2004, октябрь.

⁷ Крылов К. Раздражитель // Спецназ России. 2004, ноябрь.

⁸ Хацанков М. Власть отдает российские земли Китаю // Русский вестник. 1993, № 38—41.

⁹ Кузьмин В. Апокалипсис от Белковского // Российская газета. 2005, 18 мая.

¹⁰ Круглов В. Восточный вызов // Завтра. 2005, февраль.

¹¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2005, 26 апреля.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Картунов. «Холодная война»: парадоксы и мифы одной стратегии</i>	5
Истоки	6
«Победители» и «побежденные»	23
К вопросу об «имперском синдроме»	34

Часть I

ВОКРУГ МЮНХЕНСКОЙ РЕЧИ ПУТИНА

<i>Андрей Паршев. «Холодная война» — наш образ жизни во взаимоотношениях с Западом</i>	47
<i>Максим Калашников. Если война все же начнется...</i>	70
Перед лицом новой «холодной войны»	70
Мюнхенский счет «победителям 1991 года»	72
Разрыв с Западом: кто проиграет?	76
Мобилизация ради выживания	77
Оценить степень угрозы	79
Тупики «теплого мира»	81
Парадоксы и тупики ядерного сдерживания	83
Странная мировая	86
Направления главных ударов: от космоса до микромира	88
Смена караула	91
Прямая и недвусмысленная угроза	92
Главный асимметричный ответ	94
Стратегия «новый Якир»	95
Террор — стратегическое оружие XXI века	98
Дешевый вариант «звездных войн»	100
Россия будет уничтожена за один день?	103
Новый «Барбаросса»	105
Выдумка или повторение пройденного?	107
Победа — в быстроте	107
<i>Александр Проханов. «Идет «война холодная», священная война...»</i>	110
Кстати говоря...	113
Россия в новой глобальной архитектуре	115

Часть II

РОССИЯ В ОКРУЖЕНИИ ХИЩНИКОВ

Виктор Стечкин. Так называемые спорные территории в агрессивных планах соседей России	149
Предисловие	149
Глава 1. Токийские мечтатели	153
Чего они от нас требуют	153
Вас здесь не стояло	154
Засуетились	160
Застучали кулаком	171
«На советский каравать рта не разевать!», или Наш «особый счет к Японии»	176
Урок не впрок, или К чему ведет недостаток «масленных блинов»	190
Неугомонный не дремлет враг	197
Глава 2. Долго будет Карелия сниться?	213
О чем кукуют финские «кукушки»	213
«Глупый и спившийся народ» и его история до присоединения к России	215
Светлый путь и черная неблагодарность	228
Маленькая, но очень вредная страна	236
«Шуты гороховые», доигрались	263
«Шерочка с Машерочкой», или Союз двух свастик	274
С булыжником за пазухой, лыжной палкой за спиной и с одной на всех извилиной	287
Глава 3. Призрак бродит по Европе.	
Призрак реваншизма	316
Куда немцы тянут клешни	316
От части «гауптвахты» до российской провинции	317
И снова часть «гауптвахты»	326
Эрих Кох и его любимый «гауптвахтный» угол	332
Конец фашистской провинции	335
По пути прогресса и демократии	338
Новая жизнь на бывшей фашистской земле	341
Drang nach Osten—2	345
Глава 4. Маленькая воровка с большими претензиями	356
Чего недостает эстонским «друзьям»	356
К истории вопроса	357
Мастера на все руки: от воровства до территориальных поползновений	365
Послесловие	373

ПРЕДЧУВСТВИЕ НОВОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Редактор *В. Бобров*
Художественный редактор *С. Груздев*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Яуза-пресс».
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.09.2007.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 4000 экз.
Зак. № 2300

Отпечатано в типографии
ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Максим Калашников, Андрей Паршев,
Александр Проханов, Виктор Стечкин, Сергей Кортюнов

Предчувствие новой «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

События последних месяцев заставили заговорить о новой «холодной войне» между Западом и Россией. Однако горизонты нового военно-политического противостояния во многом представляются опасной перспективой для нынешней ослабленной России.

Настало время, наконец, разобраться, в чем же состоит феномен «холодной войны»? Способна ли Россия противостоять новым угрозам, и если да, то, как и какими средствами? Наконец, следует ли расценивать монхенскую речь В.В.Путина как поворот во внешней политике России? Накал политических страстей подогревается тем, что ближайшие наши соседи смотрят на огромные пространства России с нескрываемыми территориальными аппетитами. И то, чем им не удалось овладеть в годы однополярного «союзнчества», они стремятся заполучить иными средствами.

Широко известные авторы сборника Максим Калашников, Андрей Паршев, Александр Проханов, Виктор Стечкин, рассматривая различные аспекты проблемы, каждый по-своему отвечают на поставленные вопросы.

УГРОЗЫ РОССИИ